

Владимир Поселягин

КОМСОМОЛЕЦ

Комсомолец

Осназовец

Коммандос

Военная фантастика
коллекция

Владимир Поселягин

**Комсомолец. Осназовец.
Коммандос (сборник)**

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Поселягин В. Г.

Комсомолец. Осазовец. Коммандос (сборник) /
В. Г. Поселягин — «Издательство АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-096034-7

Он бывший украинский офицер, убитый в начале Евромайдана в конце 2013 года бандой украинских фашистов-националистов. Он умер, но воскрес в другое время и в другом теле. Воскрес, чтобы отомстить националистам. Месть – вот, что его ведет. Горят поезда и аэродромы, падают скошенные пулей националисты и другие приспешники немцев – это Леший веселится на территории оккупированной Украины.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-096034-7

© Поселягин В. Г., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Комсомолец	6
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Владимир Поселягин
Комсомолец. Осназовец.
Коммандос (сборник)

© Владимир Поселягин, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Комсомолец

– М-м-м... – замычал я от стреляющей боли в левой руке. Также горел огнем левый бок.

Кроме этих чувств, вдруг включились другие. Меня на чем-то везли, причем по неровному деревянному полу – был слышен перестук колесиков по доскам. Рядом кто-то успокаивающе бормотал. Сквозь веки мелькал свет от потолочных ламп. Было такое впечатление, что я в больнице и меня везут на каталке. Вот это уже казалось бредом. Вряд ли после того, как у тебя сгорела вся кожа на теле, а потом еще выстрелили из старого потертого пистолета в лицо, можно выжить. Бывали, конечно, такие случаи, не отрицаю, но со мной это вряд ли произошло. Меня, скорее всего, банально бы добились... да и добились.

Я приоткрыл глаза. Я лежал на правом боку, голый, прикрытый простыней. Сил не хватало, чтобы приподнять голову и осмотреться.

Сперва никак не удавалось сфокусировать взгляд, только и видел размытое покачивающееся светлое пятно рядом. Но вот, наконец, зрение вернулось в норму, и я неожиданно с удивительной четкостью разглядел конопатую девушку в медицинском белом халате. Она меня поразила выше всяких слов. Мало того что на ней были странные, я бы сказал, старинные халат с завязками и шапочка, так еще из-под халата выглядывал воротник формы цвета хаки. На нем виднелись петлицы с медицинскими эмблемами на зеленом фоне и по два треугольника.

«Сержант, – отметил я, мысли плавали, и никак не получалось сосредоточиться. – Реконструкторы? На майдане? Что за бред?»

В это время мы въехали в просторное и светлое помещение, где звучали мужские голоса. Девушка-сержант заметила, что я очнулся, и негромко сообщила неизвестному и невидимому мне врачу:

– Игорь Павлович, мальчик очнулся. Глаза открыл.

«Мальчик? Где мальчик? Я, что ли? Чушь какая. С моими тридцатью шестью мальчиком меня назвать сложно. Да и похож я сейчас, наверное, на обугленное полено... как там дочка? Может, есть шанс?» – вихрем пронеслись мысли в голове. Им не помешала даже сильная слабость от кровопотери и обезвоживания. Мне было знакомо это состояние, и я догадывался о характере травм. Все-таки есть огнестрел, не показалось в болевом шоке.

– Очнулся? Это хорошо. Петрович, что там с его отцом?! – крикнул неизвестный.

Кому, я не видел, так как смотрел на девушку, на светлые стены и на старинные медицинские шкафчики. Пахло больницей. Больше всего меня озадачил плакат на стене, военно-медицинской тематики и с датой в углу – 1940 год.

«Конструкторы долбаные, до мелочей все повторяют», – мелькнула мысль и пропала.

– Остывает, – на грани слышимости все-таки расслышал я. – Со стола снимаем.

– Вот это плохо, – сказал неизвестный и тут же скомандовал: – Давайте парня на стол, будем оперировать. Готовьте инструменты.

Когда меня приподняли в несколько рук, бок пронзила резкая боль, и, застонав, я потерял сознание.

* * *

Приподнявшись, я встал с кровати и, сунув босые ноги в тапочки, пошаркал к окну. Бок уже так не тянул, и недавно сняли гипс с руки, так что я по привычке сунул ее в косынку. Ходить я мог уже две недели как, чем активно пользовался, для зарядки обходя утром и вечером весь госпиталь. Удобно, хоть туалет сам посещаю. Не то чтобы я стеснялся, просто сам привык все делать. Я раньше бирюком был, только будущая жена и смогла меня растормошить

и впоследствии показала, что такое это семейное счастье. Эх, Наташа-Наташа, надеюсь, в раю с дочкой и сыном тебе хорошо.

Присев на подоконник, я со второго этажа посмотрел на двор госпиталя, где с полуторки разгружали медикаменты двое солдат. Или как их тут называли – красноармейцев. Недавно закончилась пурга, и пожилой санитар сгребал большой лопатой снег в кучки, приготавливая их к вывозу. Вывозили снег на санях куда-то за окраину города.

В этом мире я находился вот уже чуть больше месяца. Да, для меня было шоком, что я оказался в чужом теле в чужом мире. Если разбираться, то получалось вот что.

Я погиб в том мире – возможно, в будущем, и это мое прошлое – и очнулся тут, в теле пятнадцатилетнего парнишки, в декабре тысяча девятьсот сорокового года.

Как все начиналось? М-да, в двух словах и не расскажешь.

Ну, начнем с нашей «незалежной Украины», чтобы она в гражданской войне сторела. Так, это я с темы съехал. Мне было тринадцать лет, когда Союз рухнул, жили мы во Львове, там и продолжили жить. Потом было становление молодого государства, срочная служба, офицерское училище и служба в небольшой части, подчиняющейся СБУ. Наша часть занималась поиском и отловом диверсантов противника, но так как с этими диверсантами все было не так хорошо – ну мало их у нас было! – мы работали и по другим силовым акциям. Включая захват и отлов бежавших из мест заключения зеков. Короче, не пойми что за часть, как и все у нас в стране. К тридцати шести годам я был капитаном, заместителем командира части. Давно бы дали майора, но я особо не проявлял патриотических чувств, будучи честным служакой. Ровно я к этой стране относился, мозгов хватало разбираться в хитросплетениях той мути, что сыпалась на нас с экранов телевизоров. К тому же еще и женат был на россиянке, с которой познакомился в Крыму на отдыхе.

Я западенец, как бы меня назвали русские, и чистокровный украинец. Что есть, то есть. Мой дед по отцу прошел всю войну, закончил ее в Вене ротным старшиной, был награжден двумя орденами и четырьмя медалями. А вот дед по матери был самым настоящим бандеровцем. Вступил в УНО в сорок третьем, когда ему исполнилось семнадцать, и так развлекался со старшими товарищами дивизии «Галичина», что Советы его, найдя в сорок шестом, осудили на два десятка лет. Вернулся он из советских лагерей сломленным и тихо угас еще до моего рождения. Так что родственники со стороны матери у меня были еще те.

О чем это я? Ах да. Началось все с волнений, этого проклятого майдана тринадцатого – четырнадцатого годов. Вроде все начиналось нормально, мирные митинги и заявления, а потом все как-то повернулось. Появились эти ублюдки из «Правого сектора». Наша часть, что располагалась на окраине Киева, находилась в полной боевой готовности, но приказа усилить парней из «Беркута» и из внутренних войск так и не поступало. Две роты личного состава, специально подготовленных к подобным мероприятиям, было бы неплохо кинуть в помощь, но приказа все не было и не было. Командир части, полковник Бульбаш, ушел на больничный, сняв с себя всю ответственность. Часть находилась на мне.

Я сразу отдал приказ на усиление постов, а также в случае штурма «правосеками» делать сперва предупредительный в воздух, потом по конечностям. Слухи о захватах армейских складов с оружием уже гуляли в новостях. Тогда я еще был цивилизованным и испорченным демократией. Идиотом был, сейчас я это понимал со всей ясностью.

Приказ не был странен – начались непонятные звонки с угрозами мне домой и на сотовый телефон. Это настораживало, вот и отдал этот приказ, а не самоустранился, как многие наши командиры. Уже несколько частей подверглись нападению, и как я уже говорил, оружие стало ходить среди боевиков майдана.

Думаю, меня слил старший лейтенант Михайлец – видимо, он имел прямые контакты с боевиками и собирался сдать нашу часть и влиться в их ряды. Он не раз делал заявления в поддержку «правосеков» и их хозяев.

Я имел немалый авторитет среди бойцов, поэтому предполагаю, боевики решили нейтрализовать меня... Твари.

На выходе из парадной я буквально столкнулся с десятком молодчиков. Раздался крик: – Бей в кость!

На меня посыпались удары. Однако я успел оттолкнуть ближайших и заскочить в подъезд, рвя на боку кобуру с пистолетом. С недавних пор все офицеры нашей части носили табельное оружие. Я, под свою ответственность, отдал такой приказ. Двое заскочивших следом получили по пуле в ноги. Нет, я, как положено, сначала сделал предупредительный выстрел в сторону подъездного окна, чтобы не было рикошета, только потом уже стал стрелять на поражение. Вот тут-то и раздался звук бьющегося стекла, гудение пламени и дикий крик. Я узнал его, это кричала моя жена. Ей вторили дети.

Я сразу же побежал наверх, на второй этаж, где находилась наша двухкомнатная служебная квартира. Рванув дверь, я отшатнулся от стены огня, что рванулась наружу. Подонки забросали мою квартиру бутылками с зажигательной смесью. Яростно заорав, я бросился в огонь – кроме жены в квартире находились сын и годовалая дочка. Ее визг я слышал из спальни. Жена и сын уже молчали.

Я какой-то частью сознания чувствовал, как вспыхнула форма, как начали взбухать волдыри на руках и лице и лопаться с ужасающей болью, но выскочил на лестничную площадку с дочкой. Вернее, с тем, что от нее осталась. Жутко держать в руках переставший шевелиться кусок прожаренного мяса.

Тогда я яростно заорал сожженным горлом и легкими, выплескивая всю ту ненависть, что скопилась во мне, и из последних сил рванул вниз, держа мертвую дочку на сгибе руки. Выскочив на улицу, я успел сделать всего пять выстрелов, больше в магазине не было патронов. Все прицельные, все в грудь напротив сердца. Последнее, что помню, разглядел единственным уцелевшим глазом – второй лопнул от жара, – как какой-то мальчишка с трясущимися руками и перекошенным от ужаса лицом направляет мне в лицо старый «ТТ» со стершимся воронением и жмет на спусковой крючок. Наверняка наложил полные штаны, увидев, как выскакивает во двор живой дымящийся факел и стреляет в его друзей-подонков.

На этом все, сознание у меня померкло, и буквально сразу я очнулся в новом теле. Я тогда фактически сжег самого себя, не в прямом смысле этого слова, в духовном. Поэтому, когда очнулся, воспринимал все с некоторым отстранением. Нормально я уже в себя пришел и стал воспринимать более-менее окружающую действительность через пять дней после операции. Вот так и закончилась моя прошлая жизнь. Память о семье еще тянула душевной болью, но я смог это пережить, с трудом, но смог. Это навсегда останется в моей памяти и душе, но я знаю, как выплеснуть всю ту черную ненависть, что во мне скопилась, знаю, это-то и придавало мне сил.

Мои соседи по палате думали, что меня терзают душевные муки из-за гибели единственного близкого родственника, отца, но в действительности скрежетал зубами я ночами не по нему. Я его не знал и не помнил, у меня было, по кому страдать.

Теперь пора рассказать об этом мире и в чье тело я попал.

Комбриг Иванов был командиром строгим, но справедливым. Бойцы его любили и уважали. Комбриг – это должность, у моего нового отца было звание подполковника РККА.

Так вот, вечером тридцатого декабря сорокового года он отправился в одну из своих частей, что стояла под Луцком, чтобы поздравить бойцов и командиров с Новым годом и потом вернуться. В эту поездку он взял своего сына, пятнадцатилетнего Евгения Иванова. На обратном пути машина была остановлена предположительно поддельным патрулем, и что там дальше было, не совсем понятно. По этой дороге двигались две военные машины, они-то и спугнули диверсантов в нашей форме и нашли Ивановых и водителя на дороге. Водитель был убит, тяжелораненый комбриг Иванов лежал у переднего колеса штабной машины с намертво

зажатым в руке наганом, а его сын в кювете с ножевыми ранениями в боку и огнестрельным ранением руки.

Ивановы не имели родственников. Родители комбрига сгорели в огне Гражданской войны, жену он потерял чуть позже. Он воспитывал только сына, единственного своего ребенка. Потом я узнал, что комбриг женился год назад на женщине, которая имела двух дочерей – девяти и одиннадцати лет. Она была военврачом, по специальности стоматолог, и работала в этом же госпитале, где я лежал.

Судя по ее виду, у нас были прохладные отношения, я не стал их улучшать и оставил на том же уровне. А вот ее дочки так не считали и после школы бежали сперва к ней на работу, следом навестить меня и уже потом домой. Забавные такие девчонки, они своим щебетанием фактически вывели меня из переживаний и душевных мук и, встряхнув, позволили по-новому посмотреть на этот мир. Подумать, какое у меня будет место в нем. Какое бы ни было, я сам решу, где мне лучше быть.

Евгений Романович Иванов родился в Баку в августе двадцать пятого года. Когда я узнал число, сразу назвал его «десантником» – он родился второго августа. Мать у него умерла во время родов, мне именно такую выдали информацию. Он мотался с отцом по всей необъятной территории Союза, а закончилось все тут, под Луцком.

Я комбрига не знал, хотя фотографию видел. Это был стройный мужчина с широким разворотом плеч и решительным лицом с несколько рублеными чертами. Вот только сабля на его боку смотрелась слегка неуместно, но оказалось, отцу ее по должности носить было положено. Он был артиллеристом.

Теперь о себе с того момента, как попал в это тело.

После операции, когда очнулся, я замкнулся в себе. Ни жена отца, ни ее дочки, мои сводные сестры, долго не могли меня из этой апатии вывести. Как мне потом по секрету сказали, я медленно угасал. Но все-таки сестры смогли меня вытащить, да и я немного пришел в себя и стал говорить. Волю к жизни мне дало не щебетание сестричек, а другое, хотя они мне тоже помогли.

Цель. Именно цель вернула меня к жизни. Сначала я не понимал, как все это произошло и для чего, почему. Но чуть позже меня как молния пронзила догадка. Ведь мне дается шанс отомстить, то есть то, чего я желал больше всего на свете. Сильнее всего, конечно, желал вернуть семью, но и эта жажда мести тоже пылала яростным огнем, который ничем не затушишь. Теперь я жил этим. Моей целью было уничтожить как можно больше этой бандеровско-националистической швали и их приспешников. Где я в 1941 году мог это сделать без особых проблем? Конечно же у границы. Значит, неизвестный кукловод, что забросил меня в Луцк, намеревался, зачем и для чего я здесь.

Тогда, обдумав за ночь свою легенду, я решил взять на вооружение банальную амнезию. А как еще прикрыть незнание местной жизни?

Это стало первым шоком для врачей, но не единственным. Понемногу я выкарабкался, начал вставать, ходить и понемногу адаптироваться. Даже строил планы на будущее и вживался в местную жизнь, в чем мне изрядно помогали соседи по палате. Такие же военные, как мой отец.

Ко всему прочему я, то есть прошлый хозяин этого тела, еще и в школе местной учился. Вот и пришлось вспоминать школьные годы, благо задания мне носила прямо в палату староста класса. Она же забирала сделанное.

Вживание шло с переменным успехом: с бытом понемногу освоился, а вот со школой были проблемы. Тут учили немного по-другому, чем я привык, поэтому приходилось реально корпеть над учебниками, чтобы решить ту или иную задачу. Труднее всего было с идео логией, которая почему-то называлась историей за восьмой класс. Ничего, вроде как справлялся.

Вот так я и жил уже месяц. Сегодня было четвертое февраля тысяча девятьсот сорок первого года. Если кто спросит, почему я не бегу с криками: «Слушайте меня, я знаю будущее!» К чему? Я не верю, что меня кто-то послушает, тем более после истории с нападением. Определят в психушку, да и все. Войну мы выиграем – я это знаю. А потери?.. Эх-х, посмотрим, попробую их уменьшить. В одиночку – государству, даже местному, я теперь не доверяю. Да и не хочу я, чтобы обо мне кто-то знал, категорически не хочу. Никто не должен знать, что я попаданец, остальное вторично.

– Все у окна сидишь? – услышал я за спиной голос одного из своих соседей, ефрейтора Блинкина – Михалыча, как он сам просит его называть. – Что в столовую не идешь, а? Манка сегодня удалась.

Он подошел ближе и встал рядом, тоже выглянув во двор.

– Да я чуть позже, вторым составом, чтобы столовая не полная была.

Спрыгнув на пол, я, держась правой рукой за подоконник, стал делать приседания, глубоко дыша. На одиннадцатом приседании на лбу выступил пот, но я упорно продолжал занятие.

– Вон твоя мачеха вышла. Получает что-то, – сообщил Михалыч.

При одном из подъемов, не останавливаясь, я мельком посмотрел во двор, там действительно стояла тетя Нина, вдова моего отца. Она была в накинута на плечи шинели и, несмотря на мороз, без шапки.

– Простудится. Из тепла на мороз выскакивать, – буркнул я, не прекращая приседания. На двадцатом я сдох, поэтому, отдышавшись, направился в столовую.

В коридоре столкнулся с остальными соседями по палате: Гошей-артиллеристом после аппендицита и Лехой-механиком. Он из летного состава, оружейник в истребительном полку. Сюда попал, когда словил плечом случайную пулю. Местные бандиты обстреляли территорию аэродрома и отошли, когда охрана открыла ответный огонь. Один самолет сгорел, как сказал Леха.

Мы уже обсуждали нападения местных бандитов – Михалыч, вон, тоже от них пострадал, пуля попала в ногу – и пришли к выводу, что бандиты стали наглее. Ладно летом они шалят, но зимой? По следам же на них можно выйти. И ведь выходили. Вон, тех, что Михалыча обстреляли на дороге, нашли и задержали. Только вот напавших на прежнего Женьку и его отца, а также на аэродром Лехи задержать не смогли. Ушли они.

Все это было мне на руку. Плохо, что бандиты ушли, конечно, плохо, а вот для меня это приемлемо. Да, когда я восстановлю форму, вернее, наработаю ее, я начну охоту на бандероцев, или как их тут называют. Эта и была та отдушина, ради которой я хотел жить. Я буду на ленточки резать этих тварей, и для меня только один закон: живыми не брать и не оставлять. Никого.

Так что мне оставалось воплотить все это в жизнь. Я знаю, что есть одержимые идеей люди, я сам стал именно таким. Но по виду этого не скажешь. Я был тихим и неприметным мальчиком, юношей, что лечился в военном госпитале после нападения бандитов. Я не привлекал к себе внимания, так что сотрудники милиции, что меня опрашивали, и особист госпиталю ушли ни с чем. У меня была амнезия, да я имени своего не помнил, какое нападение? Так и жил.

Когда я вернулся из столовой, в палате на моей койке сидели сводные сестренки, Аля и Ольга. Младшая Ольга, она же самая шевутная.

– Привет, малышки, – поздоровался я. Они уже не обижались такому моему отношению, хотя раньше всегда говорили, что они не маленькие.

– Женька, привет! – заулыбалась Ольга. – А мы тебе пирожки принесли. Их у нас в школьной столовой делают. С повидлом, вкусные-е-е!

– Спасибо. А сами как? Вон, тощие какие.

Девчушки были в теплой зимней одежде, но и в ней было видно, что полнотой они не блещут. Я сам старался их подкормить, а тут, видимо, они сделали обратный ход, принесли три пирожка. Разгадав их хитрую уловку, я поделил пирожки поровну. Два им и один себе. Действительно вкусно. Осторожно поедая пирожок, я слушал их щебетание, внутренне улыбаясь, внешне же я, похоже, навсегда разучился это делать.

– ...о, забыла совсем! – воскликнула Аля и, пово зившись в школьной сумке, достала маленький резиновый мяч. – Ты просил принести.

– Спасибо, – я взял его правой рукой и несколько раз сжал, потом перекинул в левую и попытался повторить. Было видно, что получалось плохо. – Для тренировки пальцев.

– А-а-а, – понятиливо протянула Аля. – Маришка приходила?

Марина Селезнева была старостой моего класса в школе.

– Была час назад. Принесла уроки, что нам задали. Вечером займусь.

– Хорошо. Нам тоже полно назадавали...

Слушая сводных сестричек, я крутил в руке больничную утку. Весила она прилично, для тренировки кисти подходила идеально, поэтому я тренировал правую руку, опуская ее и поднимая, пока не трогая слабую левую. У меня много было своеобразных тренажеров и снарядов, вроде этой утки, вот только эспандера не было, пришлось заменять его мячиком. Жаль, надолго его не хватит, сжую в тренировках.

Наконец сестрички наболтались и, попрощавшись, поскакали вниз, к матери. Домой они уходили вместе, такой у них сложился порядок в последнее время.

Проводив девчушек, я немного поприседал у окна и, вернувшись к своей койке, пододвинул ближе табурет. Пора приниматься за домашнее задание, никто за меня его не сделает. Чуть позже я поиграл с Лехой в домино, а когда пробило десять, вместе со всеми уснул. Это был один из многих дней, проведенных мной в госпитале. Особым разнообразием они не отличались.

Так и шло время. Я заново создавал физическую форму своего тела и учился, учился всему, благо соседи по палате – некоторые сменились – помогали мне в этом деле. Только уроки я делал сам, читая учебники, что приносила курносая Селезнева. А в местный мир вживался, туго и со скрипом, но вживался. На многое мое незнание врачи качали головой – амнезия.

Так прошел еще один месяц. К этому времени я полностью восстановился, но ехать к Ивановым не хотел. У нас был серьезный разговор с женой отца Ниной, она сказала, что в детдом меня не отдаст и будет воспитывать сама. Молодец, хорошее решение, дальше посмотрим, но быть на попечении, то есть под приглядом, я не хочу. Мне нужна свобода.

Вот после этого разговора, подождав пяток дней, я стал симулировать легкие слабости и головокружения. Это позволило задержаться в госпитале еще на три недели, довести тело до нужной кондиции, и дало больше времени на изучение окружающего мира.

За мной пришли третьего апреля, в середине весны. На дорогах снег уже стоял, открывая грязь и побитую брусчатку на улицах города, но сугробы еще были. Я в последнее время часто гулял по району рядом с госпиталем и смог познакомиться с тем, как живут местные. Бедновато, были видны следы былой роскоши, но стать тут своим вполне можно. Требовалось только не привлекать к себе внимания, вот и все.

Я как раз вернулся с обеда, когда к нам в палату заглянула Ольга.

– Можно? – спросила она.

У нас был один лежачий, и ему часто требовалась утка, так чтобы не смущать парня, предупрежденные девчушки начали спрашивать, прежде чем ворваться к нам со своим задором и молодостью. Новенький был из подрывников-саперов, он пострадал, когда снимал мину-ловушку на дороге. В результате множественные повреждения осколками. Ладно, хоть не погиб. Он был интересным собеседником, и чтобы отвлечь его от болей, я вел с ним дискуссии насчет подрывов, сказав, что мне вроде как нравится это дело. Действовало, между прочим.

– Можно, проходи, – разрешил я. – Его нет, увезли в процедурную.

– Мы одежду принесли. Вот, – занесла Ольга небольшой тюк. Следом появилась Аля – по отдельности они не ходили, где одна, там вторая.

– Спасибо, положи на кровать, я сейчас, допишу, и мы продолжим.

Пока девушки развязывали тюк и доставали одежду, я закончил дописывать задачу по алгебре. Как же я мучился с этой писаниной! Почерк-то у нас с Женькой был разный, но моторная память помогла. Сперва я писал каракулями, а потом, сравнивая по записям в тетрадках с оригиналом, довел почерк до идеала. Теперь и не отличить. Закончив, я закрыл тетрадь и убрал ее в стопку, что лежала на тумбочке.

Одежда Евгения, то есть моя, во время трагедии фактически пришла в негодность, поэтому принесли запасную. Гулял я у госпиталя в той, что мне одалживали соседи по палате. То есть в шинелях и буденовках. О, знаменитые буденовки! Как оказалось, это была нормальная зимняя форма одежды, хотя вроде ее собирались заменять на более подходящий головной убор.

Подойдя к кровати, я посмотрел на выложенную одежду. Вязаный свитер и перешитые отцовские галифе – это ладно, тут такая одежда считалась нормой. Но вот отдельно лежавшая буденовка меня расстроила. Не нравился мне такой головной убор, не нравился, и все тут. Кроме уже описанного, я увидел стандартное солдатское белье, легкое и довольно дорогое черное пальто, видимо, сшитое здесь, в Луцке, ну и черные полуботинки. Шерстяные носки прилагались.

«Странно, я думал, что красные командиры прилично получают. Что у меня за такой компот из разной одежды?» – озадаченно подумал я. Однако выгнав в коридор девчат, скинул халат и оделся.

Пройдя по палате и попрощавшись со всеми соседями, повесил пальто на сгиб руки и, подхватив все вещи, что были приготовлены, включая учебники и тетради, направился вниз, на первый этаж. Железные подковки на каблуках громко отбивали дробь по деревянному полу, но я ничего не мог сделать.

Внизу помог девчатам одеться, сам накинул и застегнул пальто, не забыв буденовку, и, держа в одной руке тюк с вещами, толкнул тяжелую дверь. На крыльце с большими колоннами я вдохнул полной грудью и, осмотревшись, сказал:

– Ну что? Ведите меня. Показывайте, где мой новый дом.

– Не новый. Ты там уже жил с нами. Целый год, – вздохнула Аля. – Только ты этого не помнишь. Жаль.

Мусора и грязи на дороге хватало. Конский навоз устилал брусчатку сантиметровым слоем дурно пахнущей жижи, но весенние ручейки, что текли по улицам, смывали ее.

Шли мы довольно долго, пока не вышли к домам старинной постройки. Трехкомнатная квартира Ивановых находилась в трехэтажном здании, что занимали семьи командиров и политработников Красной Армии.

Когда мы свернули во дворы – вход был оттуда, – нам навстречу попала стайка ребятишек, которые, хором поздоровавшись, долго смотрели нам вслед, перешептываясь. Детишки явно были из семей командиров, говорили на чистом русском и носили пионерские галстуки.

Мне вот пришлось довольно трудно. Акцент присутствовал, но со временем я его убрал и тоже начал говорить довольно чисто. О том, что я знаю ридну мову, так никто и не догадался.

Я знал, что наша квартира располагалась на втором этаже, на одной площадке с квартирой батальонного комиссара Ефремова.

У входа дворник долбил лед и отбрасывал крупные льдины в сторону, расчищая площадку перед подъездом. Там уже были проброшены такие же доски, как и у госпиталя. Весна, грязь, слякоть и сырость.

– Здравствуйте, дядь Жень, – хором поздоровались с дворником сводные сестренки.

Тот, опершись о лопату и улыбаясь в усы, с интересом посмотрел на нас. Кроме усов он имел аккуратно подстриженную бородку. Одним словом, типичный дворник, в кожаном переднике, чтобы не забрызгаться.

– И вам не хворать... Что, тетка, уже вылечили?

Последний вопрос адресовался мне, поэтому пришлось отвечать:

– Да вроде как.

– Что, память не вернулась?

– Еще нет, – нехотя ответил я.

– Ну, дай-то бог вернется. Ты в Бога-то веришь?.. Нет? Ну и зря. Нужно верить...

«Где он был, когда нас убивали?!» – с колыхнувшейся в душе ненавистью подумал я.

Поднявшись на второй этаж по деревянной лестнице, я взял у Али ключ и, пощелкав врезанным замком, открыл дверь. Девчонки первые втиснулись в проходную и, пыхтя, принялись снимать обувь и верхнюю одежду, поэтому пришлось подождать, пока они закончат.

Раздевшись и разувшись, я на миг остановился, разглядывая ряд тапочек. Большие, несомненно, погибшего отца. Чуть поменьше – тети Нины, девчонки свои уже надели и убежали. Получается, что третьи были мои. Были еще и гостевые тапки, но они хранились отдельно, мне об этом Ольга как-то нашептала, описывая квартиру, а я запомнил. Девчонки суежились на кухне, готовя легкий полдник и с интересом поглядывая через открытую дверь, как я изучаю квартиру. При этом о чем-то перешептывались и хихикали.

Находился я в большом общем зале, в который вели четыре двери. Постоянно открытая – та, через которую я вошел, то есть в коридор ко входной двери. В коридоре тоже имелось четыре двери: входная, в туалет, в ванную и в кладовку. Пятую, в зал, я не считал. Теперь по залу.

Справа от двери в коридор находилась кухня, с двумя окнами, выходившими на улицу, и дровяной печкой, ее как раз старательно раздувала Ольга. Потом спальня родителей, как я убедился, заглянув в полуоткрытую дверь, а вот четвертая вела в так называемую детскую, где стояли три кровати, стул, письменный стол и два шкафа. Одна из кроватей была моей.

Закончив изучать квартиру, я сходил в прихожую и отнес к кровати и столу рядом с ней тюк с вещами, начав раскладывать тетрадки, учебники и писчие принадлежности на столе. Часть столешницы была занята учебниками и тетрадками сестер, но и для меня места хватило.

– Ну, вот я и дома, – сев за стол в спальне, пробормотал я, еще раз оглядевшись. Радости в моем голосе не присутствовало, скорее констатация факта.

К тому же завтра первый раз в школу – хоть и суббота, а уроки идут. Вот заодно и с одноклассниками познакомлюсь. А то в классе в основном местные, которые не сказать что по-доброму к нам относились. Из семей комсостава и других русских, что приехали сюда, после того как эти земли были присоединены к Союзу, в классе присутствовало всего восемь человек, из них пять девочек. Пацанов я знал, они раз пять навещали меня, но после того как убедились, что я их в упор не помню, стали меньше ходить, хотя через Селезневу приветы передавали.

Было много евреев, пара поляков, но больше всего украинцев. Посмотрим, что это за украинцы.

Встав, я подошел к окну и выглянул во двор, именно туда выходили окна. Больше всего меня интересовал не оттаивающий сад, а небольшой спортгородок рядом с детской площадкой. Когда мы шли по двору, я мельком посмотрел на него, сейчас же занялся этим более основательно.

Было видно, что сделано все это недавно – год-два, не больше. Судя по протоптанным в снегу тропинкам, и зимой он не простаивал.

Вернувшись на место, я выдвинул один из ящиков стола. Там лежало несколько вещей, мальчишеских, тех, что они любили собирать. Гильзы, бляха командирского ремня, обломок сабли, половинка неплохого бинокля и самый настоящий штык-нож с ножнами. Армей-

ский. Вынув клинок, я посмотрел на надпись на лезвии. Было написано не по-нашему. Думаю, это штык от немецкой или австрийской винтовки, скорее всего подарок отца. Надо будет у сестер уточнить.

В небольшой коробке лежали значки, свернутый пионерский галстук и новенький комсомольский билет. Открыв его, я посмотрел на черно-белое фото. Там был снимок паренька, которого я часто видел в зеркале. Мой, можно сказать, единственный документ. Еще были бумаги, в том числе об окончании седьмого класса, свидетельство о рождении и свидетельство о смерти отца и матери. Но последние хранились в другом месте. Нужно перед отъездом забрать их.

Найдя в пачке фотографий фото матери Евгения, я встал и подошел к шкафу, где находилось зеркало в полный рост. Теперь стало понятно, в кого я пошел, то есть Евгений пошел, я уже полностью отождествлял себя с ним. Входил в образ.

В мать, это без сомнений. Отец был этакий крестьянский парень, а вот мать явно не из простых. Да и платье у нее на фото не собственноручно сшитое, портной постарался. Посмотрев на свое отражение, я вдруг понял, что мне знакомо это лицо. Один из российских актеров очень походил на Евгения, или он на него, но не суть. Так вот, Евгений был похож на очень молодого Дмитрия Певцова. Сходство отдаленное, но есть. Фигура была еще тощей, под свитером не разглядеть, но вот зеленые глаза смотрели с прищуром, с постоянным прищуром.

Вернувшись к столу, я сел на стул и, разглядывая фото, стал крутить в руках клинок, привыкая к его весу. Потом откинулся на спинку стула, задумавшись. Мне не мешали даже лучи заходящего солнца, которые выглядывали из-за туч и били через окно прямо в глаза.

Дело в том, что этот клинок решал часть моих проблем. Как уже говорил, я собирался мстить, и я буду мстить бандеровцам. Да, те, кто заживо сожгли мою семью, остались в будущем, но я решил донести свою месть через их дедов и прадедов. В принципе, какая разница, кого мне резать? Но было одно «но». Я не мог справиться со взрослым мужчиной, мне это просто не по силам. Ну, может, один на один при внезапном нападении, со спины... когда он спит... еще как-то вкривь и вкось можно, но не в открытом бою. Подготовка у меня еще недостаточная. Получается что? Мне требовалось оружие. Как говорится в знаменитой американской поговорке, «Бог создал людей разными. Полковник Колт уравнил их шансы».

С оружием наше неравенство с бандитами уравниется, так как я очень хорошо умею им пользоваться, особенно пистолетами. У нас в части полгода работали семь американский инструкторов, так вот я с одним из них скорешился, и тот, будучи самым настоящим мастером пистолетной стрельбы, за эти полгода сделал меня своим ровней. Я доставал патроны, он учил стрелять. Украинского он не знал, но неплохо говорил на русском, так и общались. Хороший парень Мэтт, но вот страна у него говенная – я знал, кто начал всю эту свару в Киеве.

Вот и мне требовалось оружие. Лучше, конечно, огнестрел, глушитель я сам сделаю, благо опыт еще из той жизни имеется, но вот для начала и штык вполне сойдет, с ножами я тоже на ты. Не спец, но куда бить и как, знаю, учили, хорошо, надо сказать, учили. Пока все у меня в стадии проектов и разработок, но как леса оттают и зазеленеют поля, я выйду на охоту, к этому времени мне нужно быть в полной готовности. Для меня лес – дом родной. Именно в нем я чувствую себя как рыба в воде и собака в конуре, даже военная подготовка у меня в основном ориентирована на действия в лесах. Надеюсь, за те два месяца до начала войны я изрядно повеселюсь и уменьшу поголовье рогатого скота оуновцев.

Скажу честно, я не помню особо дат, кроме, естественно, самых громких и известных, и что тут происходило в предвоенное, военное и послевоенное время. Но я очень постараюсь убрать ту коричнево-оранжевую заразу, что копилась вокруг города.

Пока мешает погода, но я сделаю из этого выгоду, начну подготовку. Для нее тоже требуется время.

В этом крае ходит много неучтенного оружия, попробуем достать его. Скорее всего, незаконными методами, но на законность мне сейчас плевать. Беспокоили только местные сыскари из городского НКВД, я с ними общался и иллюзий не строил. Вычислят они меня, сомнений нет, не сразу, но вычислят. Нужно обдумать эту ситуацию. Вполне возможно, что это тоже можно повернуть в плюс себе. Например, пойти к ним работать внештатным сотрудником, ведь мы делаем одно дело, очищаем родину от чумы. Идеальное прикрытие. Вот только прийти не просто так, а имея козырь в рукаве, вот тогда можно с ними нормально поговорить.

С громким щелчком вернув клинок в ножны, я убрал все выложенное в ящик стола и направился к двери.

Выйдя в зал, где девчата накрывали стол, спросил:

– Помощь нужна?

– Не-е, мы сами привыкли, – отрицательно помотала головой Аля, из-за чего ее косички заметались из стороны в сторону.

Наблюдая, как они таскают бутерброды с кухни и стаканы, я заподозрил, что у нас будут гости – приборов было слишком много. В это время без стука отворилась входная дверь, и появилась Селезнева с незнакомой девочкой тех же лет, то есть пятнадцати на вид. Они быстро скинули обувь и прошли в зал. Судя по тому, что девочки-подростки были без верхней одежды, они пришли не с улицы. То, что Селезнева живет над нами, я был в курсе, но вот незнакомку видел впервые.

– Раиса, – представилась она. – Не помнишь меня, да? Я с тобой за одной партой сажу, мы на первом этаже живем.

– Нет, не помню, – вздохнул я в какой уже раз.

Одноклассницы стали помогать сестренкам, а я принес еще стулья из других комнат – как чувял, что не хватит. В течение десяти минут подтянулись остальные одноклассники из семей комсостава. Как оказалось, мы старались держаться вместе. «Мы» – это и я тоже. Я уже говорил, что теперь полностью отождествляю себя с этим парнем. Тело я занимал один, откликов от бывшего владельца как не было, так и нет, похоже, он так и умер на той дороге рядом с раненым отцом.

Мы пили чай и общались – нормальные оказались ребята и девчата. Обсудили завтрашние уроки и договорились, что пойдем все вместе. Оказалось, все мои одноклассники жили в двух домах, в этом и соседнем, что были выделены военным.

Вечером я узнал у сестер насчет штыка. Оказалось, это не был подарок отца, я сам его нашел в разбитом польском доте где-то в лесу под Луцком.

* * *

В школе было сперва трудно, но за полтора месяца я вполне освоился и стал активно готовиться к выпускным экзаменам. Вчера я общался с директором школы и попросил по окончании экзаменов выдать мне на руки выписку об окончании восьмого класса с табелем оценок. Тот не понял, зачем это мне было нужно, но я-то знал, что буду продолжать учиться, а с этим листом, подписанным директором, мне будет куда легче устроиться в будущем. Без бумажки ты букашка, а с бумажкой – человек! Правильно в пословице говорится.

Кроме этого, я забрал у тети Нины свое свидетельство о рождении, другие документы и сделал копию свидетельства о смерти отца.

Спустившись по каменным ступенькам крыльца, я набрал полную грудь воздуха и медленно выпустил. До окончания экзаменов в школе и последнего звонка осталось полторы недели, тогда и закончится для меня эта поднадоевшая учеба, которую, правда, я тянул, как полагается, со всем упорством. Но дело в том, что у меня уже не было этих десяти дней. Расцветали поля и леса, начался последний месяц весны. Дороги просыхали, хотя их регу-

лярно мочили дожди вроде того, что был вчера. И как уже прошел слух, активизировались бандиты. Было одно нападение на почтальоншу, закончившееся ее смертью. Ко всему прочему пропала сумка с деньгами – понятное дело, она и была целью бандитов. В лесу уже набухали почки и начинали ярко зеленеть листья. Это было начало охотничьего сезона местных бандитов на граждан Союза. Я об этом знал и решил половить рыбку в мутной воде. Перво-наперво мне требовался язык-говорун, что даст общие сведения по местным бандитам. Я не следователь и доказывать вину не собираюсь. Может, в мои сети попадет невинный, но я приму на себя этот крест и переживу. Это была ирония, если кто не понял. Плевать, если сейчас он невинный, то потом может что-нибудь натворить.

Без «языка», на шару начинать войну с местными националистами стремно, можно влипнуть. Поэтому последние три недели я готовился к первому своему делу.

Где обычно гнездо националистов? Естественно, их поддерживает католическая церковь. Была такая и в Луцке, вот я и вел вечерами наблюдение за всеми, кто посещает священника костела, благо свободного времени после школы и работы у меня хватало, домашних заданий не давали, все готовились к экзаменам, а я собирался открыть сезон охоты на бандитов. Пока я их не трогал, чтобы не спугнуть странными смертями, только присматривался. Прикидывал, как начну действовать.

Сегодня в школе шел экзамен для восьмого класса по русской литературе. Я сдал первым и вышел из класса. У меня много планов, и они не стыковались с планами одноклассников, поэтому я постарался банально сбежать. Не хотелось мне идти гулять, провожая девчат. Детство у Женьки, то есть у меня, закончилось четыре месяца назад, и меня интересовало совсем другое.

Осмотревшись, я энергично зашагал в сторону ближайшего проспекта, оттуда дошел до окраины города, где находились войсковые конюшни.

Можно поставить вопрос – могу ли я владеть автомобилем? Сразу скажу – нет. Я не Стаханов, которого наградили автомобилем. Но вот иметь коня с телегой я вполне мог. Для меня это идеальное прикрытие, чтобы мотаться по всей Волынской области. Кто обратит внимание на мальчонку в деревенской одежде, проезжающего мимо на телеге с сеном, да еще говорящего только на украинском и очень плохо понимающего русский? К тому же в сене можно прятать оружие и продовольствие с посудой. Взять тот же пятилитровый котелок.

Сначала подумывал о велосипеде, у Женьки был такой, стоял в кладовке, но после я оттринул эту идею. Ладно, пацан катается на велике. Но если на раме и багажнике узлы? Как мне без запасов мотаться неделями в отрыве от населенных пунктов? Бандиты оттаяли и из населенных пунктов, где зимовали под видом мирных граждан, уходили в леса, сбиваясь в банды. В небольшие, мелкие, но все же. В крупные они сбиваются перед массированным нападением, таких в прошлом году было шесть. Это я из сплетен узнал.

Вот я и говорю, лошадь с телегой – идеальное прикрытие, да и на будущее она мне ой как пригодится. Поэтому-то я и решил устроиться на конюшни. Так как требовалось научиться ухаживать за четырехкопытными помощниками. Я еще тот лошадиник, все уроки деда из памяти уже поистерлись, вот и требовалось их обновить. На этих конюшнях также базировались подразделения противотанковой бригады, которой ранее командовал отец. Боевые подразделения бригады были раскиданы по всей Волынской области, но штаб находился в городе. Поэтому, прогулявшись к нему – меня там знали, это я никого не знал, – попал на прием к полковому комиссару Дюжеву, хорошему другу отца. Он-то, выслушав, и отдал распоряжение устроить меня на конюшни с послаблениями. Вот я там и работал каждый день по три часа после уроков.

От зарплаты я отказался, мотивируя свое решение любовью к лошадям. Этому удивились, но согласились. В действительности в деньгах острой необходимости у меня не было. Конечно, до накоплений отца мне не добраться, они принадлежали тете Нине, а ей еще дочек

содержать, но, оказывается, у Женьки были свои накопления. Мне этого вполне хватало на мелкие покупки, хотя честно скажу, финансы начали истощаться. Крупные я буду делать с помощью трофеев. Для меня слово «трофей» не пустой звук, грех не воспользоваться уничтожением бандеровцев для укрепления своего технического превосходства. Вот на их деньги я и собирался купить коня и телегу, а также и другие необходимые вещи. Да и благосостояние поправить не помешает – во время войны это хорошо так пригодится. К тому же хохол я или не хохол? То-то.

Вокруг все ходили в шляпах, в пилотках, платках и фуражках. С непокрытыми головами очень редко кого встретишь, разве что только мальчишек и девчат. У меня, например, головного убора не было. Я был одет в широкие по моде черные брюки, белую рубашку – с экзамена как-никак – и в выходные туфли. Вот и все, только значок комсомольца блестел на рубашке.

Дойдя до конюшен, я прошел в жилой барак. Там переоделся в старый списанный застиранный светло-серый комбинезон танкиста, неизвестными путями попавший сюда и перешитый на меня, и прошел в небольшое помещение, где обычно чаевничали коневоды. В комнате за столом сидели трое пожилых мужиков в красноармейской форме. Остальных не было, видимо, работали или были на выезде.

– О, вот и Женек! – воскликнул седоусый мужчина в засаленной пилотке и с «пилой» старшины в петлицах. – Здорово. Чай будешь?

– Буду, Матвеич. Привет. Дядь Саш. Ефим Игоревич, вам тоже не хворать.

– Как экзамен? – спросил второй коневод, дядя Саша.

– Там диктант, и спрашивали про писателей. Устно сдал, а письменное завтра узнаю. Попросил учительницу пораньше меня отпустить.

– Понятно. Твой Огонек копытом бьет, ожидает, когда ты его на прогулку выведешь.

– Его вчера вроде посыльный брал?

– Вчера и вернул. Вечером прискакал. Оба грязные с ног до головы. Я два ведра использовал, пока Огонька отмыл.

– Это хорошо. Сейчас попою и выведу его на прогулку. Хочу до ближайшей деревеньки проскакать, дать ему полный ход, пусть развееется, а потом обратно.

– Давай, – согласился старшина.

По договоренности с местными работниками, я занимался только работой с лошадьми. То есть седланием, починкой сбруи, ну и, конечно, поездками, как в седле, так и на телегах. Мне в последнем случае давали мелкие поручения перевезти то или это. А вот выгребанием навоза я не занимался, для этого были другие люди, подчиненные, можно сказать. Так что теперь я был неплохим лошадиником. Нарботал кое-какой опыт, для меня нужный и в некотором роде уникальный.

Налив из мятого чайника кипятка в свою личную кружку, сыпанул заварки и, помешивая, сел на лавку, с интересом поглядывая на собеседников.

– Слышали, нападение на почтальоншу было? Вчера ее у деревни подстерегли. Совсем немного до околицы не дошла. Муж и сельчане только поздно ночью ее нашли. Изуродовали всю, говорят... – старшина сделал глоток чая и продолжил: – Грудь, там, отрезали, всю изгнали.

– А что милиция? – спросил третий присутствующий, Ефим Игоревич, взяв со стола кусок сахара.

– А что милиция? – вопросом на вопрос ответил Матвеич. – Ищет милиция. Уже определили, что их трое было. НКВД тоже там было, посмотрели да уехали. Разбойное нападение, милиция заниматься должна.

– Ага, только бы работу на кого свалить, – поморщился дядя Саша. – Вот сколько мы лошадей за прошлый год потеряли? А ездовых? Банды тут орудуют. Банды.

– Женя, ты иди, Огонек уже заждался, – ласково предложил Матвеич.

– Хорошо, – кивнул я.

Выплеснув остаток чая в помойное ведро, я вернул кружку на место и вышел из комнаты, на выходе заметив боковым зрением, что Матвеич показывает кулак дяде Саше.

Оседлав жеребца, я вывел подрагивающего от предвкушения скачки Огонька с территории конюшен, ловко вскочил в седло и, крикнув, ударил каблуками рабочих ботинок по бокам, сразу взяв в карьер.

Бешеная скачка по подсохшей после вчерашнего ливня дороге выветрила у меня из головы тяжелые мысли. Сегодня у меня первое дело, но я почему-то не мандражировал и не нервничал. У меня было такое чувство, что я буду делать привычную работу, трудную и опасную, но привычную. Необходимую – вот самое правильное слово.

На околице я слегка придержал Огонька и, поднимая кучу брызг, пересек напрямую большую лужу на дороге, после чего спокойно въехал на окраину населенного пункта. Деревенька была небольшой, хат на двадцать, на единственной улице находился колодец, вот около него я и спрыгнул с седла.

Подняв ведро воды воротом, я сперва напился сам, плечом отталкивая морду коня, которого тоже мучила жажда. Напившись, я поставил ведро на сруб колодца и, потрепав коня по холке, сказал:

– Рано тебе еще, не остыл. Заболеешь. Вода-то холодная, колодезная.

Через пару минут я вылил воду в небольшую бадью, что лежала рядом с колодцем специально для лошадей и коров. Поилка, одним словом.

Наблюдая, как Огонек утоляет жажду, я прислушался. Вдали вдруг отчетливо хрустнул выстрел, потом второй, еще несколько один за другим. Дудукнул пулемет и стих.

– О как, это еще что такое? – пробормотал я, вслушиваясь в затихающую перестрелку. С учетом того, что бандиты нападали большим числом на маленькие группы или одиночные машины, нашим не позавидуешь, скорее всего, верх взяли националисты.

В тех местах я уже бывал и знал, что там находится поворот и к дороге очень близко подходят высокие кусты. А на повороте водители как раз сбрасывают скорость. Идеальное место для засады.

За кустами был небольшой лесок с глубоким оврагом, потом поле, и еще один лес, уже гораздо больше. Если это бандиты, а это несомненно они, то отходить они будут к большому лесу. Больше некуда, кругом поля. А в лесу можно разбежаться в разные стороны, чтобы потом собраться в определенном месте. Не знаю, как они действовать будут, но на месте бандитского командира я бы отдал именно такой приказ.

– Шанс? – тихо спросил я сам у себя и, кивнув, ответил: – Шанс.

Вскочив в седло, я ударил Огонька в бока, направив в узкий тенистый проулок между хатами, и, выбравшись по нему на раскисшее поле за дереvuшкой, прямо по этому полю рванул вперед. Из-под копыт коня в разные стороны разлетались крупные комья непросохшей земли. Через пять минут я был вынужден сбавить скорость – Огонек начал уставать, выдергивая копыта из пашни. Надо было по дорожке, а не прямо по пашне. Но ничего, тут метров сто до оврага осталось, доберемся. А там метров триста, и лес, тот самый, большой.

«Странно, что они напали так близко от деревни, с учетом того что в сельсовете есть телефон. Тут приходят на ум два ответа. Преследования они не опасаются и отходить из этих мест будут как можно дальше. Второй – связи с городом нет, и пока найдут обрыв, банда скроется», – размышлял я, прижимаясь к шее коня.

Подскакав к краю оврага, я спрыгнул с седла и, взяв коня под уздцы, стал осторожно пересекать его. Наверху я снова вернулся в седло и погнал дальше.

Естественно, я не собирался нападать на банду с одним штыком. Да-да, я в поездках брал его с собой. Он у меня на веревочке крепился под комбезом. Кроме него еще была та половинка бинокля.

С таким снаряжением с бандитами не схлестнешься, но вот проследить можно и нужно.

Я специально делал крюк, чтобы оказаться первым в большом лесу и встретить бандитов на его опушке. Проехав по полю, я въехал под деревья и дальше двинулся медленнее. Тут надо пересечь где-то метров триста тенистого весеннего леса, и будет другая опушка с соседним полем, где я и надеялся разглядеть бандитов.

Когда впереди показался просвет, я покинул седло и, привязав Огонька к дереву, трусцой побежал к опушке, на ходу доставая половинку бинокля.

Приблизившись, я быстро огляделся. Метрах в тридцати росла высокая береза, но заинтересовала меня не высота, а то, что по ее ветвям можно было без проблем забраться метров на пять. Она находилась в глубине леса метрах в десяти от опушки, и я надеялся, что меня на ней не засекут.

Быстро перебирая ногами и руками, я поднялся метра на четыре и, спрятавшись за стволом, осторожно выглянул, приложившись к биноклю.

– С тактикой бандитов я не ошибся, – пробормотал я. – Как вас много, оказывается... О, а это еще кто?

Метрах в трехстах от меня по полю – хотя, скорее всего, по невидимой мне тропинке – бежало шесть человек в гражданской одежде. Но зато все вооруженные. Кажется, у одного даже пулемет был. Причем наш, я разглядел блин диска сверху. Мое внимание привлек седьмой, который перебирал ногами под присмотром «гражданских», изредка получая от конвоира прикладом винтовки по спине. Он был в командирском френче, в синих бриджах и с непокрытой головой. На ремне болталась пустая кобура. Один наплечный ремень слетел, но командир не обращал внимания: загнанно дыша, он выполнял команды бандитов. Судя по виду и оторванному вороту, брали его жестко, вроде и на лице отметины присутствуют. На рукавах нашивки старшего комсостава, знаки различия я не рассмотрел, далековато. Не знаю, сколько он проживет, но не думаю, что долго. Допросят и приступят к своим любимым пыткам. Я этих тварей знаю.

В это время группа достигла леса и скрылась в нем. Опустив половинку бинокля, я задумался. Следовать ли мне за бандитами, или просто сообщить о нападении ближайшему патрулю, указав, куда двинули бандиты? Собаки след не возьмут, это точно, я видел, как замыкающий посыпал тропинку каким-то порошком. Опытные, с-суки.

– А это еще кто? – заметив движение на поле, снова пробормотал я. Подняв в бинокль, я разглядел еще двух молодчиков, что следовали за своими. Видимо, они прикрывали тылы. – Хм, двое – это не шестеро, глаз меньше. Вот за ними и проследим.

Спустившись, я на миг замер, посмотрев в сторону Огонька, скрытого от меня деревьями, и, вздохнув, бросился бежать вглубь леса. Мне требовалось перехватить арьергард банды, и конь в этом будет мешать. Ничего, закончу, вернусь за ним. Повод длинный, травку пощиплет. Пить он недавно пил. До вечера с натяжкой хватит, а к тому времени я надеялся вернуться.

На бегу я подумал: «А ведь встречи в теплых и дружественных компаниях со священниками, похоже, откладываются. Нехорошо, лишние сутки проживут твари. Посмотрим, может, останется время и на них, тем более навестить первого я собирался после того, как стемнеет».

Мне требовалось пересечь четыреста метров достаточно густого леса, чтобы выйти на арьергард банды, но случай повернул все по своему разумению, а не по моим планам.

Когда я выбрался из небольшого, но на удивление топкого распадка, то краем глаза заметил слева движение, отчего сразу на автомате рухнул на старую прошлогоднюю листву и перекатился за удачно попавшийся старый, поросший мхом ствол дерева. Выдернув клинок из ножен, я приготовился, в голове стучала только одна мысль – заметили или нет?

«Они должны были быть на сто метров дальше. Черт! Они от опушки пошли не прямо, а взяли правее, как раз в мою сторону, отчего наши пути тут и пересеклись. Значит, и та группа прошла где-то здесь», – размышлял я, при этом затаив дыхание вслушивался в звуки леса.

Было отчетливо слышно похрустывание высохших веток под подошвами сапог двух бандитов и их тяжелое дыхание. Бандиты шли точно на ствол дерева, это меня изрядно напрягало. Так заметили они меня или нет? Напружинившись и приготовившись атаковать, я ждал, когда вдруг буквально метрах в пяти от укрытия расслышал вопрос одного бандита, адресованный второму:

– Передохнем или наших догоним?

Говорили на западноукраинском суржике, я его более-менее знал и, чтобы не ломать язык, стал мысленно переводить на русский. Наверное, я всегда теперь так буду делать. В будущем это пригодится.

– Прохор сказал догонять у урочища.

– Жрать охота.

Второй ничего не ответил, только вздохнул и поставил ногу на ствол – видимо, обходить бандиты не захотели. Меня он заметил сразу, но среагировать не успел, я атаковал с низкой позиции стремительно, на уровне броска кобры, тот только и успел, что дернуться в попытке уйти назад, но клинок в коротком замахе чиркнул его по горлу, достав до позвонка. Дальше я уже не обращал внимания на этого противника, тот был занят собой – хрипя и захлебываясь кровью, пытался зажать рану руками. Винтовку он отбросил в сторону. Как оказалось, атаковал я в более чем удачное время – пока один перебирался через ствол дерева, второй стоял к нему спиной и отслеживал тыл. Арьергард как-никак, они должны были отсечь противника и увести его в сторону, чтобы преследователи не смогли найти основной отряд с пленным. Уже опуская клинок на шею второго бандита, я передумал и перевернул оружие, отчего удар пришелся в прикрытую кепкой макушку. Ни слова не говоря, низкорослый бандит стал заваливаться назад, то есть на меня. Судя по тому, как он падал, я действительно его вырубил.

Подхватив второго под мышки, я услышал, как первый, хрустя ветками и листьями, упал и стал скрести каблуками по прошлогодней листве, собирая ее в кучи. Быстро обернувшись и убедившись, что он не представляет опасности и фактически отходит, занялся вторым.

К этим событиям я не готовился, поэтому связывать бандита пришлось ремнем его же карабина. Ремень был матерчатый, старый, с бахромой по краям, но в дело еще годился. У этого молодчика, кроме всего прочего, был самодельный патронташ, а также большой мешок за плечами – не сидор, тоже самоделка. Пришлось снимать и то, и другое и только потом связывать руки, благо он очень спокойно себя вел, даже не стонал, отдыхал, как будто спал, только однажды причмокнул губами. Похоже, крепко я его достал.

Связав молодчику руки за спиной, я встал, подхватив карабин, и внимательно осмотрелся, после чего прикрыл глаза и уже прислушался. Шумел ветер в верхушках деревьев, слегка поскрипывали стволы, шелестела молодая листва. Где-то недалеко журчал ручеек, стрекотали жучки и пели птицы. Ничего лишнего не было. Открыв глаза, я отложил карабин – старый кавалерийский Мосина, 1907 года, но ухоженный – и стал охлопывать карманы бандита, складывая найденное в кепку молодчика. Там нашлись тонкая пачка советских денег, десяток винтовочных патронов россыпью, одна граната – не Ф-1, но что-то похожее, только не нашего производства. Ее я осторожно отложил в сторону – не зная, сколько горит замедлитель, можно и самому пострадать, запал был ввернут в ребристый корпус. Еще пачка польских сигарет, зажигалка – последнюю я сразу подрезал. Еще был армейский патронташ с сорока четырьмя патронами в чехольчиках, а также охотничий нож с наборной деревянной рукояткой в самодельных ножнах.

После этого я стал возиться со вторым, стараясь не запачкаться – при ударе я успел уйти в сторону, и брызги крови попали только на ботинки.

Первым делом снял с его запястья часы и отложил их в сторону. Потом патронташ, такой же, как у первого, и так же откинул в сторону, и только потом занялся карманами.

Первое, что меня порадовало, это не достаточно крупная сумма советских и польских денег, а новенький «ТТ», что я извлек из внутреннего кармана бандита вместе с двумя полными магазинами. Проверив пистолет, я сунул его в карман. Это оружие куда как привычнее мне, чем тот же карабин или винтовка, я из него выпустил более десяти тысяч патронов. Два таких пистолета были тренировочным пособием, когда Мэтт учил меня пользоваться короткостволами. До исчезновения нарезов в стволах и поломок мы из них стреляли. В ноль выработали.

Граната. Металлическая, возможно оцинкованная, литровая фляга, а также небольшой бинокль в чехле пошли фоном. В кармашке сапога у живого я обнаружил запасы на черный день. В том числе выбитые у кого-то золотые зубы – их я брать не стал, побрезговал. Также обнаружился складной ножик. Похоже, у бандитов был один сапожник, если судить по этим кармашкам...

Трофеи с трупа были куда более богатыми, видимо, он был начальником, возможно, даже зам командира банды. Оружием у него была мосинская винтовка, но уже советского, а не дореволюционного производства.

В мешке оказалась сложенная материя, продовольствие и перевязочные средства. Место еще было, и я убрал внутрь большую часть находок. Только патронташи прикрепил сверху. Положив мешок у ствола дерева, рядом с прислоненным оружием, я подошел к связанному бандиту. С момента удара прошло минуты две, поэтому следовало поторопиться. Подтащив к дереву, я прислонил его спиной к стволу.

Несколько ударов по щекам, и пленный, застонав, открыл глаза.

– Ты кто? – спросил он и тягуче сплюнул, попав себе на левую штанину.

Не давая ему размышлять и анализировать ситуацию, я сразу стал давить, быстро задавая вопросы, стимулируя болезненными тычками острием ножа во внутренние стороны бедер. Там мягко и болезненнее всего. Бандит попытался свести ноги, но я не давал этого сделать. Меня интересовало все: кто он, кто его друзья, где основная база, где запасные, кто помогает, где перезимовали, кураторы и остальное. Молодчик имел честное русское имя Иван, однако по делам его не скажешь, что он любит русских. Он их ненавидел, люто, со всей возможной злобой. Правда, он также ненавидел и готов был убивать всех, кроме украинцев. Это нападение на военную машину, в данном случае «эмку», у него было третьим, а так и в других случаях он успел отметиться. Нападения, вооруженный грабеж, запугивание, шантаж, групповое изнасилование, причем не единожды. Слушая его, я морщился – не от рассказа, это меня не особо шокировало, а от вон: молодчик успел обделаться, пока, плача, изливал душу. Про обрезанную связь в деревне он подтвердил. Это как раз работа этой группы.

Работал я с ним минут пятнадцать, после чего, поняв, что он стал повторяться, вогнал подонку клинок в живот и дважды повернул.

– Полежи пока, вспомни всех тех, кто пострадал от тебя, – похлопав его по плечу, сказал я и стал вытирать штык от крови об штанину фашиста. – Зло порождает зло, запомни это.

Быстро встав, оставив тела, как было – один остывал, второму осталось часа три, причем в муках, – я повесил на левое плечо мешок и, подхватив карабин и винтовку, побежал по лесу дальше. Следы прошедшей тут банды я не искал, потому что знал, куда они идут и где их можно застать. В тех местах я не был, придется ориентироваться по словесному описанию, что выдал «язык». Не думаю, что он врал, я следил за выражением его глаз, да и слишком туп он был для этого. Шестерка мелкая, мясо националистов, которое они бросали на диверсионно-бандитскую войну с Советами, задушив голову.

Жаль, со старшим поговорить не удалось, он действительно был не последним в банде, насчитывавшей тридцать семь человек. Ранее он был капралом в Войске Польском, хоть и минометчик, но азы знал. Наверняка информации о банде от него я бы получил больше, куда больше.

Думаете, я побежал сразу к месту встречи и ночной стоянки банды? Ага, щас-с, пешком, что ли?

Нет, первым делом я добрался до ручейка и стал отмывать вещи от крови, пока она не высохла. К тому же я обнаружил на рукаве комбинезона несколько капель, не замеченных ранее.

Часы были немецкие, хорошие, поэтому, тщательно оттерев от крови, я убрал их в карман. Ремешок был не по размеру. Нужно еще одну дырочку прокалывать, да и отмыть как следует тоже. Чуть позже этим займусь.

От ручья я побежал к Огоньку. Там, закинув винтовку за спину, благо ремень имелся, повесил мешок на луку седла и, отвязав коня, вскочил в седло и дал шенкелей. Карабин пришлось держать в руках – ремень остался с молодчиком Иваном.

Проехав по краю леса километра полтора, я заметил большой дуб с густой листвой. Он мне приглянулся. Тащить все вещи с собой было стремно, поэтому, прямо с седла забравшись на нижнюю ветвь – она была высоковата от земли, – укрыл на дереве большую часть трофеев. Оставил я при себе кроме пистолета карабин с патронташем и гранату. В принципе, больше ничего мне не нужно. Только перед отбытием сунул в карман бинт, и на этом все.

На краю большого поля находился давно заброшенный хутор. Он уже обветшал, да и часть материалов крестьяне прибрали, но кое-где кровля сохранилась, и как временный лагерь он вполне подходил, так как это урочище редко посещали.

Пользуясь тем, что имел большую скорость передвижения – хоть у бандитов и была фора во времени, но зато я двигался напрямую, а они петляли – успел к хутору первым. Огонька я решил с собой не брать, может выдать наше присутствие ржанием, закон подлости еще никто не отменял, поэтому оставил его метрах в пятистах от хутора, в неглубоком овражке, по дну которого тек ручеек. Чтобы был под рукой, но и не выдал себя.

– Вот тебе вода. Сена, извини, нет, а трава еще маленькая, – сказал я коню. Расседлывать я его не стал, только ослабил подпругу. Я хотел спутать ноги, чтобы далеко не ушел и не поднялся наверх, теоретически он мог это сделать. К сожалению, привязать повод было не к чему, а то бы я не беспокоился. Хотя, подумав, вытащил из карабина шомпол и воткнул его в плотную, не до конца оттаявшую землю, забив дальше прикладом, и спокойно привязал повод. Вот и все, и до воды хватит, и травку пощиплет... где сможет. Только после этого, перехватив поудобнее карабин, стал по оврагу приближаться к хутору. Метров через триста можно перебежать к трем сохранившимся строениям, надеюсь, банда еще не прибыла на место.

По открытому полю я полз по-пластунски, а прошлогодний высохший бурьян неплохо скрывал меня. Через полчаса, испачкав в земле комбинезон, я оказался у крайнего здания. Осмотр строений показал, что я первый. После этого нашел самое оптимальное место для наблюдения и, устроившись там, достал половинку бинокля, приготовив его.

Вытащив из кармана трофейные часы, я негромко пробормотал:

– До темноты час остался, где же вы, махновцы долбаные?

Ожидание продлилось до самых сумерек, к этому времени я закончил с чисткой часов и примеркой на руку, как родные подошли, и лишь когда над горизонтом виднелся уже только краешек солнца, я заметил слегка покачивающуюся длинную тень на земле. Кто-то двигался к строениям, но кто именно, я не видел – закрывало строение слева. По моим прикидкам, бандиты должны были идти через дикий сад, это было логично, только так можно было подбаться незамеченным к хутору, я же тем путем воспользоваться не мог, сад находился с противоположной стороны от оврага, где я оставил Огонька. Но вот для бандитов это был идеальный вариант, и я отслеживал весь сад, пытаясь уловить движение, но разведчик шел по полю, явно никого не опасаясь.

Приготовив гранату и положив ее рядом, прикрылся рваной дерюгой – пусть хоть по мне ходит высланный на разведку бандит, но я дождусь основного отряда. У меня было удобное лежбище на чердаке покосившейся бани.

Когда появился незнакомый парень лет двадцати, я быстро осмотрел его. Теперь стало понятно, почему он шел без особой опаски. Выглядел он как обычный крестьянин, без оружия, однако на меня его маскировка не произвела никакого впечатления. Я видел его среди бандитов, что несколько часов назад под моим присмотром пересекали поле. Это он бил прикладом по спине неизвестного командира, подгоняя его. К тому же Иван описал мне всех, кто участвовал в этом нападении, так что я знал, что за зверек этот националист Олесь, двадцатого года рождения, житель села Поддубцы. Участник нескольких нападений и захвата участкового милиционера, которого потом демонстративно повесили на ветке дуба у родного села.

Олесь покрутил головой, осматриваясь, и стал осторожно исследовать руины хутора. Наконец он покинул хату и, выйдя на открытый участок перед строениями, замахал руками. В этот раз бандиты вошли в хутор именно так, как я и предполагал. Через сад, незаметно.

Почти совсем стемнело, что нарушало мои планы, поэтому пришлось действовать незамедлительно. Ночью бой мог идти в равных условиях, а этого мне было не нужно. Трое бандитов, посвечивая фонариком, направились в покосившуюся хату готовить ночлег – там были набросаны доски, сделать лежанки нетрудно. Один встал на часах, а последний оставшийся, тот самый разведчик Олесь, которому вернули оружие и другие личные вещи, вместе с главарем усадили связанного командира у сруба сарая и склонились над ним, что-то спрашивая. Вот Олесь замахнулся и опустил приклад винтовки незнакомой мне системы на ногу командира. Я при слабых лучах солнца успел разглядеть, что это был аж целый полковник, молодой, но полковник с двумя наградами на груди. Боевой оказался.

С моего места гранату внутрь хаты не добросить, метров тридцать, да и лежу я для этого неудобно. Поэтому, пока шел допрос, осторожно покинул чердак и, выдернув кольцо, стараясь ступать так, чтобы не попасться на глаза часовому – он находился в сорока метрах от меня на окраине хутора, – бросил гранату внутрь хаты. После чего вскинул карабин к плечу и выстрелил в часового.

Дальше пришлось действовать очень быстро. Откинув карабин в сторону, выхватил пистолет и дважды нажал на спуск. Одна пуля вошла оборачивающемуся Олесю в бок и, видимо, попала в кость, потому как его бросило на сруб, от которого он отскочил, как мячик, и покатился по земле. А вот командир среагировал похвально быстро, метнувшись в прыжке в сторону и пытаясь перекатом уйти за угол сарая, но пуля, что вошла ему в ногу, не дала этого сделать. С двадцати метров по движущейся мишени, да еще из «ТТ» – между прочим, это результат!

В это время раздался взрыв в хате, в унисон вскрикам державшегося за ногу главаря и часового. Последнего я, оказывается, не убил, хотя метил в грудь. В хате тоже кто-то шумел, но после взрыва остался только стон на одной ноте.

Сунув пистолет за пояс, я поднял карабин и, выбив гильзу, взвел затвор, после чего вторым выстрелом добил стонающего часового. Подбежав к главарю, дважды ударил его прикладом по левой руке, ломая ее – на всякий случай, тот был левша. Перезарядив карабин, подошел к Олесю и в упор всадил вторую пулю – контроль – и только потом побежал к хате. Требовалось проверить остальных трех, сомневаюсь, что все они погибли от гранаты. Пока оглушены и занимаются своими ранами, нужна зачистка. О главаре я не беспокоился, от боли он потерял сознание, полковник же находился в том состоянии, когда ни до чего нет дела. Привести полковника в норму могла пара оплеух, но мне пока было не до него.

У входа я оставил карабин, прислонив его к стене дома, и достал «ТТ». В тесных помещениях автоматическое короткоствольное оружие предпочтительнее.

В хате все было перевернуто вверх дном. Раскидано продовольствие – видимо, бандиты готовили ужин – валялись вещи и оружие. Двое бандитов лежали без движения, оглушенные, а вот третий пытался встать, но постоянно падал, поскальзываясь в луже крови. Это он стонал не переставая. По виду, он тоже получил серьезную контузию. Без раздумий я открыл огонь, всадив в каждого по две пули. После чего, на ходу перезаряжаясь, вышел наружу и осмотрелся. Уже фактически стемнело, был сумрак, но разглядеть детали вблизи еще можно.

Вернувшись в хату, я подобрал фонарик, который, несмотря ни на что, продолжал светить, и, подсвечивая себе путь, подошел к полковнику. Рядом, со стоном, зашевелился главарь. Поэтому пришлось изменить направление. Обыскав Прохора-главаря и лишив его офицерского ремня, всего оружия и вещей из карманов, я наложил жгут на ногу и оставил его валяться на сырой земле, а сам подошел к полковнику. Пяток оплеух, и тот, заморгав, посмотрел на меня.

– Ничего не скажу... сук-ки... – пробормотал он разбитыми губами, жмурясь от слепившего глаза света.

Судя по всему, весь бой на заброшенном хуторе он пропустил, будучи без сознания. Быстро ощупав его, я понял, что, кроме сломанной ноги и отбитых ребер, особо серьезно он не пострадал. Бандиты берегли его, ведя к своему лежбищу. Полковник все же в сети попался.

– Да мне и не надо. Я не бандит, так, прогуливался мимо. Увидел, что бандиты пытаются красного командира, и решил помочь.

Теперь полковник посмотрел на меня уже более внимательно, благо я немного отодвинул фонарик.

Подтащив главаря ближе – тот стонал сквозь зубы, – я отдал фонарик полковнику и попросил его подсветить, а сам, открыв планшет Прохора, достал блокнот с карандашом.

– Ну что, гражданин Прохор Окопенко, тысяча девятьсот пятого года рождения, бывший вахмистр польской армии, хотелось бы внимательно выслушать все, что ты знаешь о местном националистическом движении. О немestном тоже любопытно узнать. Давай, кайся, а я запишу...

Разговорить главаря сразу не удалось, терпел он мои выходки в течение аж десяти минут. Орал, гадил под себя, но молчал, пока мне не удалось сломать его. Я довел его до того состояния, в котором «язык» больше всего хочет умереть, чтобы прекратить все это. Я и прекратил, только уже глубоко за полночь, когда блокнот почти весь был заполнен откровениями ублюдка-националиста. Под конец фонарик светил еле-еле, но все-таки хватило, не успел до конца испортить глаза писаниной.

Вся банда у Прохора состояла из украинцев, поляков не было. Допрос показал, что на территории Западной Украины действовали абсолютно обособленно оуновские и польские банд-группы. Друг друга они люто ненавидели, и смешанных не было. И те, и другие комплектовались исключительно по национальному признаку. Именно поэтому в банде присутствовали одни украинцы.

За все время допросов полковник молчал, но слушал с интересом, только однажды прошипел с ненавистью сквозь зубы. Когда главарь взял на себя уничтожение армейских складов.

– ...твари... Это были склады моей дивизии. Шесть погибших...

Когда Прохор выдохся, то есть рассказал все, что знал, причем с подробностями, я достал из ножен клинок и дважды ударил его в грудь, не обращая внимания на поморщившегося полковника. После этого, убрав блокнот в планшет, пристегнул последний к своему армейскому ремню. Нагнувшись над одним из мешков, я достал ракетницу и, зарядив сигнальную, выпустил ее в небо.

– Ты не представился, – сказал полковник, потом добавил: – Хотя о чем это я? Полковник Кириленко, командир стрелковой дивизии.

– Извините, своего имени назвать не могу. Есть причины для этого. У вас сломана нога и два ребра. Заниматься мне вами некогда, но и бросить не могу. По этому, когда патрули, что наверняка продолжают поиски напавших на вас, сориентируются по ракетам и доберутся до хутора, я оставлю вас на их попечении. Хорошо?

– Отказываться не буду, – криво усмехнулся Кириленко.

– Пока есть время, я соберусь. Надеюсь, вы не претендуете на мои трофеи?

– Все, что взял с сабли, твое. Я служил в Азии, там закон трофея священен.

Много вещей я решил не брать. Мне требовался короткоствол. С учетом того что действовал я фактически на стороне Советов, мне нужно было именно их оружие, но единственный наган принадлежал полковнику, тот это подтвердил, сразу же затребовав его себе обратно, и тут же стал проверять, заряжен ли он. Проверив, успокоился, стал меньше нервничать. Так что все мои трофеи уместились в одном армейском сидоре. Там были документы убитых – всего три, главаря и двоих из хаты, остальные их не имели – деньги, боеприпасы, три гранаты, двое наручных часов, третьи пришлось также вернуть полковнику вместе с его документами. Вот и все, больше ничего я не взял. Был один «браунинг», польский «WiS vz35» и «парабеллум». «Браунинг» меня не заинтересовал – патроны фиг найдешь, а вот польский пистоль и «парабеллум» я взял вместе со всеми патронами и магазинами. Мой запас будет на черный день. Временные машинки, до окончания запасов патронов – у бандитов не сказать, что их было много. По сотне на ствол всего.

Из армейского снаряжения прибрал фляги, походные котелки и другую необходимую мелочь, включая посуду. Правда, часть оказалась попорчена осколками от гранаты, и я их оставил.

На десятой минуте я выпустил еще одну ракету и стал ожидать помощи. Та прибыла только через два часа. Когда я выпустил шестую ракету. Осталось всего три, да и то осветительные.

Настроение у меня было на высоте. После того как я помог полковнику сменить место лежания и сделал косынку для руки, прогуливался по двору, весело насвистывал и ожидал патрули.

Заметив вдали свет фар, я выпустил седьмую ракету и направился к полковнику. Разбудив его – он лежал на куске брезента, – сообщил о новостях и, отдав ракетницу и оставшиеся осветительные патроны, подхватил мешок, после чего побежал в сторону оврага. У самого края я остановился и прислушался, снова осматриваясь. Шум двух машин приблизился, вот в оптику бинокля стало видно две полуторки, кузова которых покидали красноармейцы с длинными винтовками в руках в такой знакомой форме. Светили фонарики, забежали бойцы, видимо, обнаружив убитых и раненого полковника. Наверняка орали командиры, отдавая приказы, но меня это уже не интересовало. Убедившись, что полковник в безопасности, я спустился и, подсвечивая фонариком, что обнаружил в вещах Прохора-главаря, подошел к Огоньку.

Тот, к моему удивлению, нагло спал. Пришлось будить. Подтянув подпругу, я отвязал повод, плюнув на оставшийся в земле шомпол, и запрыгнул в седло. Все, меня тут больше ничего не держит, пора сваливать куда подальше, чтобы переждать ночь. Двигаться сейчас к городу смысла нет, нарвусь на патруль, еще подстрелят с перепугу, а вот завтра с утра можно. Если что, скажу Матвейчу, что заблудился и ночевал в лесу.

Переночевать я решил в лесочке у знакомого озера, что находилось в трех километрах от той дороги, где было совершено нападение на Кириленко. Там снял седло, спутал передние ноги Огоньку, лег на потник и, положив голову на седло, спокойно уснул. Сразу, без мук совести за невинно убиенных и другой мути. Я уснул так же легко, как рабочий или крестьянин засыпают дома после сделанной за день качественной, необходимой и, главное, любимой работы.

Проснулся я не от щебетания птиц и ласковых лучей солнца, нет, я банально проголодался. Вскочив, быстро сделал несколько приседаний, прогоняя утреннюю дрему и разгоняя кровь. Побегав на месте, я поймал любопытный взгляд Огонька, с интересом наблюдавшего за моими кульбитами, и, смущенно хмыкнув, вернулся к седлу, рядом с которым лежал мешок. Достав из него завернутый в тряпицу кусок соленого сала и слегка зачерствевший хлеб в той же упаковке, сел на седло и, вынув нож, хорошенько вымытый в ручье от крови нацио налистов, стал завтракать. Зубчик чеснока к салу я не забыл почистить.

Утро уже вступило в свои права, солнца я еще не видел, скрывали густые ивы с другой стороны озера, но было достаточно светло. Позавтракав, убрал остаток продовольствия в мешок и, оседлав коня, вскочил на него.

– Пошли, – скомандовал я, стукнув Огонька ботинками по бокам.

Выбравшись на дорогу, мы обогнали две крестьянские подводы и, миновав застрявшую в луже полуторку – бойцы ее уже почти вытолкали, – достигли окраин Луцка. Посты были на всех дорогах, я выбрал тот, через который проезжал чаще всего, в надежде, что попадутся знакомые. Не попались, но пропустили свободно, когда я сказал, что с армейских конюшен.

Матвейч, к моему удивлению, не обругал за задержку, а наоборот, обрадовался, он сильно беспокоился, что я сгинул где-то в этих краях. О нападении на штабную машину в том направлении, куда я ускакал, уже было известно.

Когда я сказал, что заблудился и ночевал в лесу, чтобы не плутать, только похвалил и велел вести Огонька в стойло. Обиходив коня, я переделся в свою школьно-выходную одежду и, прихватив мешок с трофеями, направился в центр города. Все добытое оружие я спрятал на конюшнях, там было множество мест для тайников, вот и подготовил заранее парочку, как знал, что пригодится. А к месту, где висели мешок и винтовка, даже приближаться не стал, тоже тайник на будущее.

Время было семь утра, но у здания городского отдела НКВД хватало и машин, и сотрудников. Видимо, вчерашнее нападение их изрядно встряхнуло. Оно было первое в этом сезоне, вот и забегали. Нападение на почтальоншу не считается, этим делом занималась милиция.

Прислонившись плечом к стене двухэтажного старинного здания из красного кирпича, я наблюдал за мельтешением местных оперов и бойцов войск НКВД. На моих глазах в кузов попрыгало пятнадцать человек, все в форме, в характерных фуражках и с карабинами, после чего машина укатила вниз по улице, к выезду из города. Посмотрев на крыльцо, где курил оставшийся сотрудник – в его петлицах я разглядел по кубарю, – и поправив одежду, перевесил сидор на другое плечо и энергично зашагал к зданию.

– Доброе утро, – поздоровался я с сотрудником.

Тот засек меня еще на подступах, поэтому, пока я подходил, успел осмотреть с ног до головы. Медленно выпустив дым, он кивнул и ответил:

– Здоров. С чем-то важным пришел, или так, на одноклассников пожаловаться? – насмешливо спросил он.

– Мне нужен начальник отдела. Он на месте? – проигнорировав насмешку, спросил я.

– Будет в течение часа. Только он тебя вряд ли примет, часы приема граждан расписаны на стенде, сегодня он не принимает. Будешь ждать?

– Меня примет. Вы, товарищ младший лейтенант, лучше бы, чем насмешничать, нашли его и передали, что его ждет человек, что отправил на тот свет часть банды Прохора Черного. Думаю, это его заинтересует.

Мои слова вызвали мгновенную метаморфозу, из расслабленного пуделя гэбэшник превратился в самого настоящего готового к нападению волчару. Он настороженно осмотрел меня и спросил:

– Что в сидоре?

– Доказательства.

– Пошли.

Открыв дверь, мамлей пропустил меня внутрь и приказал дежурному:

– Сержант, срочно найди капитана Rogozova... А ты давай за мной.

Мы прошли в отдельную комнатку с забранными решеткой окнами – дверь находилась за спиной дежурного, – и там мамлей обхлопал меня на предмет скрытого оружия, но не нашел ничего, кроме складного ножика в кармане брюк. Сидор он, с моего разрешения, тоже осмотрел и, присев на край подоконника, просматривал найденные документы. Блокнот я ему не отдал.

Судя по тому, как у него удивленно взлетели брови, он держал в руках документы Прохора-главаря, которого здесь все знали под кличкой Черный.

– Так это ты тот боец в танкистском комбинезоне?

– Кириленко рассказал? – раздвинул я губы в усмешке.

В комнате, кроме стола, стула и одной привинченной к полу табуретки, никакой другой мебели не было, поэтому, зайдя, я сразу занял ее. Вот и сейчас, отвечая на вопросы лейтенанта, закинул ногу на ногу.

– Значит, точно ты. Зачем пришел, похвастаться или доложить?

– Об этом узнает ваш непосредственный начальник, и если надумает, сам доведет нужную информацию, – скривил я губы.

– Ну-ну. Сам-то кто, или это тоже узнает только начальник?

– Именно.

Мы молча продолжили ожидать запаздывающего начальника, а я задумался, правильно ли поступил, что пришел. По всем прикидкам получалось, что правильно, но все-таки было у меня сомнение.

Дело в том, что без серьезной поддержки мне тут будет тяжело, а вот если работать по местным бандам и националистам плечом к плечу с тутошними ребятами из НКВД, это будет уже другой уровень. Мне требовалась единственная помощь от них – информация. Ну, может, еще небольшое снабжение. Остальное я добуду у бандитов, перейду, так сказать, на самообеспечение. Не думаю, что прогонят меня, так как знаю, что они сами не очень любят местное отребье и стараются живыми их не брать.

Кроме этого были еще планы на будущее. Войну я встречу здесь, в этом сомнений нет, но оставаться на оккупированных немцами территориях я не собирался. Для этого нужна надежная база, которой у меня не было, и подготавливать ее у меня желания не имелось никакого. Да и вообще, мне пятнадцать лет. К тому же мне было известно о том, как после войны относились к людям, жившим на оккупированных территориях – не всегда зажимали, но отметки в документах стояли. Вывод был один: мне необходимо переждать войну в таком месте, куда она не дойдет. Да, я собирался жить в Москве, пока не придет срок моего призыва на действительную службу. После войны, если я ее переживу, вернусь в западные области и продолжу работу по уничтожению банд, бандеровцев и другой националистической швали. Вот такие у меня были планы. Так что мой приход к местным гэбистам был продуман, мне требовались документы внештатного сотрудника местного отдела. В будущем это будет огромным подспорьем. Может быть, по достижении определенного возраста попаду на службу в НКВД или СМЕРШ, я про него фильм смотрел. Тоже шанс, тем более это моя специализация – ловля диверсантов.

Для того чтобы скорешиться с местными парнями, мне требовалось доказать свою полезность и то, что я им нужен куда больше, чем они мне. Тогда работа пойдет. Нужно стать для них своим, тем, кому доверят спину даже такие недоверчивые парни. А я постараюсь их не подвести. Свое слово я старался на ветер не бросать. Родители и дед воспитали так. Западонец, а слово держит. У меня на прошлой родине это ничего другого, кроме ядовитого смеха у населения, не вызвало бы. А я вот старался держать слово, и все тут.

Так что получалось, что единственное, что мне требовалось от местных гэбистов – это защита. Да-да, именно защита. Под их прикрытием я могу работать свободно. Главное, не переусердствовать, чтобы это не всплыло, а там работай как хочешь, если договоримся, конечно. Бумага, что мне, возможно, выдадут, в будущем ой как пригодится. Я буду в состоянии прикрыться от действий любых органов. Ну, кроме самой конторы, конечно.

Вот такие у меня были планы. Конечно, можно работать одному, попасться на глаза я могу пятьдесят на пятьдесят. Да и то если поймают на месте уничтожения очередного националиста, а так попробуй докажи. Но требовалась база и частичное снабжение, в основном боеприпасами и тем, чего у бандитов не достанешь. Короче, решение принято, и менять я его не собираюсь. Если пошлют куда подальше, то тогда буду работать с оглядкой в одиночку, уйдя до начала войны в леса, а там уже можно отходить вглубь страны. Мне требовалась чистая жизненная история. Я уже сейчас думал, как буду жить после войны. Да, основная идея и смысл жизни у меня – месть, и я буду мстить жестко, без сантиментов и компромиссов, но и о мирной жизни стоит подумать.

Через десять минут дверь с легким скрипом отворилась, резанув этим неприятным звуком по нервам, и в комнату вошли двое мужчин в форме сотрудников НКВД. Один имел шпалы капитана ГБ, второй – старшего лейтенанта. Оба коренастые, обоим за тридцать, ближе к сорока.

Подумав, я встал с табуретки и молча посмотрел на командиров – разговаривать в присутствии наглого мамлея не хотелось. Пусть старшие решают, кому тут быть.

* * *

Выйдя из отдела НКВД, я неторопливо направился вверх по улице в сторону школы. Прежде чем идти домой, следовало узнать, что у меня там с экзаменом, какая оценка, и раз узнать насчет экзамена по географии, что должен быть завтра. Сегодня отдыхаем, ничего учительским составом для дальнейшего мучения детей не запланировано.

Неторопливо я шел по причине задумчивости, нужно было проанализировать наш разговор.

– Товарищ капитан госбезопасности, – обратился к нему младший лейтенант, сразу же приняв стойку смирно. – Вот, сам пришел. Документы Черного принес. По описанию схож. Хочет поговорить лично с вами.

– Выйди, – негромко велел капитан, и как только сотрудник это сделал, приказал: – Говори.

– Думаю, сначала лучше представиться, – сказал я, мельком посмотрев на второго командира, что остался в комнате. Видимо, он пользовался полным доверием у начальника отдела. – Евгений Романович Иванов. Сын подполковника Иванова, которого убили бандиты в декабре прошлого года. О причинах моей схватки с бандитами теперь, думаю, можно не говорить. Они лишили меня семьи, и я хочу заняться их уничтожением. Ликвидацией, если проще. Я бы хотел работать на вас, вернее даже не работать, а сотрудничать, это более близкое по смыслу слово. Моя работа, которую я себе выбрал, заключается в уничтожении бандитов в лесах и других местах, где их обнаружу, кроме населенных пунктов. По мере поступления сведений, я буду передавать их вам, и именно вы будете заниматься задержанием бандитов и особенно их пособников, что скрываются в городах и селах. Мое только «зеленка» – леса, проще говоря. Буду работать под местного крестьянского паренька, передвигаясь на подводе с сеном. Прикрытие идеальное. Я понимаю, что слова пятнадцатилетнего парня всерьез воспринимать трудно, но у вас в руках блокнот с показаниями Прохора Черного, и есть показания полковника Кириленко. Это, надеюсь, заставит серьезно отнестись к моим словам, а также к тому, что я сам пришел с предложением о сотрудничестве, так как на одном деле останавливаться не собира-

юсь. Действовать я начну через десять дней, уйдя в леса, остальное время собираюсь пустить на подготовку и окончание школы. Замечу, у меня экзамены, а я дисциплинированный ученик. За это время вы проверите всю информацию по блокноту, и тогда мы поговорим более предметно. У меня пока все.

– Садись, – кивнул капитан на табурет. Дождавшись, когда я выполню его приказ, он стал прогуливаться от стены к стене, но через минуту остановился: – Молодец, все по полочкам разложил, видно, что о нашем разговоре очень много думал. Только пришел ты не из-за этого. Совсем не из-за этого. Я могу предположить, что у тебя хватит силы воли охотиться на бандитов в лесах, скоро это действительно станет бедствием, милиция не справляется. Однако некоторые моменты ты не озвучил. Или не захотел, или не учел при планировании перед нашей встречей. Мне их описать?

Посмотрев исподлобья на остановившегося перед столом капитана, я разлепил склеившиеся губы и сказал:

– Сделайте милость, товарищ капитан.

– Пришел ты потому, что знал, мы быстро выйдем на тебя. Стоит передать твоё описание всем постам, и вот – о чудо! Оpoznанный паренек в старом танкистском комбинезоне проехал на статном коне в сторону армейских конюшен. Так что не пришел бы ты, все равно бы сидел на этом табурете, только чуть позже. Именно поэтому ты и не забрал оружие с хутора, знал, что мы заставим тебя его сдать.

– Допустим, – слегка неопределенно кивнул я, когда капитан на миг остановился. – Какие еще у меня могут быть причины?

– Прикрытие, естественно, что же еще? – развел руками капитан. – Эти территории просто набиты войсками, и ты, несмотря на маску деревенского паренька, быстро попадешься если не в наши сети, то милиции. Осведомителей тут мно-о-ого, быстро сообщат куда следует. Именно поэтому тебе и нужны документы нашего сотрудника, хоть и внештатного. Тогда да, для постов ты станешь невидимым. Есть еще одна, можно сказать, несостыковка. Я часто приходил к вам домой, общался с твоим отцом, с которым был знаком еще по другим местам службы. Ты меня не узнал, амнезия действительно есть. Но вот в таком случае встает вопрос. А за кого ты мстить собираешься? Отца ты не помнишь, он для тебя, получается, никто. Незнакомое изображение на фотографии.

Капитан остановился у стола и, положив на столешницу руки, немигающе посмотрел мне прямо в глаза. Вспомнив семью, я зашипел от ненависти и произнес, глядя прямо в глаза капитану:

– Есть мне, за кого мстить. Это... мое... дело... и я не становлюсь.

Несколько секунд капитан молчал, после чего, вздохнув и устало потерев переносицу, кивнул:

– Верю, не остановишься... Непонятный ты, это-то и настораживает.

– А вы поверьте мне, понимаю, что это трудно, но я постараюсь не подвести. Поймите, это наше сотрудничество, оно же взаимовыгодное. Вы мне передаете сведения и моим рукам убираете неудобных. Я знаю, что есть у вас такие, что мешают, но тронуть их не можете, чтобы не вызвать народный резонанс. Взять тех же священников, что помогают националистам и откровенным бандитам. А мне их не жалко, могу так их отработать, что все это будет напоминать несчастный случай. Лучину, вон, например, не погасили. А бумаги с протоколами допросов будут у вас на столе. Только по детям и женщинам я работать не буду. Уж извините. Не бандит, до такой степени не оскотинился.

– Пятнадцать лет, значит?! Ха!

– У меня было время подготовиться, – усмехнулся я. – И хорошие учителя.

– Проверим... Ладно, я приму решение насчет тебя. Сейчас пройдешь за старшим лейтенантом Немцовым и доложишь ему, как все происходило с освобождением Кириленко. Потом свободен, но через семь дней я тебя жду. В шесть вечера. Ясно?

– Да, – коротко кивнул я.

– Пошли, – тронул меня за рукав молчавший до этого командир.

Мы с ним поднялись на второй этаж и в кабинете Немцова, оказавшегося замом капитана госбезопасности Рогозова, начальника Луцкого отдела НКВД по Волынской области, в течение часа разбирали все мои действия, занимались описанием трофеев, ну и написанием рапорта на имя Рогозова. После этого я расписался, и в сопровождении рядового бойца был выпущен из здания с повторным напоминанием явиться через неделю в шесть вечера. Вот и все.

Два командира стояли у окна и наблюдали, как по улице неспешно идет паренек.

– Ну и почему ты его не привлек? – спокойно спросил старший лейтенант Немцов. Было видно, что командиры были друзьями, и когда находились вдвоем, позволяли себе обходиться без лишних формальностей. – Лет на десять лагерей он вчера настрелял.

– ...и спас полковника из рук бандитов, – задумчиво протянул капитан Рогозов, не отрывая взгляда от фигурки парнишки. – Странный он... очень. Ты видел его глаза? Я столько ненависти ни разу не видел, даже когда допрашивал упертых националистов. Думаю, он нам пригодится. Сам знаешь, моя чуйка еще ни разу не подводила. Ты, кстати, мотай на ус, у нас тут другие порядки, не как на твоей прошлой работе.

– Да знаю, это я так... Ты что, действительно его собираешься выпустить из рук? Что он там в лесу делать будет? А если это бравада была?... Хотя отвечал он на вопросы очень грамотно, если бы не внешность, подумал бы, что передо мной сидит кадровый армейский командир.

– Ты пригляди за ним, отправь Васильева, пусть проверит все, что с ним происходило, и что он делал с момента того нападения.

– А если это не Иванов?

– Подмена, имеешь в виду?

– Именно.

– Да нет, Женька это. Странный, внезапно повзрослевший, но он. Меня очень сильно интересует, а за кого он мстить хочет?

– Есть история, о которой мы не знаем?... Хм, сегодня же отправлю Васильева, сейчас же.

– Да, пусть очень тщательно проверит подноготную этого парнишки...

– А особысты?

– А вот особистам сообщать о нем не надо. Это уже будет черной неблагодарностью, ведь спас Кириленко-то. Хотя парни там тоже нормальные, однако могут перетянуть его к себе, а нам этого не надо. Нет, оформи все как помощь неизвестного, которого по горячим следам найти не удалось. Пусть они там дальше копают, парня им не отдадим, самим пригодится.

– Сделаю.

Парнишка уже давно свернул за угол, а командиры продолжали разговор, сменив тему беседы. Стой информацией, что принес парнишка, у них появилось огромное поле для работы. Дней на пять для всего отдела без выходных. Именно это и обсуждали командиры.

– М-да-а, поговорили, – пробормотал я себе под нос, механически шагая к ближайшему перекрестку. – Сделали меня, как младенца. А говорили, что кроме расстрелов кровавая гэбня ни на что не годна. Сюда бы этих умников свидомых!

Однако, несмотря на то что разговор пошел не по моему сценарию, закончился он, как я и надеялся. Меня выслушали и пообещали после проверки принять решение, намекнув, что я для них темная и непонятная личность. Где-то так.

Улица была пустынна. Поэтому я без опаски бормотал, мне так лучше думалось. Повернув на перекрестке, я задумался и, махнув рукой – будь что будет, – энергично зашагал в сторону школы.

Что мог, я сделал, а правильно или нет, время покажет, чего горевать и мучиться?

До школы было идти недалеко, и уже через семь минут, стуча каблуками по ступенькам, я поднялся на крыльцо и, потянув на себя тяжелую дверь, вошел под прохладные своды. Неожиданно пустые и тихие. Учительница оказалась на месте, поэтому я без проблем узнал, что получил за экзамен. Оказалось, что пять, хоть и с натяжкой. Не все оказалось правильно. Были ошибки в диктанте. В основном из-за торопливости, как пояснила мне учительница.

После этого я узнал насчет завтрашнего экзамена и, покинув школу, направился домой. Наверняка сестренки волнуются, хотя я в последнее время приучил их, что могу не ночевать дома, оставаясь на конюшнях. Так я готовился к ночной работе по священникам, но вот пригдилось в другом случае. Удачно мне та банда попалась. Правда, я по той дороге за два последних месяца раз двадцать проезжал, но все равно в двадцать первый раз, хоть и случайно, произошла эта удачная для меня встреча.

В Луцке, как и в любом другом городе, был свой рынок. Он располагался на окраине, и торговали на нем не только продуктами, но и вещами. Вот туда, после короткого раздумья, я и свернул. Время есть, почему не начать делать закупки уже сейчас? Например, не купить крепкую крестьянскую одежду?

Что за мной может быть установлена слежка, я скорее предполагал, но не проверял. К чему? Мне требовалось их сотрудничество. Правда, на подходе к рынку я все-таки не выдержал и слегка проверился с помощью отражения в стекле витрины парикмахерской. Вроде была слежка. Может, мне и показалось, я скорее теоретик в этом деле, но невысокий мужичок в неброской одежде шел в том же направлении, что и я. Это было подозрительно. Ничего, на обратном пути проверимся еще раз, мало ли.

Неторопливо шествуя между рядов, я слушал шум базара и лениво крутил головой, поглядывая на товар, продавцов и покупателей. Было еще утро, но народу хватало. Вокруг кудахтало, блеяло, пахло копченостями и свежим хлебом – ряды с домашней едой и живностью. Только в одном месте я не выдержал и остановился – купил два еще теплых пирожка с картошкой, за четырнадцать копеек. А то завтракал три с лишним часа назад, уже проголодаться успел, а до обеда еще два часа.

Пройдя эти ряды, я вышел уже в другой район рынка. Так-то он был небольшой, но я специально шел медленно, чтобы успеть поесть да поглазеть на крестьян, на их поведение. Они привлекали к себе внимание крестьянской основательностью, неторопливостью и легкой хитринкой. Мне попалась пара парней моего возраста, они были осмотрены особо тщательно. Хотя не думаю, что копирование их одежды мне пригодится. Крестьяне приехали в большинстве в праздничном, а не в повседневном, более простом, а мне нужна именно повседневная одежда. Крепкая, чтобы надолго хватило.

В это время я заметил на одном из рядов кроме пучков укропа, петрушки, лука и другой свежей зелени две корзины с одеждой. Подойдя ближе, я присмотрелся к ней:

– Что у вас тут? – спросил я пожилую женщину.

– Сыночка моего, вырос. Вот, продаю. Только зачем тебе, видно же, что городской?

– Да мне для рыбалки. А то пошел один раз, да под дождь попал, так изважюкался, что не отстирать было, да еще штаны порвал. Вот и хочу купить простую одежду.

– Да у меня она почти новая, стираемая. Смотри, конечно.

Доставая одну вещь за другой, я стал примеривать на себя. Не переодеваясь, просто прикладывая. Женщина-продащица квохтала рядом, помогая и нахваливая товар.

За десять минут я подобрал серую рубаху моего размера с длинными рукавами и темно-серые штаны из плотной ткани. Они мне были немного малы по длине, но в сапогах не думаю, что это будет заметно. Кроме рубахи и штанов я купил черную жилетку из кожи и ткань на портянки. Мягкая такая, самое то. За все отдал четыре рубля с мелочью. Продащица сложила покупки и перевязала тесьмой. После чего я двинулся дальше. Буквально в соседнем ряду

обнаружил старичка-горожа нина, что продавал несколько пар крепких кожаных сапог. Кирзы, похоже, еще не существовало. Стыдно признаться, я не помнил, когда ее изобрели и стали массово выпускать.

– Почем сапоги, дед? – посмотрев на его руки, я задал еще один вопрос: – Сам шьешь?

– Тачаю понемногу, – степенно ответил тот.

Мы перемерили три пары сапог, пока я нашел подходящие. И размер мой, и сидят как влитые. Главное не вырасти из них, сапоги были больше на полразмера, но если дальше буду расти, останусь без обуви.

В кармане у меня было без малого триста рублей – две зарплаты командира РККА.

За сапоги я отдал тридцать пять. Солидная сумма, но те были новыми и крепко сшитыми.

– Не волнуйся, ты проносишь их столько, сколько я проживу, – успокоил меня сапожник-продавец.

С сомнением посмотрев на ветхого старика, я вежливо поблагодарил и направился к выходу. Программа-минимум выполнена, чуть позже фетровую шляпу куплю, с широкими полями, вроде тех, что крестьяне носят, и все. Можно сказать, вольюсь в серую массу местных жителей. А то я в своей парадной школьной одежде, да еще со значком на груди, сильно выделялся на базаре. Да и постричься нужно по местной моде.

На выходе заметил собачников. Четверо продавцов стояли у корзин со щенками и спокойно переговаривались между собой. У одной из корзин сидела самая настоящая немецкая овчарка, крупная. На миг остановившись и обдумав только что пришедшую идею, я кивнул сам себе и подошел к собачникам.

– Добрый день. Почем кобельки?

Овчарка повернула голову и посмотрела на меня на удивление умными глазами. Ее хозяйка и трое других продавцов тоже осмотрели меня.

– Что именно вас интересует?

– Верный друг, охранник, сторож, – медленно перечислил я. – Овчарка, думаю, подойдет.

– Это да, вы сделали самый лучший выбор, – затараторила хозяйка. – Лайла очень умная. Все понимает, и щенки у нее такие же, чистокровные, без примесей. Папочка-то наш с соседний улицы, знали, с кем вязали.

Присев на корточки у корзины, я стал осматривать щенков.

– Три кобелька и две девочки, – пробормотал я. – Возьму этого.

Щенкам было чуть больше месяца, маленькие еще совсем. Неплохо было бы взять постарше, но в соседних корзинах вообще какие-то дворняжки. А вот овчарка – это неплохо. Были у меня мысли подучить собаку для охраны тылов. Телегу я не передумал покупать. Но кто-то же на месте стоянки ее должен охранять?

Щенок, кряхтя, пытался удержаться на ладони. Я всмотрелся в глаза. Мути не было. Открыв пасть, посмотрел нёбо. Нормально, розовое с прослойками черного – и добрый, и злой.

Конечно, так проверять характер собаки – это дедовский способ и не совсем надежный.

Поднявшись на ноги, я положил щенка на сгиб левой руки и вопросительно посмотрел на хозяйку.

– Пять рублей.

– Нормально.

Отдав пятирублевую купюру, я подхватил сапоги и, держа их в одной руке вместе с купленной одеждой, энергично зашагал к выходу. Там я остановился и обернулся. Лайла отошла от корзины с остальными щенками метра на три и пристально следила, как уносят ее дите, не обращая внимания на призывы хозяйки.

– Умная девочка, – пробормотал я и зашагал дальше.

Не успел я отойти метров на двести и повернуть на ближайшем перекрестке, войдя под тень аллеи, как щенок зашевелился и заскулил. Сообразив, в чем дело, я опустил его

на землю, пару раз проведя рукой по холке. Тот потоптался и, растопырившись, пустил лужу. Дождавшись, когда щенок сделает свои дела, я присел рядом и, снова погладив его, спросил:

– Как мне тебя назвать-то, а?

– Ой, какая прелесть... Дай мне его! – буквально выхватила из рук щенка Ольга. На крик из спальни выглянула Аля и тоже, охая-ахая, подбежала к нам.

С грустинкой наблюдая за радостью девчат, я снял обувь, поставил сапоги в углу и отнес сверток с одеждой в спальню.

Неожиданно для меня щенок сыграл ширмой, отвлекая внимание сестричек, вот я и воспользовался моментом, чтобы убрать покупки из виду и избежать вопросов. И так не спрашивают, где я пропадал всю ночь.

– А как его зовут?

– Свистом.

– Свистом?! – удивились сестренки. – Странное имя.

– Это не имя. Свистом его подзывать. Имя не заслужил еще.

– А-а-а... – захихикали девочки, но тут Аля встрепенулась и спросила: – А ты где был, опять на конюшне пропадал? От тебя лошаадьми пахнет.

– Вы лучше лежанку для пса приготовьте и блюдце. Его уже оторвали от мамки, он обычную еду тоже ест, а я пока душ приму. Горячая вода есть?

– Есть... Как экзамен?

– Пять, – откликнулся я из спальни. Через минуту прошел в ванную с чистым бельем в руках.

До обеда девчата возились со щенком, не давая ему спать, даже на улицу не пошли. Нет, блин, они своих подружек к нам пригласили, поэтому у себя в комнате я слушал многоголосый детский щебет из зала и кухни. Наконец мне все это надоело и, отобрав щенка, я унес его к себе, где мы спокойно поспали часок, пока нас не разбудила Аля. Время было полпервого, обед.

Следующие шесть дней прошли довольно резво: экзамены, прогулки по рынку, заканчивающиеся мелкими покупками, и изучение жизни и поведения местных горожан и крестьян. Время потрачено с толком. К тому же на конюшнях я почистил «ТТ» и переснарядил магазины. Я уже знал, что средства чистки и оружейное масло отец хранит в небольшом чемоданчике в шкафу своей спальни, вернее хранил. Тетя Нина разрешила мне их забрать. Только спросила, зачем мне оно, а узнав, что чистить штык-нож – ржавеет, – спокойно отдала.

На шестой день, когда прошел предпоследний экзамен – через два дня будет последний – я шел домой с сумкой хлеба и бидоном молока, как вдруг мощный удар в шею чуть не свалил меня на землю.

– Чтоб тебя расплющило! – воскликнул я, зажимая место удара и глядя на ворочающегося на земле крупного шмеля. Опустив на него ногу и еще покрутив для надежности подошвой, я зашагал дальше. Проверая, осталось ли жало в шее или нет.

Эта история оказалась с продолжением. Когда я убирал колбаску щенка – маленький он еще был, чтобы на улицу выводить – я почувствовал боль в ноге. Мелкий пакостник подкрался ко мне и, играя, вцепился в ногу, в щиколотку. Причем так удачно, что, похоже, зацепил нерв. Хотя кожу и не прокусил, сил не хватило.

– Вот хулиган! – возмутился я и поднял его за шкуру. Боль была такая же, как от удара шмеля, поэтому, подняв щеночка на уровень глаз, под любопытно-жалостливыми взглядами сестренки (они подумали, я его накажу) сказал: – Напекаю тебя Шмелем.

– А почему Шмелем? – тут же спросила Ольга.

– Потому что кусает, как шмель, – ответил я, почесав шишку на шее. – Ужин когда будет? Я проголодался. Давайте готовьте, пока тетя Нина с дежурства не пришла, а я пойду отходы жизнедеятельности Шмеля вынесу.

– Чего?

– Какашку выкину.

– А-а-а. Там под столом еще одна.

– Вот ведь машинка для создания какашек, – буркнул я себе под нос и, оторвав еще один кусок газеты, полез под стол. Щенок был мой, соответственно и уход тоже на мне.

На следующий день у меня был свободный график, отдыхал. Я подумывал купить телегу и коня. Тем более еще дня три назад имел разговор на эту тему с Матвеичем, пояснив, что мне требуется конь для дальних поездок, тягловый, и крепкая телега, чтобы с нормальным уходом долго послужила, и тот пообещал поспособствовать покупке. Мол, есть у него знакомые в этой сфере, наведет справки. Однако сегодня был тот самый день, в который мне было назначено явиться в областной отдел НКВД. За все эти дни слежки я за собой так и не обнаружил, будем надеяться, что это добрый знак. Но будучи человеком трезвых взглядов, я решил подождать с покупкой подводы до разговора с Rogozovым, а вот уже после – по обстоятельствам. Вдруг придется уходить на перекладных?

Особо я не волновался. Ну встреча, ну важная, переживу.

Весь день я провел на конюшнях, помогая объезжать двух молоденьких жеребцов и одну строптивую кобылку. Мне дали одного из жеребцов, что поспокойнее. Опыт у меня, конечно, не первый, но все-таки ответственен за меня Матвеич.

За этим интересным делом я чуть было не пропустил назначенное время. Как показывали стрелки наручных часов, на которые я бросил случайный взгляд, было полшестого. Вскинувшись, я быстро сообщил старшине, что убегаю, и рванул переодеваться. Чуть не опоздал, вот стыдоба-то!

Дежурный в отделе кивнул и сообщил, в каком кабинете меня ожидают. Поднявшись на второй этаж, я нашел нужную комнату и постучался.

– Войдите, – послышался приглушенный ответ.

– Добрый вечер, – поздоровался я, входя в кабинет.

Пройдя к столу, с разрешения хозяина сел и внимательно посмотрел на капитана Rogozova.

– Ладно, тянуть не будем, – сказал капитан, крутя пальцами химический карандаш. – Мы проверили всю информацию, что ты нам предоставил из показаний Прохора Черного. Он, конечно, не особо информированный главарь банды был, но с помощью его показаний удалось арестовать свыше сорока человек. Их показания дали нам большой фронт работ. Позавчера были обнаружены и уничтожены две банды. Количество погибших говорить не буду. У наших потерь нет, подошли тихо и врезали.

– Ушел кто из людей Прохора? – поинтересовался я.

В это время сзади открылась дверь, и в кабинет вошел старший лейтенант Немцов.

– Шестеро ушли. Успели в леса сбежать.

– Поищем, – с прищуром кивнул я.

– Не торопись. Я, в принципе, уже принял решение. Твое участие в освобождении полковника Кириленко очень положительно повлияло. Да, мы тебя берем, да, ты можешь по своему желанию изучить район, и если обнаружишь бандитов, то вызовешь наши боевые подразделения. Я надеюсь, ты уловил суть моих слов? Самодеятельности не нужно. Твоя гибель никому не поможет.

– Вполне, но у меня тоже есть ряд условий.

– Выкладывай, – кивнул Rogozov.

– Я имею право защищать свою жизнь, и я буду это делать, если столкнусь с бандитами.

– Законное требование.

– Именно. Так вот, мне требуется оружие. У меня оно, конечно, есть, но вот с боеприпасом беда. Да и карабин не помешает. Неплохо бы получить СВТ, но ведь не дадите?

– Не дадим, в этом ты прав.

– Тогда «ТТ» и карабин Мосина. К каждому по пятьсот патронов и документы внештатного сотрудника. Причем не на настоящую фамилию, а под псевдонимом.

– Оружие ты не получишь. Своим пользуйся. Не могу я дать оружие несовершеннолетнему. На службу могу принять, а оружие выдать нет, но вот боеприпасов подкинем, это нетрудно. Теперь насчет псевдонима...

– Михайло Москаль из-под Луцка, – быстро сказал я.

– Почему именно эти имя и фамилия?

– Требуется для конспирации.

Рогозову и до сих пор молчавшему Немцову было невдомек, что это мое имя и фамилия, настоящие, те еще, из прошлой жизни. Я буду бить националистическую мразь под своими собственными данными. Это мне надо было, лично мне. Показать, кто несет погибель бандитам.

– Ладно, это сделать не трудно. Ответь мне на один вопрос, что ты делал в мастерских армейского автобата? Что навещал ефрейтора, с которым лежал в госпитале, можешь не говорить. Ты работал за станками.

– Глушители делал и собирал металлический хлам вроде подшипников, гаек, болтов и другой мелочи. Только вы все это и так знаете. Зачем спрашиваете? Видел я, как механик проверял, что я делаю. Подослали, да?

– Попросили. Для чего тебе все это?

– Глушители для пистолета, уже опробовал на пустыре, тихо работает, а железная мелочь – это так, вместо грузила.

– Ты мне скромные глазки не строй, поражающие элементы собираешь? – нахмурился Рогозов. – Зачем у водителей старый аккумулятор и кучу проводов выменял?

– А вдруг пригодится? Тем более не на себе таскать, завтра телегу и коня покупаю. Там все будет. А через два дня отбываю.

– Ладно, по поведению ты не ребенок. Глупостями, я надеюсь, заниматься не будешь?

– Не планировал.

– Эти глушители, что они собой представляют?

Вздыхнув, я полез в карман и достал черный цилиндр с переходником, а из другого – мятую пачку бумаг.

– Это опытный образец, тут описание техпроцесса. Делать можно даже в ремонтных мастерских, как это сделал я.

Капитан взял глушитель, с интересом повертел его, подсоединил переходник и спросил:

– А это что?

– Необходим для «ТТ». Без переходника никак, дуло слишком короткое.

– Ясно.

Подтянув бумаги, он начал их перелистывать. Но тут же очнулся и велел:

– Сейчас иди с Немцовым, все оформите... – когда я встал со стула, капитан вдруг спросил: – Как из дома уходить будешь, решил уже?

– Да. Комсомольский набор на стройку. Фиктивный, естественно. Тетя Нина с девушками меня проводят, а с автобуса я сойду за чертой города. Там улицами – и по своим делам. Больше встречаться до осени я с ними не планирую. Не хочу навести бандитов. Все, Евгений Иванов уехал строить светлое коммунистическое будущее, а на просторах Волынского района появится Михайло Москаль.

– Не юродствуй. Насчет этого тоже с Немцовым поговоришь, с этой минуты он твой куратор, а теперь свободен.

Мы вышли из кабинета и прошли в другой, уже знакомый. Там просидели порядка трех часов, поэтому домой я попал, уже когда совсем стемнело.

– Ты где пропадал? – спросила выглянувшая из кухни тетя Нина. – Мы думали, тебя сегодня уже не будет, опять на конюшнях остался ночевать.

– Там я тоже был, тетя Нин. Слух прошел, что идет комсомольский набор на стройку. Я сходил, записался. Через три дня уезжаю, – показал я лист с печатью и подписью.

Мои слова вызвали эффект разорвавшейся бомбы. На меня посыпались упреки и обвинения, что я их бросаю, особенно мелкие старались, но через час я их успокоил и сказал, что это было взвешенное решение. После чего, поужинав, отправился спать. У меня завтра много дел: последний экзамен и покупка телеги с лошастью. Требовалось отдохнуть перед бегом. Тем более Немцов попросил вечером, после того как стемнеет, навестить его, будут готовы некоторые мои заказы, включая боеприпасы. Он весь следующий день дежурит, так что должен быть на работе, если не вызовут куда.

– ...молодец, знание предмета у тебя, Евгений, хоть и на приличном уровне, но на некоторые вопросы ты ответил неполно. Поэтому, извини, четыре, больше поставить не могу. Устраивает оценка? – чуть склонила голову Нина Васильевна, наша учительница по физике.

– Хотелось бы поднять выше, но не могу, Нина Васильевна, уезжаю послезавтра. Поэтому согласен, – вздохнул я. Это была моя третья четверка в табеле.

Выйдя из класса – я по привычке и для экономии времени отвечал одним из первых, только Селезнева успела меня опередить, – поспешил к завучу, именно она должна была оформить мне выпускные бумаги. Жаль, годков мне мало, до паспорта не дотянул.

Завуча на месте не оказалось, она была на экзамене другого класса, на год младше. Постучавшись в дверь и вежливо вызвав ее, я сообщил оценку и попросил побыстрее составить нужные бумаги. Та пообещала сделать их к вечеру. Поблагодарив пожилую женщину, я поспешил к выходу. Сегодня у нашего класса гуляния, окончание школы в этом году, идем на речку праздновать.

Я не хотел сначала идти, но Селезнева уговорила, да и почему нет? Хоть отдохну, а то только делами и занимаюсь. На речку мы пойдем в три часа дня, то есть у меня еще четыре часа впереди, вот их я и хотел потратить с пользой.

Через двадцать минут я был на территории конюшен и сразу направился к Матвейчу. Нашел его у денников с командирскими конями. Тот со слесарем решал, как перевесить калитку. Судя по выбитым петлям, конь, что тут стоял, хорошо так побушевал.

– Всем привет, – поздоровался я, заглядывая в денник. – Кто это тут как ураган прошелся?

– Ураган и был. Конь комдива-два Васильченко из Игнатьевского полка. Вчера оставил его у нас, к семье отправился, а тот вон что устроил. Кобылу почуял, – пояснил старшина. – Едем, как договорились?

– Да, сейчас схожу переоденусь.

– Тогда Сивого запряги в тачанку, пешком что-то лень идти. Парит, как бы дождь не начался.

– Лады, сейчас сделаю.

Сходив в жилые бараки, я там переоделся в свой танкистский комбинезон и недавно купленные сапоги, которые вот уже больше недели разношивал. После чего поспешил в конюшню.

Когда Матвейч освободился, я уже запряг Сивого в повозку, которую мы между собой называли тачанкой. На самом деле один в один, только «максима» на задке не хватает. А так это была санитарная повозка, приписанная к санроте бригады. Удобная, с сиденьями.

– Ну, давай, – дернул Матвейч поводьями, и мы покатали к выезду с территории. Проехав ворота и часового, мы направились вверх по улице, пересекли весь город, рынок и речушку, пока не подъехали к кирпичным строениям фабрики на окраине.

– Бывшая каретная мастерская, тут мастер один с помощниками очень хорошие пролетки и повозки делает. Я с ним вчера разговаривал – случайно на улице встретились, пообщались. Он сказал, что у него есть пара повозок как раз для тебя.

– Это хорошо. Насчет коня тоже решили?

– У нас братъ, значит, не хочешь?

– Списанного? Извини, Матвеич, но нет, знаю я у нас всех лошадей. Не-е, мне молодой конь нужен, чтобы мог весь день идти и тянуть телегу. Причем груженую.

– Тяжеловоз, значит, нужен, артиллерийский конь.

– Что-то вроде, – согласно кивнул я, покидая следом за старшиной пролетку.

– Знаю, где можно такого коня купить, только это в Городище ехать надо. Там один местный коней разводит, немного, но разводит. Я уже ездил к нему на предмет купить, но у него только тяжеловозы. Огромные – ноги, как у тебя тело.

– Посмотрим, – согласился я.

– Ну-ну. Смотри, растратишь так все отцовские запасы, на что жить будешь? Или ты крестьянствовать решил?

– Да нет, на комсомольскую стройку собираюсь, а там свои повозки и лошади очень нужны.

– А-а-а. Ну ладно.

В это время мы вошли в гулкое помещение, чем-то напоминающее гараж – видимо, это и была каретная фабрика. Да и висевшая на стене лакированная дверца с дворянским гербом на это намекала. Указав на нее Матвеичу, я негромко сказал:

– И не бояться ведь.

– Да это же не их. Так, для вида... Степан! Выходи, я тебе покупателя привел, как и обещал.

Мы не успели осмотреться, как в помещение прошел гигант под два метра ростом с метровым разворотом плеч.

– Здорово, Матвеич, не ожидал тебя так рано, – прогудел он.

С гулким хлопком соприкоснулись ладони, после чего местный мастер обратил внимание на меня. Рукопожатие у него было крепким, я даже не пытался перебороть нажим, но показал, что силу имею, просто сюда не силой рук мериться пришел. Мастер Степан это понял, и в его глазах мелькнуло уважение.

– Ты чего один, где ребята? – спросил старшина.

– Так у колесника моего. Он недавно женился, хату рубят. На десять дней отпустил. Через три должны вернуться.

– Понятно. Вот это клиент, про которого я тебе говорил. Евгением зовут.

– Так что тебе надо? – обратился ко мне мастер. – У меня телег восемь на продажу выставлено. За две, правда, я уже задаток получил, так что шесть есть.

– Пойдем посмотрим, – кивнул я.

Мы вышли на другой двор. Там рядом, как выставочные образцы, действительно стояли пять телег, две пролетки и двуколка. Было видно, что Степан – мастер широкого профиля. Осматриваясь, я на миг замер и направился в угол двора. Там стояло нечто интересное.

– А эту почему не показываете? – спросил я, разглядывая немного странную телегу.

Первое, что бросилось в глаза, – колеса-дутики от старого автомобиля. На это намекали спицы на дисках. Также были рессоры и сиденье со спинкой для возницы, со ступенькой для ног.

– Стоит дорого, – флегматично пожал плечами Степан. – По заказу сделал двадцать штук таких, девятнадцать ушло, а эта вот задержалась. Держал для одного, очень уж просил, да пропал куда-то.

– Можно ее осмотреть?

– Конечно.

Такую повозку я видел в Луцке, на рынке, куда приезжал один из крестьян, что каждый день доставлял свежие продукты. Особо в глаза она не бросалась, тут можно видеть разные поделки местных Кулибиных, но главное, что она мне подходила.

Эта телега имела шкафчики. Да-да, самые настоящие шкафчики с дверцами. Сиденье возницы нависало над кузовом, если можно его так назвать, и Степан этому пространству нашел интересное применение, сделав два шкафчика с ушками для замков. Их еще и запирать можно. Совсем отлично.

– Сколько? – спокойно спросил я, стараясь не показывать своего интереса.

– Тысяча, – спокойно ответил Степан.

– Да побойся бога, мастер!.. Восемьсот.

– Тысяча без торга. Я в нее душу вложил, эта телега лет двадцать без крупных поломок проездит, если ты ее ничем тяжелым нагружать не будешь. Тонна, не больше.

– Давай хотя бы девятьсот.

– Тысяча.

– Ладно, но перед тем как я ее заберу, проведи осмотр и смажь где нужно. А также мне нужны средства для ухода за ней, и смазку не забудь для осей.

– Конечно. Уберу в грузовой отсек.

– Договорились, – пожал я руку Степану и тут же спросил, не разжимая ладонь: – Надеюсь, с документами на покупку проблем не встанет?

– Напишу расписку, у нотариуса можешь ее заверить.

– Вот и договорились, аванс сейчас платить?..

Матвеич с интересом стоял рядом, он уже осмотрел выбранную мной повозку, довольно покивал и сейчас улыбался, слушая, как мы торгуемся. Правда, услышав цену, удивленно поднял брови, но промолчал. Он тут был за зрителя и эксперта.

Через десять минут мы выехали с территории каретной фабрики и покатали к выезду из города. Время еще было, почему бы не купить и коня сразу? К тому же в немедленной покупке был еще один плюс. Уздечки и другую упряжь нужно шить по коню или подгонять. В армейских конюшнях была такая мастерская, можно договориться с ними. Так что через два дня у меня будет повозка, надеюсь, конь и новенькая упряжь. На эту тему я уже перетирал с шорником, он согласился помочь, а также сшить ошейник для Шмеля и поводок.

До Городища мы добрались за полчаса, деревушка хат на десять находилась в пяти километрах от Луцка.

Всю дорогу Матвеич, в недоумении покачивая головой, освещал мою покупку повозки. Она ему очень понравилась, уж он-то знал в них толк, но вот цена выводила из себя.

– Ты не волнуйся, как приедем на базу, отправлю пару бойцов, они-то и пригонят повозку к нам, а там мы за ней проследим, упряжь сошьем, благо есть кому и из чего.

– Да, я с дядькой Яшей уже разговаривал на эту тему, он обещал помощь. Тут главное купить коня. У этого крестьянина точно они есть?

– У него всегда есть, десяток кобыл держит... вон, кстати, у поля отдельную хату видишь? Туда и едем.

– Вижу и коней на поле тоже, много. Мне кажется, или они действительно такие здоровые?

– Не кажется. Таких ты еще не видел, у нас что – так, верховые да тягловые для повозок. Сено там привезти или другое войсковое имущество. А артиллерийские-то лошади в частях, на месте дислокации. Вот там уж крупные.

– Почему не видел, у многих крестьян крупные кони.

– Таких у крестьян, поверь мне, нечасто увидишь.

– Это да.

Мы подкатили к хате, тут же забрехала псина, сообщая хозяевам, что прибыли гости-покупатели. На счастье, хозяин был дома, он как раз собирался в Луцк, а тут мы.

Сговориться с владельцем лошадей труда не составило. Мы направились в поле.

– Они, наверное, и едят, как два коня, – двигаясь к лошадям, пробормотал я.

– Ну, не как два, но ты прав, едят они больше, чем один обычный конь, – засмеялся владелец. – Но и работает он за двоих, уж поверь мне.

Из всех мне сразу приглянулся один каурый жеребец-трехлетка, я покрутился вокруг него, пока Матвейч с деловым видом открывал рот коня, рассматривал зубы, поглаживал бабки и поднимал копыта.

– Справный конь, – вынес он вердикт. – И подкован недавно.

– Сколько? – поинтересовался я.

– Семьсот, – ответил хозяин без запинки.

– Договорились, – согласился я, когда Матвейч кивнул. Конь этой цены стоил.

– Вот, держи морковку, – вытащил из кармана галифе овощ старшина. – Прикорми, теперь он твой, должен запомнить хозяина. Ты его хоть раз в день старайся в ближайшие месяцы баловать лакомством, так вы быстрее сдружитесь.

Конь осторожно снял морковку с ладони своими бархатными губами и с удовольствием захрустел корнеплодом. Погладив его по холке, я провел рукой по широкой спине и, посмотрев, как Матвейч возвращается от нашей повозки с запасной уздечкой, направился с хозяином в дом проводить куплю-продажу.

Через пятнадцать минут мы отправились обратно. Сзади повозки бодро передвигал копытами Красавец, а в кармане лежала расписка, подтверждающая, что конь теперь мой. Перед отъездом я спросил о причинах, побудивших назвать коня таким именем.

– Дочка как увидела жеребенка, так и назвала, а я не стал менять, – несколько смущенно ответил бывший хозяин. – Да и привыкли уже. Он в упряжи хорошо ходит, опыт у него есть. Мда, не верховой жеребец, спокойный, степенный. Себе хотел оставить, привык к нему, но раз уж он вам приглянулся...

За полчаса мы достигли окраин, пересекли город и въехали на территорию конюшен. Красавца сразу же повели к шорникам на мерки, а старшина, громко командуя, отправил двух свободных бойцов с двумя лошадьми за купленной повозкой. Я отправился с ними. Там мы на пролетке со Степаном и вторым бойцом съездили к нотариусу и заверили покупку, после чего я отдал вторую часть суммы. Вот и все. Время было полтретьего, поэтому, попрощавшись с обоими – боец повез Степана в мастерскую, – я спрыгнул неподалеку от базы и поторопился переодеться. Когда я вышел и направился к школе, где было назначено место встречи, меня перехватил Матвейч.

– Женя, ты сильно торопишься?

– В принципе да, у нас гулянка, празднуем окончание школы. А что?

– Да нет, у меня не срочно. Бойца отправлю. Завтра поговорим.

– Лады.

Покинув территорию конюшен, я заторопился в сторону школы, раздумывая, как отблагодарить за помощь Матвейча и других. Ну, с Матвейчем-то понятно, очень уж он любил конфеты. Пару килограммов и коньячок запить, думаю, самое то. А еще бы чаю пачку прикупить, грузинского. С чаем у лошадников беда. Знаю. Не раз с ними чаевничал. Остальным прикуплю по бутылке вина, самое оно за работу, а вот с дядей Яшей так просто не обойдешься. Придется поломать голову, чтобы расплатиться. Денег он не возьмет, еще обидится, что предлагал, так что нужны подарки. Ладно, время до завтра еще есть, успею голову поломать.

Заметив у школы группу подростков моих лет, я прибавил шаг – похоже, все собрались, один я остался.

– Опаздываешь, – постучала по подаренным отцом часикам Селезнева.

– Извините, дела задержали, – повинился я, после чего, осмотревшись, спросил: – Ну что, идем гулбанить и развлекаться? Водки-то хватит?

* * *

– Ты, главное, береги себя, – напутствовала тетя Нина.

Мы стояли у автовокзала, рядом с автобусом, на который у меня был билет. Сестрички стояли с мокрыми глазами, их немного успокаивал Шмель на руках у Али. Он, видимо, чувствуя момент – собаки действительно могут это чувствовать, – старательно лизал руку Али. Единственно, чем привлекал внимание щенков, так это новым ошейником. Ух, как он вчера возмущен был, когда я застегнул его! Полчаса по полу катался, содрать его пытался, а сейчас ничего, привык уже.

– Обязательно, тетя Нин. Вы тоже берегите себя. Я у девочек спрашивал, у вас ведь вроде тетка есть в Свердловске?

– Есть, – согласилась женщина. – Тетя Юлия, хорошая женщина, сестра моей мамы. Больше близких родственников у нас нет. Роман был да ты, и все.

В автобус началась посадка, поэтому я быстро забормотал:

– Тетя Нин, у вас ведь отпуск скоро, вы берите девчат и езжайте к тетке, только обязательно в середине июня, не позже. Хорошо? Не позже.

– Почему именно в июне? – с удивлением спросила тетка.

– Там уже поймете. Главное, не позже середины июня, обещаете?

– Обещаю. Тем более главврач подтвердил летние отпуска. Правда, я в Крым хотела, на море съездить, путевку в санаторий обещали, но вот не получается.

– Только не на море, тем более Крым, обязательно в Свердловск, отдохните лучше там, езжайте не позже середины июня.

Повторив это, я обнял по очереди начавших всхлипывать девчат и, после короткой заминки, тетю Нину. Подхватив вещмешок – сидор в простонародье, чемодан я брать не стал, хотя мне его пытались всучить – взял на левую руку Шмеля и, еще раз окинув оставшихся родственников взглядом, энергично зашагал к дверям автобуса, откуда на меня нетерпеливо поглядывал водитель. Все, эта часть жизни отрезана, пора начинать новую. Теперь я не Евгений Иванов, а Михайло Москаль.

Заняв место в автобусе, помахал в окно Ивановым и смотрел, как они машут в ответ, пока автобус не свернул на перекрестке.

Вздохнув, я откинулся на спинку сиденья и с интересом осмотрелся. Автобус был набит битком, в основном гражданскими. Но были и военные – две девушки-сержанты в синих беретах, в форме с медицинскими эмблемами. В городе было много военных, так что для меня они уже стали фоном, гражданских реже встретишь, чем военного.

Как только автобус выехал на окраину и готов был вот-вот начать разгоняться по шоссе, я демонстративно хлопнул себя по лбу и громко воскликнул:

– Черт, забыл!

Не обращая внимания на взгляды пассажиров, прошел по проходу до водителя и попросил высадить меня, сообщив, что забыл сделать одно дело, не уточнив, какое.

– Деньги не вернем! – возмутился водитель. – С билетом в кассы иди.

– Ну ладно. Завтра уеду, – отмахнулся я.

Я спустился на пыльную дорогу и повесил сидор на левое плечо. Автобус хрустнул передачей и, натужно ревя мотором, начал разгоняться. Посмотрев ему вслед, я потрепал Шмеля по макушке и спросил у него:

– Ну что, пора и честь знать?

Развернувшись, я энергично зашагал к крайним домам. До конюшен тут было километра два, двадцать минут быстрым шагом.

На подходе к конюшням меня догнал звук авиационных моторов. В голубом небе было видно шестерку тупоносых истребителей, они делали на высоте километра какие-то понятные только им маневры. Когда я прошел через ворота конюшни, звук моторов стих, истребители или убрались, или совершили посадку – недалеко был военный аэродром.

– Здорово, Матвеич! – нашел я старшину у сарая, где он с двумя бойцами осматривал поломанную ось телеги.

– Привет. За своим имуществом пришел?

– А как же. Все готово?

– Да, все, как и просил.

Танкистский комбез я отжал себе – старшина был не против, тот был перешит на меня. Переодевшись и натянув сапоги, я аккуратно сложил свою одежду, но не повесил ее, как всегда, на гвоздик, а убрал в сидор, завернув туфли в материю, специально подготовленную для этого. Больше я на эти конюшни в ближайшее время возвращаться не собираюсь, нечего разбрасываться вещами.

Вчера я загрузил повозку всем тем, что мне выдали, не забыв и свои запасы. Вон, старшина кроме комбеза презентовал кусок старого, но еще не дырявого брезента три на три метра. Укрыться там от дождя или еще чего – самое то. Все это я замаскировал сеном. Сразу вид стал, будто это крестьянская повозка. Маскировка классная.

Все оружие тоже находилось в шкафчике, как и бое припасы. Кроме них был металлический ящик с замками и красным крестом на боку. Да, Черкасов расстарался и подготовил мне металлический чемоданчик с перевязочными материалами, жгутами и другими необходимыми вещами. Запасов хватало, два отделения бойцов можно перевязать.

Повозка стояла в углу у одного из сараев в ряду таких же повозок. Проверив, все ли на месте, я бросил сидор на сено позади сиденья и направился к загону за конюшнями. Среди местных коней там находился и мой. Я уже знал, что Черкасов провел личную беседу с Матвеичем, попросив его во всем мне помогать. Матвеич сам мне об этом сказал два дня назад, как бы между прочим.

За полчаса я запряг Красавца. Специально делая это медленно, с чувством, и только потом пошел прощаться с местными парнями. Для них я уезжал вглубь страны на студенческие заработки – хорошая легенда. Выставив им пару бутылок «Московской» и закусь, немного посидел, после чего, пожав всем руки, направился к своему транспортному средству.

Шмель все это время постоянно был со мной, находясь на сгибе руки. Только в помещении, где мы посидели перед дорожкой, немного побегал. За неделю с момента покупки щенок немного подрос, правда, до сих пор я так и не услышал, как он лает. Скулит или кряхтит – это пожалуйста, а вот не гавкает, и все тут. Подойдя к повозке, я положил Шмеля на сено, где он сразу завозился, закапываясь и возмущенно поскуливая. А сам, отвязав поводья, повел лошадь за собой. Красавец тянул повозку без видимого усилия.

У ворот я обернулся и помахал Матвеичу, что курил на крыльце барака, после чего, забравшись в повозку, свистнул и стегнул поводьями по спине Красавца, отчего тот сразу довольно резво стал набирать скорость, пришлось даже притормозить. В городе действовали правила дорожного движения, и превышать скорость не рекомендовалась. Милиционеры строго следили за этим.

Протянув руку назад, я взял Шмеля и посадил его рядом на облучок, поглаживая и придерживая, чтобы тот не свалился с мягко покачивающейся повозки. Все-таки дутики и рессоры – это вещь. Вчера, когда была готова упряжь, я прокатился с Матвеичем по окраине Луцка, пробуя как повозку, так и самого Красавца.

Действительно на удивление спокойный, я бы даже сказал флегматичный конь, а повозка выше всяких похвал. Мастер Степан честно заслужил свои деньги. Ничего даже близкого в армейских конюшнях не было. Так что деньги свои я вложил хорошо.

На выезде мне не повезло. Из боковой улицы выходила войсковая колонна и топала по той же дороге, что была нужна и мне. Судя по количеству красноармейцев и командиров, шел батальон. Шел красиво, с залихватской песней, солнце блестело на штыках. Во главе колонны ехали двое всадников – видимо, командиры, раз спереди и в фуражках.

Наконец показался хвост колонны, в котором кроме обозов тыловой службы катились две пушечки на деревянных колесах. Знаменитые в войну сорокапятки.

– Точно батальон, – буркнул я себе под нос, с интересом разглядывая подразделение. Я был в курсе, что по штату этих лет в батальоне должно быть две, а никак не четыре сорокапятимиллиметровые пушки, входившие в состав противотанкового взвода. Да и по колесам было понятно, что это ранние версии. У тех, что поновее, были с дисковыми металлическими колесами от «ГАЗа»/«Форда-АА» на пневмошинах. Библиотека у отца была обширной и вся посвящена армии, так что я все свободное время посвятил изучению этой литературы. Надо сказать, довольно интересно, хотя пехотные уставы меня изрядно насмешили. Перлы там были – Задорнов отдыхает.

За время ожидания на улице скопилось приличное количество техники. Некоторые, видя колонну, разворачивались и ехали в обратном направлении, но другие дожидались, пока пройдут военные. Передо мной стояла только одна машина, полуторка, но она поехала прямо, а мне нужно было налево, на дорогу, что выходила из города. Быстро обернувшись, я надвинул кепку на глаза и стегнул Красавца. Сзади стояла «эмка», на переднем сиденье находился полковник Селезнев, а на заднем виднелась и сама одноклассница. Причем она наклонилась вперед и пристально меня разглядывала через лобовое стекло.

«Блин, а ведь пытался тихо и незаметно уйти. Будем надеяться, она подумает, что обозналась», – размышлял я, догоняя войсковую колонну.

С одноклассниками я попрощался еще у речки. Водки отпраздновать окончание учебного года не было, но один из одноклассников, Демид, принес две бутылки портвейна, для двадцати семи человек немного. Все что-то хотели сказать в качестве тоста. Тут Селезнева увидела меня, грустно стоявшего в сторонке, и весело предложила присоединиться. Ну, а я под настроение и выдал. Поднял стакан и сказал:

– Дай бог нам всем пережить этот год.

Веселье сразу как-то скомкалось, многие задумались над этими словами, но Селезнева потом все-таки смогла растормошить людей – молодость и короткая память взяли верх, и одноклассники продолжили отдыхать. Я же чуть позже со всеми распрощался и отправился в школу, мне еще документы забирать надо было. По этой причине и не хотелось встречаться с бывшей одноклассницей.

Обогнать колонну не получалось, встречные ехали постоянно. Обернувшись, я облегченно вздохнул – «эмки» сзади не было – и пристроился за военными. Мне особо торопиться сегодня некуда. Успею все сделать.

Да и куда мне, на самом деле, торопиться? Базу мне организовывать не надо, она подо мной. То есть моя повозка и есть моя база, которая должна меня обеспечивать всем. Где поставлю ее, там и будет мой лагерь, тоже преимущество. И сворачивать стоянку можно очень быстро, и менять месторасположение.

Военная колонна начала уходить влево, а я правил прямо, а то Красавец, привыкший за последние полтора часа идти следом за телегой с армейским имуществом, хотел повернуть за ней. Проехав памятную деревушку, где я слышал тот самый первый выстрел, свернул на идущую через поле малоезженую, можно сказать, заброшенную дорогу, по которой и добрался до середины небольшого леса. Оглядевшись и никого не обнаружив, остановил Красавца.

– Побегай пока, – снял я с повозки Шмеля и поставил на землю, покрытую прошлогодней листвой. Накинув поводья на сук дерева, я стал доставать из повозки вещи, пока щенки

обежал территорию, опасливо обходя Красавца, и справлял свои нужды. Причем почти сразу, как оказался на земле – видимо, долго терпел.

Переодевшись в крестьянскую одежду, я скатал комбез и убрал его в шкафчик, достав «парабеллум» и накрутив на него глушитель. Всего я изготовил четыре глушителя. Два для ТТ, но это были опытные образцы, один из которых ушел конторе, и два для «парабеллума», который должен был стать на ближайшее время моей основной рабочей машинкой. Это был обычный массовый пистолет вермахта модели P08. Для меня самое то.

Сунув в карманы гранату и два запасных магазина, убрал пистолет под жилетку, в специально нашитые петли, и энергично зашагал по лесу, двигаясь в сторону опушки, оставив повизгивающего щенка у повозки. Тот не выдержал и рванул за мной. Скорость у нас была одна, поэтому пришлось сбавить шаг, чтобы он меня догнал.

– Бросил Красавца, да? – с укоризной спросил я его. – Ты мне для чего нужен? Охранять мое имущество, а ты этого не выполняешь. Ну ничего, я возьмусь за твоё воспитание.

На руки я Шмеля брать не стал, и он, высунув красный язык, меховым комочком катился следом. До опушки было метров триста.

На поле работали местные, поэтому, чтобы не показываться на глаза, я из чащи сориентировался и направился к дубу. Там пришлось повозиться, пока забирался наверх. В прошлый раз это было нетрудно сделать, с коня-то, а тут пришлось с разбега толчком ноги от ствола подпрыгивать и хвататься за нижнюю ветку. Через минуту я спустился с винтовкой, мешком и армейским ремнем с подсумками.

Подхватив Шмеля, я энергично зашагал обратно. Следовало как можно дальше отъехать от Луцка за этот день. Надеюсь, километров на тридцать-сорок уеду с парой часовых остановок для отдыха. Все-таки первый выезд, не надо животину так резко напрягать, пусть втягивается в работу постепенно.

Красавец спокойно стоял на месте и пытался, насколько позволял повод, дотянуться до молодой травки. Потрепав его по гриве, я опустил щенка на землю и, положив вещи на сено, снял жестяное ведро с крюка сзади. Вытащив из-под сена двадцатилитровую канистру с водой, ополоснул ведро от пыли и налил литров пять, поставив его перед мордой Красавца. Пока тот шумно пил, втягивая воду, я закрыл канистру и достал флягу. Как уже говорил, я очень хорошо подготовился к родинонаде. Налив воды в ладонь, я присел на корточки и трижды дал напиться Шмелю – тот тоже страдал от жажды.

– Смотри, много не пей, а то долго ехать будем, – насмешливо сказал я.

Пока щенок весело бегал вокруг, все так же опасливо обходя Красавца, я откинул от края сено и положил винтовку на днище, после чего стал осматривать все, что было в мешке и подсумках. Сам ремень я чуть позже отправил к винтовке под сено. А мешок, освободив от испортившихся продуктов, убрал во второй шкафчик, там как раз хватило места. Первый был полностью забит.

– Вот и появилось у меня дальнобойное оружие, – промурлыкал я себе под нос.

Отвязав поводья, я побегал за Шмелем, посчитавшим это игрой, и, заняв свое место, хлопнул поводьями по спине Красавца:

– Пошли.

Кабинет начальника Луцкого отдела НКВД по Волынской области капитана госбезопасности Рогозова.

Девять часов вечера.

После стука и разрешения войти в кабинет прошел старший лейтенант госбезопасности Немцов.

– Есть новости по Малышу, – сообщил он и после разрешающего жеста занял один из стульев перед столом. – Я отправил за ним двух лучших следопытов из нашей отдельной роты.

Он благополучно покинул город. У деревни Тарасова останавливался в лесу и снял с дерева ухоронку. Бойцы разглядели винтовку и мешок. Не уверены, но вроде еще армейский ремень был с подсумками.

– Он их заметил?

– Да, сразу обнаружил. Те хоть и маскировались под крестьян, но все-таки чем-то выдали себя. Михайло пару раз помахал им рукой, показывая, что видит, и им пришлось отстать и вести его с дальних расстояний. Чуть не упустили один раз.

– В каком направлении движется и где он сейчас?

– Вы были правы, он не поехал ни к одному из схронов, что выдал Черный, а также мест, где могут появиться уцелевшие члены банды. Он движется проселочными дорогами параллельно шоссе на Владимир-Волынский. В данный момент он встал лагерем на берегу речки в шести километрах от Березовичей. Остановился на середине пути между нами и Волынским. Едет он явно целеустремленно. Или у него свои планы, которыми он с нами не поделился, или у него дополнительная информация по Черному.

– Я думаю, все проще. Помнишь, на днях Васильев докладывал об обнаружении еще двух бандитов из этой банды? Ну, где, согласно рапорту Москаля, он их оставил? Тот внимательно осмотрел место схватки и вынес вердикт, что молодого допрашивали, и серьезно допрашивали. А ведь этот молодой и его напарник, бывший капрал, ранее состояли в другой банде. Помнишь банду Юдэныча? Где он работал, пока его не прищучили наши сослуживцы – напомнить?

– В окрестностях Владимира-Волынского они действовали, – согласно кивнул Немцов.

– Вот-вот, и наш Малыш движется проверить их ухоронки и известные лежки. Хотя не думаю, что ему много о них известно. Рядового бандита допрашивал... М-да.

– Да, вполне возможно.

– Ну, это единственный логичный ответ на его маршрут движения. Что еще ему там делать?

– Что с наблюдением, снимать?

– Да, эту банду еще в прошлом году почти всю ликвидировали. Только часть ушла. Не думаю, что там что-то есть. Снимай. Нечего отвлекать наших лучших следопытов, чтобы охранять парня. Как он уже доказал, он и сам вполне может справиться со своей защитой. Не маленький уже. Побегает по пустым базам и вернется, тогда уже нормально поработаем. Теперь давай по выезду в Антоновку – информация о появлении сына Марвихи подтвердилась?..

Утром меня разбудили влажный нос и вылизывание лица. Почуввав специфичный запах щенка, я не глядя потрепал его по макушке, давая понять, что проснулся, и, широко зевнув, сел в своей импровизированной постели. Что хотел Шмель, было понятно. Поэтому перегнувшись через бортик, я спустил его на землю, где он сразу присел и пустил лужу. Даже отбежать сил не хватило, так терпел. Молодец, хороший пес, понимает, что можно, а что нельзя.

Спал я на сене в повозке – а что, готовая постель. Только накинул на нее брезент и укрылся одеялом. Под головой у меня была чудо-подушка. Как увидел ее в военторге, сразу купил. Она была надувная, для походов. Удобно и места мало занимает.

Вчера я двигался почти не останавливаясь, только один раз позволил передохнуть часок, напоил и накормил животину.

Слежку я видел. Двое крестьян с военной выправкой только насмешили, но молодцы, я их не сразу засек.

Так вот, преодолев за день километров сорок, я встал лагерем на берегу реки. Место тут было не особо открытое да еще окруженное кустарником – самое то для лагеря. Варить ничего не стал, так что мой пятилитровый котелок остался нетронутым в повозке. Только вскипятил воду на костре в чайнике и сделал бутерброды. Шмелю я нажевал хлеба с салом – двух кусков вполне хватило – и воды налил в его личную миску, а Красавцу навесил торбу с овсом.

Пил он из речки, да и пасся на лугу со стреноженными ногами. До темноты я перекладывал вещи и делал так, чтобы все было уложено удобно и легко доставалось. Не забыл и про оружие: перебрал, а винтовку дополнительно еще и почистил. После боя бывший владелец, по понятным причинам, этого никак не мог сделать, да и я только сейчас нашел для этого время. Благо знал эту систему, приходилось стрелять и чистить, как СВТ и СКС. Жаль, что последнего пока не существует. Отличный самозарядный карабин... Будет.

Зевая, я вылез из повозки – немного прохладно было ночью, так что не зря в повозке спал, на земле даже с подстилкой задубел бы. Почесав стволом пистолета бок, лениво осмотрелся и накинул куртку, убрав «парабеллум» в нашитый чехол-кобуру. Сторожа нет, вот и приходится держать оружие под рукой. Пока другого способа охранять себя не было, одна надежда на животин. Но и она пока слабая.

Сделав пару приседаний, я быстро навернул портянки и сунул ноги в слегка влажные сапоги, после чего заторопился в кусты, где у меня был обозначен туалет. Одежда тоже была влажной – роса выпала. Сам я спал в одном исподнем, байковое одеяло хорошо грело. Ничего, сейчас чайку вскипячу, согреюсь. Шмель бегал вокруг меня и радостно скалился, показывая красный язык. Пока я заседал в кустах, он убежал к повозке и стал там носиться вокруг колес, то ли согреваясь, то ли выпуская молодой задор.

Умылся в прохладной речушке, развел костер и повесил над ним чайник.

Глядя, как лижут языки огня начинающие чернеть бока, я размышлял о своих дальнейших планах, нарежая сало на тряпице-скатерти и локтем одновременно отгоняя Шмеля, пытавшегося прорваться к вкусняшке. Пока хлеб не зачерствел, нужно его съесть, а там уж можно и на запас сухарей переходить. К тому же Шмелю сало нельзя, в прошлый раз дал полакомиться, да и то там было больше хлеба. Ничего, вечером супчику сварю, там нормально поест, как дома питался, а сейчас – хлеб и вода.

Свое, можно так сказать, начальство я не обманул, о схватках и допросе рассказал все, что было. Но вот кое-что действительно утаил. Допрос того молодого, самого первого взятого «языка». Так вот, интересную историю он мне поведал. Раньше этот парнишка, его напарник и еще один парень – его убили два месяца назад – действовали в другой банде. Ту частично уничтожили, частично рассеяли, кто-то выжил, но большая часть или погибла, или попала к нашим. Так вот, особо много этот крысеныш не знал, но рассказал про одно очень заинтересовавшее меня место. Сам он там бывал трижды, два раза его водили с закрытыми глазами, а в третий, когда их гнали бойцы НКВД, он дорогу запомнил. Именно тогда они укрылись в этом бункере втроем и пересидели в нем две недели, трясясь от страха. Потом уж осторожно проверили и, убедившись, что парней в васьиковых фуражках рядом нет, разбежались по своим хатам. Ну а потом капрал их собрал и привел в банду Прохора Черного.

Так вот по бункеру. Он был польским, построенным лет десять назад с соблюдением всей секретности. Находится этот бункер, если Иван не врал, в восьми километрах от моей теперешней стоянки и укрыт не в лесах или других труднодоступных местах. Нет, он находился в трех километрах от шоссе на Владимир-Волинский, можно сказать, в чистом поле, которое пашут местные крестьяне из ближайшей деревушки. А все дело в овраге, что пересекал поле, глубоко, с отводами в разные стороны. Вот в одном из склонов, укрытый для маскировки травой, и находится вход. Сперва деревянная крышка с уложенным на нее дерном, а дальше уже бронированные двери. Как я понял из пояснений молодчика, это был командный центр местной обороны. Бункер имел один уровень, десяток помещений, санузел и даже электричество от генератора, но тот был сломан.

Меня заинтересовало в рассказе Ивана то, что капрал очень просил, когда еще был живой, не рассказывать об этом бункере. Наверняка третий, прирезанный – его рук дело, отказался молчать. Еще меня интересовали склады бункера. А это продовольствие долгосрочного

хранения, а также манившие меня боеприпасы и вооружение. С одной винтовкой и пистолетами с бандитами не поработаешь. Хоть бы там пулемет нашелся. Вот это уже праздник.

Чуть позже я размышлял насчет этого бункера. Странно все с ним было. Слишком большая секретность вокруг него наведена. Ну, надеюсь, сегодня я уже узнаю, что с ним не так.

Вылив остатки чая в костер, я собрался, все сложил, как было, и направился к Красавцу. Снял торбу, после чего повел его к повозке. Конь спокойно стоял, пока я его впрягал, поднимая с земли оглобли и застегивая ремни упряжи. Закончив, я положил Шмеля на сено, занял свое место и дернул поводьями.

Проехав по лугу, я через полкилометра выехал на полевую дорогу и свернул направо, к речке. Пересек ее вброд – тут было всего по колено – и, поднявшись по крутому склону на холм, покатыл дальше. Нужный мне отнорок находился где-то левее, поэтому, когда дорога начала спускаться в заросший кустарником овраг, повернул влево и неспешно покатыл по дну, внимательно поглядывая на склоны и кустарники. Сюрпризов мне было не надо.

По словам молодчика Ивана, главная примета близости бункера – это большой белый камень в поле, в ста метрах от оврага. Поэтому каждый километр я останавливался и поднимался на склон, осматриваясь с помощью бинокля. Наконец в один из подъемов чуть дальше по направлению движения я заметил белую точку в поле. Километра два, не меньше.

Спустившись, я задумался. Двигаться на повозке в относительно опасное место – хоть банда и уничтожена, но вдруг там кто-то есть – не стоило. Поэтому, не снимая упряжь, я привязал длинный повод к кусту. Тут было что обглаживать. Шмеля спустил на землю, бросил под телегу накидку и поставил миску с водой – хватит переждать. Надеюсь, лисиц тут нет, а то у щенка шансов никаких. Сам же стал переодеваться.

Надев комбез, я застегнул ремень с подсумками и приладил на голову старую пилотку с красноармейской звездочкой. После чего повесил на плечо винтовку. Все, со стороны – боец технической роты.

Спустившись к большой луже, что разлилась по дну оврага, зачерпнул горсть грязи и слегка измазал лицо. Вот теперь я готов к проведению разведки.

Взяв винтовку наизготовку, трусцой побежал по дну оврага, внимательно оглядываясь, в сторону бункера, но почти сразу остановился, подхватил Шмеля за шкуру и отнес на место, несколько раз ткнув пальцем в его подстилку. В этот раз щенок за мной не последовал, только с грустной мордочкой пристально наблюдал, как я убегаю.

При приближении к предположительному местонахождению бункера, я вдруг остановился и глубоко втянул воздух, после чего присел на корточки и выставил в сторону источника запаха ствол винтовки. Пахло сигаретным дымом. Нет, не так. Пахло домашним самосадом, причем ядреным таким. Ветер был в мою сторону, запах густой. Значит, дымили недалеко.

Может, тут где и крестьяне остановились передохнуть? За время разведки я заметил в полях шесть лошадей и крестьян. Однако для обеда рано, для завтрака поздно. Странно.

Осторожно, по-пластунски я подполз к ближайшим кустам и нырнул под них, стараясь не производить много шума. Винтовка мешалась, поэтому я закинул ее за спину, а в руки взял «парабеллум» с навинченным глушителем. Шуметь мне сейчас ни к чему. Вполне возможно, сейчас на краю сидели крестьяне и дымили, перекуривая, то есть отдыхая, но лучше поберечься. Странное уж больно совпадение – где-то тут бункер, а еще запах табака. Это настораживало.

Осторожно приблизившись к другому краю кустарника, я достал бинокль – в этот раз не тот поломанный, а нормальный, из трофеев – и стал внимательно осматривать каждую пядь открытой поверхности. Метров шестьдесят оврага и его склонов я видел. Тщательнее всего осматривал именно кустарники, именно там самое удобное место для лежки.

Крестьянина выдал дымок, что ушел в небо густым облачком. Курил он с удовольствием и самозабвенно, как будто эти затяжки сама суть его жизни.

Так-то я бы его не заметил, сидел он просто в отличной норке наверху оврага и мог обозревать все вокруг и не быть обнаруженным. Присмотревшись, я зло усмехнулся. Рядом с головой одетого в крестьянскую одежду мужчины виднелся ствол винтовки. Не-ет, это явно не крестьянин. К тому же то, что я принял за бугорок рядом с головой бандита, была крышка с дерном наверху. Прикрыл часовой свой окоп этой крышкой, и фиг его найдешь, хоть по голове ходи. Умно, чтоб ему.

«Но маскировка хороша-а, я бы не сразу его там рассмотрел. Жаль, что Иван не участвовал в караулах и не знал о местных постах для часовых. Да он вообще об этом бункере мало что знал, но хоть что-то. Вывод с этим курильщиком какой? Занят бункер, к маме не ходи».

Особо долго размышлять я не стал, смена караула явно нескоро, иначе этот хрюша не курил бы так нагло на посту. Так что можно работать спокойно, может, даже время останется для допроса.

Подкрадывался я к курильщику в течение двадцати минут, причем убирая перед собой сухие веточки и другой мусор, что мог произвести много шума. Бандит же вообще обнаглел, выкурил трубку, выбил ее об стенку и, повздыхав, стал ворочаться, потом привстал и начал вылезать из окопа. Мне до него оставалось метров семь, поэтому пришлось прижаться к земле, благо ветка куста склонилась достаточно низко, чтобы меня прикрыть.

Тот протопал буквально в двух метрах, расстегивая на ходу ремень и что-то бурча под нос.

«Да тебя приперло, батенька», – подумал я, но в это время ситуация изменилась. На открытом для чужих глаз противоположном склоне, где прорастала молодая травка, вдруг появился квадрат метр на метр и ушел в сторону. После чего наружу из бункера выскользнули сначала двое, потом еще один. Один был одет как военный, у остальных штаны солдатские, а вот рубахи и куртки крестьянские. И все трое были вооружены. У первого пистолет в кобуре, судя по размеру, похоже, уже знакомый мне польский «Вис», а двое остальных с точно такими же австрийскими винтовками Манлихера образца 1895 года, как и у часового. Кстати, тот штык-нож, что обнаружил Женька в доте и который сейчас висел в ножнах у меня на поясе, был как раз от такой винтовки.

– Где Дмитро? – спросил военный.

– Тута я, – прохрипел тот в ответ, видимо, как и я, заметив появление сообщников или, вполне возможно, даже начальства. Голос у него был какой-то напряженный. Хотя, может, тужился. Он спустился ниже по склону и там присел, причем метрах в пяти от меня, даже запах стал чувствоваться. Как говорится, он был в процессе.

– Я же говорил, что его нельзя на пост ставить, пронесет... – поморщившись, начал говорить второй. Третий бандит, что стоял у проема, только хохотнул, внимательно оглядываясь.

Фактически ситуация была идеальной для меня. Двое в тридцати метрах, третий в тридцати пяти, все на дистанции стрельбы, а внизу засранец-язык, которого пока не удалось схватить. Так что я даже не раздумывал. «Парабеллум» трижды дернулся, и два бандита у входа начали падать, а вот третий улетел спиной вниз в проем бункера, что меня изрядно озаботило. Вскочив на ноги, я двумя прыжками подскочил к засранцу и оглушил его рукояткой пистолета.

Тот сразу вырубился, упав задом на свое творение, поэтому я, подхватив его винтовку, отбросил ее в сторону и рванул к трем другим. Тот, что был одет как военный, лежал без движения, а вот второй шевелился, тихо постанывая. Добив его вторым выстрелом, я осторожно заглянул в частично бетонированный предбанник и дважды нажал на спуск, после чего закрыл крышку. У меня еще снаружи дела есть.

Приведение в чувство засранца много времени не заняло. Как только я прикладом его же винтовки раздробил ему ступню, он как-то сразу очнулся.

– Ну что, засранец, вот и смерть твоя пришла.

Тот, заметив красноармейца, сразу как-то по-бабьи завыл.

– Не ори. Я задаю вопрос, ты отвечаешь. Первый – сколько людей в бункере? Ну?!

Допрос длился всего три минуты. Главные сведения получены, остальное приложится. Перевернув винтовку стволом вниз, со всей силы, используя также свой вес, я опустил ее на живот бандиту. Пробив заросший жиром пресс и потянув за собой кишки, ствол дошел до позвоночника. Сорокадвухлетний националист дядька Дмитро захрипел и руками схватился за ствол, с ужасом глядя на меня.

– В рай к моей семье ты не попадешь, но передай, кого ты там увидишь, кто тебя и за что отправил в ад... Паскуда.

После этого я побежал ко входу в бункер, пока там не забеспокоились долгим отсутствием командира одного из отрядов и его заместителя. Да, допрос этого пожилого националиста Дмитро из бывших зажиточных крестьян прояснил ситуацию. В бункере было две банды общим числом в двадцать девять человек. Ну, сейчас двадцать пять. О задачах, поставленных перед ними, он не знал, только то, что заказ шел из-за границы и будет крупное дело. Но самое главное – в бункере находился представитель заказчика, куратор банд, вот он-то заинтересовал меня больше всего. Куда как больше.

В правой руке у меня был перезаряженный «парабеллум», в левой «ТТ». На оба накручены глушители. Только «Вис» остался в повозке. Третий пистолет, я посчитал, мне не пригодится, кто же знал, что так все обернется?

Положив винтовку у входа, я разоружил командира второй банды. Как и предполагалось, в кобуре был «Вис» в дорогом генеральском исполнении. Неплохая и качественно сделанная машинка, тоже под люгеровский патрон. Проверив его и поставив на боевой взвод, сунул за ремень сзади – будет третьим, запасным стволом. Все, я готов войти в бункер. Пока там отдыхают и лениво ожидают начала операции, есть шанс застать их врасплох. Тем более, кроме пистолетов, никто рядом с собой никакого оружия не держит, оно находится в специальной оружейной стойке. Но, блин, двадцать пять единиц националистической швали! Придется поработать. Как ни странно, но я был уверен в себе.

Открыв вход и заглянув внутрь, я обернулся на противоположный склон. Там Дмитро, выдернув из живота винтовку, держал ее окровавленными руками и, прижав приклад к плечу, старательно целился в меня. На его лице кроме мук боли была и злорадная улыбка. Подлювил, мол.

Усмехнувшись, я стал медленно поднимать «парабеллум». Бандит нажал на спуск, и раздался сухой щелчок. С ужасом посмотрев на меня, Дмитро шустро открыл затвор и посмотрел на пустой патронник винтовки. Не успел он открыть рот, чтобы заорать, как щелкнул «парабеллум», и между глазами бандита появился третий, кровавый.

С этим все, осталось отработать тех, кто находился в бункере. С учетом автоматического короткоствольного оружия и умения им пользоваться, шансы у меня были очень неплохи, и я собирался отработать их на все сто. Главное – как-то прихватить засланного заграничного казачка, но это будем смотреть во время боя.

Скользнув в предбанник, я закрыл за собой крышку и, спустившись по лестнице ниже, прошел метров десять и за ручку потянул дверь. Как и ожидалась, она легко повернулась на петлях, несмотря на тяжесть. Теперь я оказался в бетонированном помещении и встретил первый сюрприз. Под потолком ярко горела электрическая лампочка. Закрыв дверь, я подкрался к следующей, по бокам которой были две закрытые бронешторками бойницы. Прислушавшись и ничего не услышав, крутнул штурвал влево и потянул дверь на себя. Эта тоже оказалась не заперта.

Причина, почему тут отсутствовал часовой, была банальна – он лежал под люком, тот самый третий бандит. Об это мне сообщил Дмитро, чем изрядно облегчил проникновение.

За этой дверью было третье отдельное помещение. Слева-справа места для пулеметчиков, сами пулеметы стояли тут же. Это были станковые «Браунинги м1930» на вертлюгах. Грозное

оружие. Единственно, из-за чего не использовали их бандиты, – большой вес, с таким далеко не убежишь. Если только для разовой акции, чтобы потом бросить на месте боя.

Немного повозившись, я разрядил пулеметы и поспешил дальше. Следующая дверь уже не была бронированной – деревянная, обшитая листовым железом, находилась она не прямо, а за углом. Открыв ее, я проследовал дальше. Стены были оштукатурены, но не покрашены. Под потолком проходили кабели, и каждые десять метров – выключенный плафон. Свет горел только в предбаннике и впереди, за углом. Тут же его кто-то выключил. Осторожно подкравшись к этому углу, я выглянул и осмотрелся. Тут был еще один коридор с несколькими дверями. Тянуло портянками, ваксой, немытыми телами, едой, табаком, а также чувствовалась вонь отхожего места.

Коридор был пуст, но из ближайшего помещения, дверь в которое была открыта, отчетливо слышались негромкий разговор и шлепки карт о стол. Именно оттуда и падал свет. Судя по всему, в бункере был отбой. Это означало, что бойцы отсыпались днем, чтобы идти на дело ночью. Интересное дело.

По описанию Дмитра, в этом коридоре шесть помещений. Справа четыре двери – караулка, откуда и виден свет и слышатся голоса, потом штабное помещение с неработающим узлом связи, дальше комната отдыха начальства и арсенал. Слева две двери, одно большое помещение казармы, в конце коридора склад продовольствия, а дальше коридор поворачивал. Там было две двери, одна постоянно закрыта – что за ней, Дмитро точно не знал, среди бандитов ходил слух, что там и стоит генератор – а вторая вела в туалет. Думаю, насчет генератора бандиты правы, но также считаю, что там второй выход, тайный.

Пользуясь пустотой коридора, я подкрался к караулке – кстати, дверь в казарму тоже была открыта, оттуда и шла вонь немытых тел – лег на бетонный пол и осторожно заглянул внутрь. В помещении находились четверо бандитов. По виду, командиров не было, скорее всего, тревожная дежурная группа для непредвиденных ситуаций. Вскочив на ноги, я зашел в караулку, закрывая дверь локтем, и начал нажимать на спуски обоих пистолетов. Звук напоминал выстрел пробки из бутылки шампанского, что в тишине бункера было довольно громко. А если учесть лязг затворов, то вообще производился изрядный шум.

Стрелял я так, чтобы бандиты не пикнули, то есть в шею. Только один, падая, мог уронить стойку с оружием, пришлось придержать. Замерев на миг, я прислушался. Тишина, бандиты крепко спали. Да и закрытая дверь приглушила хлопки и звон падающих на бетонный пол гильз.

Проверив бандитов, добил подранка, зажимавшего рану на шее, и, выскользнув в коридор, направился к офицерской спальне, пройдя мимо помещения штаба. Двери в офицерскую спальню и солдатскую казарму были друг напротив друга, что напрягало. Конечно, приблизившись к казарме, я услышал мощный храп, звучащий в разных тональностях, но все равно было неприятно. Нужно было решать, с кого начать. Если рядовыми в казарме, проснутся и вмешаются офицеры в комнате за спиной, получалось, мне требовалась заняться сперва ими, причем тихо, и уж только потом основной массой бандитов.

Дверь не была заперта – берлога непуганых идиотов, – я толкнул ее и скользнул в темное помещение. Достав фонарик, осветил комнату. Две из четырех кроватей были пусты, а вот две других были заняты. Рядом с обычными такими кроватями была сложена одежда. У одной военная, у другой чисто крестьянская. Согласитесь, что делать крестьянину с бандитами? Поэтому я дважды выстрелил во владельца военной одежды, после чего, сделав три быстрых шага, ударил рукояткой пистолета по голове агента. Разрезав ножом простыню, связал ему руки, сделал кляп и вставил ему в рот.

Только после этого, перезарядившись, направился к казарме. Выключатель находился у входа. Без раздумий подойдя, я щелкнул им. Казарму тут же осветил неяркий электрический свет.

Быстро окинув взглядом это большое помещение со столбами для поддержки бетонного свода, поднял на уровень глаз оба пистолета и открыл огонь. Трех этажные нары стояли в шесть рядов, но не все были заняты, половина пустовала. Думаю, если бы раздались оглушающие в тесном помещении выстрелы, бандиты бы среагировали сразу – тут собрались опытные бойцы, большей частью бывшие солдаты Войска Польского, но те не сразу среагировали на хлопки, что дало мне дополнительное время уменьшить поголовье этого отребья. Звон гильз и звук тупых чавкающих ударов, когда пули входили в тело их дружков, вот что начало выводить их из сна. Когда застонал первый, вскрикнул от боли второй, они начали шевелиться и раздались удивленно-испуганные голоса. Бандиты быстро сообразили, в чем дело, последовала команда одного из младших командиров, и выжившие рванули к стойкам с оружием. Из восьми человек добежал только один, но, словив три пули, только и смог, что врезаться в нее и с шумом рухнуть на пол. Стало тихо, кто-то монотонно стонал на полу между нар, пахло горелым порохом, кровью, опорожненными кишечниками и поврежденными внутренностями.

Снова сменив магазины, я вошел внутрь. Стараясь не наступить в лужи крови, занялся зачисткой, проще говоря – контролем. Это заняло меньше минуты, сопротивления не было.

Все, больше живых в этом помещении не было, правда, я насчитал двадцать три трупа, хотя по словам «языка» должно быть девятнадцать. Спрашивал я серьезно, причем так, что тот просто не мог ничего утаить, я следил за выражением лица и глаз. Но людей было больше. Подсчитав всех еще раз, я понял, что тот не включил в список начальство. Если это так, то тогда все правильно.

После контроля я заторопился к дверям – больно уж пахло тут нехорошо. Само помещение из-за низкого свода казалось большим, но это было не так. Метров пятнадцать на двадцать. Слева от входа вешалки с одеждой, справа стойки с оружием, длинный стол с лавкой, остальное место занимают нары. Вот такая она была, казарма.

Выйдя в коридор, я обернулся, окинул взглядом разгромленную комнату, заваленную трупами, и с чувством сказал:

– Обожаю свою работу.

После этого я проверил все помещения, включая то самое закрытое у туалета. Ключ я нашел на тумбочке рядом с застреленным мной командиром одного из отрядов. Дальше был длинный коридор. Двигаясь по нему, я все лучше слышал шум генератора.

Изучив отдельное помещение с вытяжкой, проверил другую дверь. Та вела в забетонированный туннель, через триста метров закончившийся еще одной деревянной дверью. Осмотрев ее, открыл и скользнул в небольшую пещерку. Свет виднелся снаружи через лаз в переплетении ветвей кустарника. Выглянув из норы наружу, я осмотрелся.

– А, понятно. Я тут проходил полчаса назад.

Возвращаясь, я дисциплинированно закрывал и запирали все двери. В генераторной подлил бензина в бак из одной из десяти канистр, что стояли у стены в ряд – тот уже наполовину опустел – и, подхватив две полные канистры, проследовал в основные помещения.

У меня в повозке было две канистры, но обе для воды, для бензина пока не было, вот и воспользуемся возможностью и займем нужные тары вместе с нужной жидкостью. Вдруг пригодится в будущем? Сорок или восемьдесят литров бензина не помешают. Канистры были двадцатилитровые, большие, армейские.

Сперва я заглянул в арсенал. Включив свет, прошел в длинную комнату – не меньше, чем казарма, и стал разглядывать разные оружейные и патронные ящики. Посмотрев на лежащий на столе для чистки оружия длинный ящик, я открыл его и нежно провел пальцами по длинному стволу польского противотанкового ружья. В ящике находилось одно ПТР, три запасных ствола и три магазина.

– Ну, здравствуй, мой любимый... – нежно пропел я.

Спустя десять минут пройдя в офицерскую, я похлопал по щекам агента, и пока тот морщился от электрического света, бывшего в глаза, выдернул кляп и зло крикнул-спросил:

– Ну что, шпиен, давай изливай свою душу! А то до-о-олго умирать будешь. Давай-давай, говори, вижу, что понимаешь меня!..

Спустя полчаса я метался по помещениям бункера. Меня раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, похоже, придется сдать этот бункер со всеми запасами и пленным, с другой, чтобы все это не попало в руки Советам, придется в одиночку уничтожить больше девяти десятков бандитов. Причем это не обычная шваль, а самые опытные отряды, сведенные в один большой. Некоторые были даже переброшены из других районов. Немцы отбирали их по одному, подкармливая. Однако я хохол, а не супермен, с ротой в одиночку не справлюсь. Тут так, просто повезло. Вот теперь и мучился, разглядывая запасы.

– Да что же это такое?! – возмутился я и зло ударил по бетонной стене арсенала кулаком.

Немецкая разведка собиралась ни много ни мало обезглавить комиссию Киевского особого военного округа, что должна прибыть с войсковой инспекцией во Владимир-Волынский с заездом в Луцк. Проезжать они будут по той самой трассе в трех километрах от этого бункера. Теперь становилось понятно, почему в арсенале большое количество тяжелого вооружения. После акции его оставят на месте и всю ночь будут уходить от преследования. По сообщению агентов германской разведки в штабе округа, проезжать те будут примерно под вечер, вот и готовились бандиты.

В этом бункере были собраны лучшие бойцы по тяжелому вооружению. Пулеметчики, снайперы, пэтээрщики. Именно на них будет основная работа по уничтожению автоколонны со старшим комсоставом армии, включая представителей политуправления и замов первого секретаря Украины. Самого Хрущева в колонне не будет, он находился в Москве.

Другая группа в девяносто человек находилась в других бункерах, тоже старых польских. Они располагались также недалеко, в пятнадцати километрах, и входили в единую сеть с этим, где я находился. По словам агента, там мог спокойно укрыться под землей слегка обескровленный батальон, а не одна рота. Задача этой группы – перекрыть трассу со стороны Владимира-Волынского, чтобы основная группа гарантированно уничтожила всю колонну. Всего в этом деле задействовано более двухсот бандитов, но другие скрывались, ожидая акции, в селах, деревнях и лесных схронах. Акция должна была пройти через два дня. Времени впритык.

– Да чтоб вас! – вырвался у меня крик души.

Развернувшись, я направился в офицерскую комнату отдыха.

Я решил принять правильное решение.

Вернувшись в комнату с агентом, я развязал ему руки и положил первый лист бумаги.

– Рисуй и пиши, – велел я. – Все, что знаешь о бункерах, схронах и хуторах, где скрываются банды националистов. Всех их помощников не забудь.

– Но они...

– Да мне по хрен, пусть будут борцы за свободу. Пиши, а то и вторая рука без пальцев останется.

Через полчаса на пяти листах, которые я нашел в тумбочке у кровати убитого главаря банды, были показания «языка». Всего дважды пришлось стимулировать. Понятливый оказался.

После этого я убрал исписанные листы в карман, и снова связав руки агента за спиной, вывел его в коридор и повел за собой к генераторной. Там я заглушил генератор – не фиг бензин тратить, он не резиновый – и, подсвечивая фонариком, повел вражеского резидента к выходу. У казармы я остановился и, оставив пленного в проеме двери, чтобы был на виду, выбрал из оружейной стойки пистолет-пулемет, который сначала принял за ППД, но потом разобрался,

что это финский «Суоми». Тогда я любопытствовал и убрал его на место – больно уж тяжел был, – а сейчас решил прихватить вместе с подсумками, где находились запасные диски.

– Пошли, – командовал «языку», который с интересом смотрел, как, подсвечивая фонариком, я выбирал себе автомат. В стойке их было восемь штук.

В проеме двери я развернулся и, прижав приклад к плечу, выпустил короткую очень в сторону нар. Брызнули щепки, хорошо видные при свете фонарика, и по ушам ударил грохот очереди. Лягался автомат довольно прилично и для моего веса был действительно тяжеловат. Но очередь легла кучно.

– Чего на полу валяешься? – спросил я у «языка», заметив, что тот вытянулся метрах в трех от меня. – Вставай и пошли.

Тот, видимо, подумал, что расстреливают его, и то ли со страху, то ли по привычке грохнулся на пол. Вставать ему со связанными сзади руками было неудобно, пришлось подойти и помочь.

– Э-э-э, батенька. Да ты тут, я смотрю, лужу напрудил. Ну, сам виноват. Все, топай давай.

Наконец мы, откинув квадратную крышку, оказались снаружи. Тут ничего не изменилось, все так же недалеко лежали двое убитых бандитов и благоухал у кустарника Дмитро.

– Так, давай на тот склон, и лег лицом вниз.

Как только «язык» выполнил мой приказ, я закинул автомат за спину и начал таскать трупы ко входу в бункер, сбрасывая их вниз. Следы волочения, конечно, оставались, но я и так с трудом пер эти туши, они неожиданно оказались тяжелыми. Оружие я отправил следом, а крышку окопа, где раньше сидел Дмитро, сбегав, бережно прикрыл, чтобы ее тоже со стороны не было видно.

– Вставай, – командовал я, держа автомат на изготовку. Шпик перекатился на бок и с трудом встал, хмуро глядя на меня. Он уже знал, что шуток или промедления я не люблю.

– Вперед по дну оврага. Скорость движения – быстрый шаг, переходящий в трусцу. Шаг влево, шаг вправо считается побегом. Прыжок вверх – попыткой улететь. Шаг назад – попыткой совратить конвоира... Шучу, не смотри на меня так. Бе-егом!

Мы действительно пошли быстрым шагом, иногда переходящим на бег. Буквально через десять минут за очередным поворотом показалась повозка. Вот это мне сильно не понравилось – то, что я там увидел.

– Лежать, лицом вниз, – тихим шепотом командовал я языку, после чего, привстав, стал разглядывать увиденную картину. Там такой живчик лет сорока на вид спокойно копался в моих вещах. По одежде – типичный крестьянин-батрак. Рядом крутился Шмель, вдруг я отчетливо услышал, как он загавкал на вора. Это был первый лай щенка, что я услышал.

– Пшла, шавка, – пнул тот его не глядя. Щенок от удара отлетел в сторону и несколько раз перекувыркнулся по земле, скуля. Красавец повернул голову и с некоторой укоризной посмотрел на вора.

– Эй? – привстал я над поворотом оврага, он удобно скрывал нас. – Ты что делаешь, сука?!

Быстро обернувшись, крестьянин вдруг побежал, держа в руках один из моих мешков. Он успел добежать до склона и шустро начал взбираться по достаточно крутому склону, скользя растоптанными ботинками по траве. Коротко прогрохотала очередь – патронов так в шесть-семь. Судя по тому, что справа и слева от вора поднялись облачка пыли, пара пуль прошла мимо, но вот остальные попали куда надо.

Вор на миг замер, потом ноги его подкосились, и с той верхотуры, на которую он успел подняться, покатился вниз, выронив мешок.

Опустив автомат и повесив его на плечо стволом вниз, я командовал «языку»:

– Встать, вперед, к повозке.

Шмель, забившийся было под повозку, сперва несмело высунулся из-за колеса, но узнав меня, радостно побежал навстречу, с опаской обогнув «языка». Подхватив щенка на руки, я погладил его и ласково сказал:

– Молодец, защитник. Смотри, что я тебе принес. Полбанки мясных консервов. Половину, извини, съел сам, но тебе тут хватит. Еще галеты есть. Вижу, что голодный, принохиваешься. Пока ешь, а я тут делами займусь.

При приближении к повозке я снова скомандовал «языку» лечь, оставил Шмеля насыщаться консервами, а сам направился к вору, который, к моему удивлению, словив четыре люгеровских пули, был все еще жив и харкал кровью.

Подойдя ближе, я в упор короткой очередью добил его, после чего обыскал. Нашел в карманах пару своих вещей из мелочевки. Остальное не стал брать – не мое, и трофеями это не назовешь – и, подхватив мешок, вернулся к телеге.

– Это был не наш человек. Ты убил невиновного, – злорадно сказал «язык». Выглядел он как настоящий русак и чисто говорил на русском. Как я узнал из допроса, он был из белоэмигрантов, гражданин Германии.

– Это был вор, и получил он по заслугам, – лениво ответил я, проверяя, все ли в моем передвижном доме в порядке. Оказалось, что да, мы успели вовремя, тот, видимо, только начал рыться в моих вещах, а после оклика, схватив первое, что попало под руку, рванул куда глаза глядели.

Как только Шмель поел и сыто отвалился от вылизанной консервной банки, я разворошил сено, оголив дно повозки, помог «языку» лечь на него и засыпал для маскировки сеном.

– Только слово скажи – прибыю. Понял?

– Да, – негромко ответил он.

– Ни хрена ты не понял, – снова разворошив сено, я вставил ему кляп. Он у меня в кармане заранее был заготовлен. – Шмель, поехали.

Взяв флегматичного Красавца под уздцы, я заставил его развернуться, после чего, заняв со Шмелем посадочные места, стегнул поводьями:

– Поехали.

Выехав из оврага на полевую дорогу, я направил Красавца в сторону шоссе. Там село недалеко, телефон по-любому должен быть. Мне остро была необходима связь. Промедление смерти подобно.

Через час, когда оказался на подъезде к селу, я выругался. На околице стояла полуторка с бойцами. Это был армейский пост. Я не переодевался, только пилотку снял, убрав ее в карман, поэтому был одет в комбез танкиста и с автоматом на коленях. Некоторые встречные водители удивленно смотрели на меня, но мне было по фиг. Сведения, которыми обладал «язык», имели большую важность, чем моя маскировка. Да и не знал тут меня пока никто, Волынская область большая, сменю район действий, да и все.

Армейцы на посту меня заметили сразу и заинтересовались. На дорогу вышел сержант с одним из бойцов. Тот взял останавливающегося Красавца под уздцы, а сержант подошел ко мне.

– Кто такой? – поинтересовался он, пристально меня разглядывая. Особенно автомат и подсумки. Судя по тому, что у него увеличились глаза и имелась медаль «За отвагу» на груди, он воевал на Финской и автомат узнал.

– Спокойно, сержант, – сказал я и достал из кармана сложенный вчетверо лист, где было указано, что я внештатный сотрудник Луцкого отдела НКВД.

Тот внимательно изучил официальную бумагу, пока я разглядывал пост и особенно пулемет ДП, что был поставлен на кабине полуторки и хоть и не повернут в мою сторону, но пулеметчик сек все мои движения, и, попросив командира в звании лейтенанта подойти, спросил:

– Почему в таком виде?

– Боевое задание, сержант.

– В чем дело? – подошел молодой пехотный лейтенант, так же с интересом меня оглядывая и покосившись на Шмеля.

– Да вот, товарищ лейтенант, говорит, что вне штатный сотрудник луцкого отдела НКВД. Бумаги подтверждают это.

– Товарищ лейтенант, – обратился я к командиру поста. – Мне требуется ваша помощь. Поэтому я своей властью снимаю вас с поста. Теперь ваша задача – охрана моей персоны и транспортного средства до прибытия сотрудников НКВД из Луцка. Сейчас мне требуется телефон. Срочно требуется, товарищ лейтенант. Если что, сотрудники подтвердят мою просьбу. Хорошо?

С сомнением осмотрев меня, он спросил:

– А не пулю льешь?

– Я буду все время при тебе, к тому же во время разговора по телефону попрошу начальство подтвердить мои полномочия. Подойдет?

– До телефона тут метров четыреста, поверим и проверим. Сержант! Сопроводи этого... сотрудника. Может, действительно что-то важное.

– Есть, – козырнул тот.

Сержант, подхватив Шмеля на руки, сел на скамейку, осторожно забрал у меня автомат, передав его подошедшему бойцу, что до этого держал Красавца, и стал поглаживать щенка, весело поглядывая на меня.

– Правь к тому зданию. Это сельсовет, там телефон, – велел он.

– Хорошо.

Я стегнул поводьями по спине Красавца, заставляя его двигаться, а сзади заурчал мотором грузовик.

Подъехав к сельсовету, я остановил Красавца и, привязав поводья к коновязи, посмотрел на подошедшего от грузовика лейтенанта.

– Я сейчас.

Бойцы уже покинули кузов, да и сержант стоял рядом с повозкой, с любопытством наблюдая за шевелившимся сеном. Шмеля он держал на руках.

– Сержант. Никто, я повторяю, никто не должен подходить к повозке и заглядывать под сено. Вам ясно?

– Кто там? – спросил подошедший лейтенант.

– Поверьте, вам лучше этого не знать. Но ответить могу честно. Там враг. Этого достаточно?

– Пока да, – слегка склонил набок голову лейтенант. – Ну что, идем? Звонить-то еще не передумал?

– Нет, идем... Сержант, не тереби щенку уши, у них хрящи слабые, потом стоять не будут.

Отдав такие приказания, мы прошли внутрь сельсовета. Телефон нашелся в общем зале, параллельный стоял у начальника. Мы попросили всех выйти, после чего я снял трубку и через телефонистку вызвал Луцкий отдел.

– Дежурный Луцкого отдела НКВД по Волынской области сержант госбезопасности Данилец, – строго и даже как-то торжественно ответили с той стороны провода.

– Срочно позовите к телефону старшего лейтенанта Немцова.

– Товарищ старший лейтенант госбезопасности Немцов отсутствует.

– Капитан Рогозов?

– Кто говорит?

– Передайте, Михайло на проводе, он поймет. Это срочно.

Несколько секунд я напряженно слушал шорохи в трубке, пока, наконец, с той стороны не ответил начальник отдела.

– Михайло? – с некоторой утвердительностью спросил капитан.

– Да, это я. У меня очень важная информация. Все по телефону сказать не могу, но намекну. У вас тут скоро в больших количествах появятся люди с красными лентами на штанах.

– Откуда ты... Как?!

– Взял говоруна, он прибыл с той стороны речки, которая из трех букв. Очень много знает. Очень. То, от чего вы меня предостерегали, случилось, минус тридцать три забияки. Узнал, что именно на них и стояла задача встретить людей с красными полосками на штанах с хлебом и солью.

– Сколько их? – с заметной хрипотцой и напряженный голосом спросил капитан. Рогозов сразу схватывал суть и понимал, что я не вру.

– К встрече гостей подготовились двести хозяев. Минус тридцать три, как я уже говорил. Основная масса ждет в одном месте, мелочь в разных других. Пока информация на сторону не ушла.

– Ты в Березовичах?

– Да, причем под охраной. Пришлось снимать армейский пост и переподчинять их себе. Тут со мной их командир. Требуется подтверждение.

– Передай ему трубку.

Я передал трубку с интересом слушавшему меня лейтенанту, шепнув, кто на той конце провода, и отошел в сторону, пока Рогозов накручивал армейца.

– Есть!.. Понял, товарищ капитан госбезопасности!.. Выполню!.. Есть!..

Наконец лейтенант положил трубку на место и, вытерев мокрое и красное лицо – во Рогозов молодец! – вздохнул и протянул руку:

– Лейтенант Семечкин, командир взвода семнадцатого батальона сто двадцать первого стрелкового полка.

– Дивизия Кириленко?

– Да, его, – глянул на меня удивленно лейтенант. – Вы его знаете?

– Можно на ты... Было дело один раз, ничего так мужик, крепкий. Увидишь, передай привет от пацана-танкиста, он поймет.

– Ну, где он, а где я.

– Это да. Ладно, пошли, нам требуется ожидать появления моего начальства. Подозреваю, оно уже мчится сюда на всех парах.

Мы вышли из здания сельсовета и, подойдя к повозке, остановились.

– Здесь подождем? – спросил лейтенант.

Его подчиненные сразу уловили изменения в поведении командира и насторожились.

– Да, если наши въедут в село, сразу увидят.

– Хорошо.

Лейтенант был исполнительным служакой, трех бойцов с сержантом во главе он оставил со мной – охранять согласно приказу, а с остальными организовал пост буквально в ста метрах дальше по дороге и начал проверять все военные машины согласно приказу своего командира. То есть пытался усидеть на двух табуретках.

То, что капитан Рогозов принял мои слова к сведению и оперативно среагировал на них, я понял спустя полтора часа, когда на улицах села появились пять грузовиков, набитых бойцами в фуражках с васильковыми околышами. Впереди ехала черная «эмка», та самая, «черный воронок».

Когда машины остановились, принесся пыль – пришлось отвернуться, чтобы не попало в глаза, и прикрыть рукой Шмеля, – я заметил, что от своей машины к нам быстрым шагом двигается лейтенант Семечкин.

Дверцы «эмки» разом распахнулись, и на улице села появились четыре сотрудника конторы, где я не то чтобы работаю, но сотрудничаю. Там были Rogozov, Nemcov, знакомый младший лейтенант – тот самый, с которым я встретился в свой первый визит – и незнакомый лейтенант.

Отмахнувшись от Семечкина и переадресовав его тому самому незнакомому лейтенанту, ко мне подошли Rogozov и Nemcov.

– Где он?

– В телеге. Вроде живой, я его минут пятнадцать назад поил. В туалет еще просился.

– Не водил?

– Он до этого с перепуга сходил, один раз не пид... Кхм, – смущенно умолк я, но быстро отбросил это чувство и закончил: – Один раз сходил, и второй сходит. Все равно я повозку мыть собирался.

– Васильев, прими клиента, – обернувшись, командовал Nemcov тому самому младшему лейтенанту.

– Давай отойдем, и там доложишься, – велел Rogozov, кивнув в сторону тенистого дерева, где была скамейка.

Пока мы туда шли, я посмотрел, как два крепких бойца в фуражках и с карабинами за плечами, разворошив сено, вытащили из повозки «языка» и, брезгливо отряхнув, повели к «эмке». Однако Rogozov, тоже заметив, в каком тот состоянии, переиначил приказ, велел вести его к одному из новеньких «ЗИСов». Нечего командирскую машину засранцем пачкать.

После этого я подробно описал свои приключения, когда пошел за возможным хабаром. Ну, а что на выходе получилось, то получилось. Под конец, пользуясь вроде неплохим настроением Rogozova, я попросил разрешения покопаться в трофеях бункера, пока командиры разглядывали листы с показаниями и схемами хуторов, бункеров и тех схронов, о которых знал язык.

– Ну, если все подтвердится, то копайся на здоровье, – рассеянно ответил Rogozov, после чего сказал Nemcovу: – Смотри, опять эти бункера. Мы вроде проверяли их неделю назад? Ведь предлагал подорвать их.

– А они что, известны? – удивился я.

– Тот, про который ты сообщил, нет, слухи ходили, но поиски ничего не дали. А про эти да, знаем. Иногда наведывались, проверяли. Значит, вон они где окопались... Есть у нас крот, точно говорю.

– Есть, – подтвердил я догадку капитана. – Только «язык» вам про него ничего не скажет. Он отвечал чисто за силовую акцию, а связь с агентами держал другой человек. В данный момент он находится на этом хуторе. Вот, где я галочкой пометил.

– Это шанс, – согласился капитан, после этого стал командовать Nemcovу: – Значит, так. Роту отправляй к бункерам. Перекройте там все, можете привлечь к этому делу сто двадцать первый стрелковый полк, он как раз рядом летними лагерями стоит. Сам бери два отделения и давай к этому хутору за вторым резидентом, а потом остальными займемся.

– Все не охватим, – с сомнением сказал Nemcov.

– Думаю товарищей из отделов соседних городов привлечь, усиление нам пригодится. Есть по кому работать.

Пока командиры совещались, я отошел в сторонку, чтобы им не мешать, и, забрав у слегка растерянного сержанта Шмеля, покачал его на руках.

– Ну что, друг, вот ведь день у нас какой. Тяжелый и долгий.

Проверив, как уложено сено, я поморщился и пообещал себе тщательно помыть повозку. Все-таки пленник ее изгадил... Падла.

Через двадцать минут меня окликнул куратор. Бойцы уже собирались по машинам, Rogozov раздавал приказы подчиненным, а Nemcov дал мне задание:

– Сейчас двигаешься к бункеру, сдашь его вот этим четверем бойцам. Старший – младший сержант Головин. Все ясно?

– Рапорт писать не надо?

– Да успеешь еще.

– Я хотел поучаствовать в захватах бандитов.

– Ну нет, это уже наша работа. Все, что мог, чтобы разворошить этот муравейник, ты сделал. Отдыхай пока, радуйся весне и природе.

– Понятно, – протянул я.

– Все, давай.

Мы быстро распрощались и разъехались. Основная масса бойцов НКВД в сопровождении младшего лейтенанта Васильева поехала к бункерам, им как-то незаметно надо было их окружить, но парни путные, думаю, справятся. Rogozov на «эмке» в сопровождении полупустого грузовика, куда погрузили «языка», уехал в Луцк, чтобы провести более полный допрос, а ко мне в повозку погрузились четверо бойцов НКВД, и мы поехали к выезду из села. Автомат мне армейцы вернули, поэтому я его повесил на плечо и так до конца поездки и не снимал.

– Чем так воняет? – спросил сидевший сзади боец, что гладил млеющего Шмеля.

– «Язык» обделался. Ну, этот, пленный.

– А-а-а, – понятиливо протянул тот и отодвинулся к краю.

– Далеко? – спросил сидевший рядом Головин.

– Километров шесть будет. Напрямик всего три. Во-он в том районе он, – показал я рукой.

– Понятно.

Ехали мы к бункеру уже не так быстро, как я гнал в село, поэтому добирались дольше. Больше часа. Наконец спустились в овраг и покатали уже по нему.

– А это что там такое? – привстал на ступеньке сержант, пытаясь разглядеть людское столпотворение впереди.

– А, я и забыл. Это вор валяется. Я когда пленного вел к повозке, то увидел, как он у меня в вещах швыряется. Там есть и подотчетные вещи. Пришлось окликнуть, а когда побежал, пристрелить. Успел мешок у меня свистнуть. Да по мелочи там.

– Понятно, – сразу успокоился сержант. Бойцы хоть и расслабились немного, но все равно держались наготове. Кстати, у одного был ППД с рожковым магазином. Пока ехали, он все с любопытством косился на мой автомат.

Подъехав к группке из шести человек, мы действительно увидели у ног крестьян давешнего вора.

– В чем дело? – спросил сержант, спрыгивая с повозки на землю. Остальные тоже покинули повозку, только один успел осторожно передать мне щенка.

– Так вот, убили страдальца. Участкового ждем, пан офицер, – ответил один из крестьян. Пока сержант разбирался с этим делом, я тоже не скучал. Выкинул из кузова все сено – в работу оно уже не годилось – и, сбегав с ведром до лужи, вылил все на дно повозки. Вещи я предвзительно вытащил и сложил рядом.

Щели для стока присутствовали, так что я легко отмыл повозку от последствий перевозки «языка» и набившейся пыли. После этого взял короткий огрызок остро заточенной косы, что крепился на боку повозки, и, найдя взглядом, где трава посочнее, направился туда, закинув косу на плечо. Тут метров сорок всего идти. Травка самая сочная была на склоне, противоположном тому, где лежал убитый.

Шмель радостно бежал рядом. Отгоняя его, я стал короткими замахами срезать траву, зорко следя, чтобы под косу не попал щенок, который думал, что с ним играют.

Головин закончил с этим делом за пятнадцать минут. Он собрал показания, дождался милиционера и сообщил тому о причинах этого убийства. Тот понял и начал составлять рапорт. Ко мне вообще никаких претензий не было. Все-таки хорошо работать на контору, отмазали.

За это время повозка успела высохнуть под лучами солнца, и я уложил в нее три охапки свежескошенной травы. Так что дальше мы покатали уже под аромат полевых цветов. Хотя травы мало, только-только дно да вещи закрыл, надо еще охапок шесть-семь.

Когда добрались до места, я спрыгнул на землю и перевесил автомат из-за спины на грудь.

– Тут бункер? – поинтересовался Головин.

– Да. Но сначала я покажу место для наблюдателя, нужно посадить туда одного, чтобы он контролировал окрестности. А потом уже можно и бункер принимать.

– Хорошо, годится, – кивнул сержант.

– Туда в кусты не ходите, – сообщил я бойцам, один как раз двинулся в ту сторону. – Там испачкано, один засранец заседал. А ты пошли за мной.

Боец, курносый рыжий паренек лет девятнадцати, скинул карабин с плеча и серьезно кивнул, нахмурившись.

Поднявшись на верх оврага по отрытому склону, я подошел к кустарнику и отодвинул в сторону маскировочную крышку. Парень заглянул внутрь, осмотрелся и одобритительно кивнул. Пост был устроен с умом.

– За псом присмотри, – попросил я его.

– Хорошо.

Оставив бойца устраиваться в окопе, я бегом спустился вниз и, пройдя мимо повозки, подошел к тайному входу и отодвинул крышку в сторону. Подскакивший боец, тот, что с ППД, помог мне.

– Ага, а вот и тела, – заглянул внутрь Головин.

– Все сразу пойдем, или подождете, пока я сбегаю генератор запущу?

– Так тут и генератор есть? – удивился сержант. – Вместе идем.

У бойцов фонариков не оказалось, поэтому пришлось пользоваться моим. Мы шли по бункеру, и я подробно описывал Головину, что где. Про пулеметы у входа честно сказал, что они неисправны – вытащены бойки. Бойки я достал из кармана и передал сержанту.

Когда мы проходили мимо казармы, то ощутили сильный запах бойни и сгоревшего пороха.

– Ага, вот еще трупы, – пробормотал сержант.

– Там в караулке еще четверо, – не останавливаясь, ответил я, мельком осветив казарму. Было видно, что на бойцов все это произвело впечатление.

После того как генератор был запущен и в бункере появился электрический свет, мы с сержантом все осмотрели, и тот начал составлять список найденного, а я занялся своими делами. Подхватив две подготовленные канистры с бензином, я мелкими шажками заспешил к выходу.

Немцов появился перед самой темнотой. Грузовик подъехал по верху и остановился, когда мы дали себя обнаружить. С куратором было пятнадцать бойцов, четверо нырнуло внутрь, а остальные сразу рассредоточились вокруг входа в бункер. На все это я смотрел с интересом, так как в это время протирал стреноженного Красавца пучком травы. Помыть бы его, потного после сегодняшней работы, но сержант просил не уезжать до приезда Немцова, вот я и ждал.

Куратор легко сбежал с кручи и, ответив на приветствие появившегося из бункера Головина, внимательно выслушал его устный доклад, после чего подошел ко мне.

– Не расстроился? – спросил он, потрепав Красавца по гриве.

– Почему вы задаете мне вопрос, как архитектору Пизанской башни?

– Чего?

– Я говорю, что не понимаю, куда вы клоните.

– Я про то, что раскрылся. А то ведь когда к нам пришел, больше всего на это упирал.

– Ах, вы про это... Ну, уж тут ситуация такая сложилась, деваться было некуда. Нужно было оперативно реагировать, чтобы банды не ушли.

– Это да, свили они тут гнезда. До сих пор чистим. Вон, даже армейцев привлечь пришлось. Правда, для второй линии.

– Агента взяли?

– Взяли, – поморщился Немцов. – Только ранили серьезно, сейчас в военном госпитале оперируют. Его там два десятка опытных вояк охраняло. Дрались до конца. Мы трех потеряли, пока не подавили сопротивление.

Отойдя от коня, старший лейтенант подошел к повозке, взял пучок свежесрезанной травы, с удивлением посмотрел на слишком большую горку сена и нагло закопался в нем. Заметив, что он поднимает за ствол оружие, я рванул к нему и, ухватив за приклад, захрипел:

– Мое-е!

– Куда тебе противотанковое ружье, лишенец?! – возмутился он, не отпуская. Но тут до него дошла глупость ситуации – на нас смотрели бойцы, смешков не было, но некоторые торопливо отворачивались, и он отпустил ствол. Почти сразу я закопал ПТР обратно, навалив сверху еще травы.

– Куда-куда, – проворчал я, осторожно как бы ненароком оттирая Немцова от повозки. – Агент же ясно сказал, что в июне будет война. Немцы нападут. Хотели напасть в конце мая, но у них мало боеприпасов было подвезено для ствольной артиллерии. Вот и увеличили срок еще на несколько недель. В середине июня, говорил, должны напасть. Вы что, с ним не говорили?

– Откуда? Я с того хутора еще в два заехал и только уже потом к вам. Еле нашли. Но ориентир с этим камнем хорош. С Рогозовым по телефону беседовал, но сам понимаешь, на такие темы не поговоришь.

– Это да, – согласился я.

– Парень ты, как я успел определить, надежный... Слухи о начале войны бродят среди комсостава армии и ГБ. Сам думаю, что война вполне может быть. Рапорты наверх были отправлены, пока молчок. Сам понимаешь, больше ничего мы сделать не сможем. Если только агент заговорит, но не думаю, что наше руководство ему поверит.

Поняв, что сказал лишнее, Немцов сменил тему:

– Что там у тебя кроме ружья?

– Да по мелочи. Головин в курсе. Кроме ПТР немецкая снайперская винтовка, ручной пулемет «браунинг»...

– Тысяча девятьсот двадцать восьмой? – перебив, спросил меня гэбэшник.

– Да, он. Еще автомат «Суоми», ну и боеприпасы для всего этого.

– Солидное и разнообразное оружие для разных задач. Но все-таки ПТР-то тебе зачем?!

– Немцы, война, чем я технику у них жечь буду?

– Думаешь, дойдут досюда?

– Думаю, и до Киева дойдут.

– Ты кому другому такое не скажи. Ладно, начальство разрешило занять тебе такой арсенал, но неофициально. Если что, мы не в курсе. Ясно?

– Конечно. Что я, без понятия?

– Пока непонятно. Тем более если не тут, в другом месте найдешь. С твоим шилом в заднице это нетрудно... Рапорт написал?

– Да, он у сержанта.

– Может, возьмешь напарника, или лучше двух?

– Анекдот такой есть. Один хохол – партизан, два хохла – партизанский отряд. Три хохла – партизанский отряд с предателем. Одному проще, доверяю я только себе.

– Ладно, планы у тебя есть какие?

- Да, иду к Ковелю. Там леса обширные, поохочусь.
- Не советую, это уже не совсем наша зона ответственности.
- А тут что делать? После сегодняшнего все бандиты сидят по своим ухоронкам и дрожат.

Всех зверей распугали, охотнички.

Невольно хохотнув, Немцов посоветовал все-таки покататься недалеко от Луцка и так сильно не нарушать законы Советского Союза, а то ведь в другой раз могут и не успеть прикрыть. Законы-то тут стро-огие. А меня особо не назовешь законопослушным гражданином, как будто война для меня уже началась. Так она и началась, еще тогда, когда я очнулся в этом теле. М-да.

Обещал подумать. Пусть думает, что я где-то тут, а я рвану в леса. В том районе они обширные, есть где разгуляться. Нет, все-таки хорошо, что начальство так включилось в работу с этим делом, что им стало не до меня, вот и воспользуемся этим.

Немцов ушел инспектировать бункер – его решили уничтожить, вывезя все имущество, а я спокойно запряг Красавца и, не забыв прихватить Шмеля – он спал на своей подстилке под повозкой, – поехал искать место для лагеря. Стемнеет через час, следует поторопиться. Подумав, я решил править на место своей прошлой стоянки. А что искать новое, если есть хорошо известное старое?

* * *

Верхушка старого коренастого дуба покачивалась в такт порывам ветра, чувствовалось приближение непогоды, однако меня это не особо волновало. Я находился на высоте шести метров, и тут покачивание ствола не особо чувствовалось. Приложившись щекой к прикладу, я посмотрел в оптический прицел. С той стороны оптики картинка передавалась наиинтереснейшая. На лесной хутор заехали две телеги, набитые крепкими такими молодцами. Вооруженными, естественно, молодцами.

– А вот это уже любопытно, – пробормотал я, заметив, как со второй телеги, как мешок с картошкой, сбросили тело со связанными руками и в синей милицмейской форме.

За последний месяц, с того дня как оставил Немцова у бункера, я успел измениться. Нет, внутренне все так же ненавидел этих националистов, а охотился я в основном на них, но вот отношение к представителям Советской власти, да и вообще к гражданам этого государства, изменилось. Они стали для меня... своими, что ли? Ранее я мог спокойно наблюдать, как там пристрелили русского. Ну, убили и убили, мне-то что, русского же убили. А сейчас нет, уже чувствуется боль в груди и подкрадывалась мысль: «Да они нашего убили! Ах они... урою!» – и так далее. То есть я становился местным, и советские граждане уже не вызвали такого отторжения, как раньше: они сами по себе, я сам. Поэтому появление связанного милиционера подстегнуло мое решение на отстрел.

Мгновенный анализ ситуации выдал мне результат. Нельзя им дать возможность скрыться с сотрудником милиции среди построек. Мое преимущество в открытой местности.

Наведя прицел на молодчиков, я нашел цель для стрельбы так, чтобы пуля, пройдя первого, обязательно зацепила второго, что стоит за ним. Поговорку помните про двух зайцев? Эти зайцы от меня не ушли. Я уже не в первый раз пользуюсь подобной уловкой, была пара сбоев в начале работы в этих лесах, но с опытом приходило и понимание, как лучше действовать. Я стал настоящим егерем. Теория получила богатейшую ежедневную практику.

Винтовка сильно толкнула меня в плечо, и я, не отрываясь от прицела, отслеживал все перемещения бандитов. Не глядя передернул затвор, досылая новый патрон. Штатная снайперская винтовка Маузера вермахта за этот месяц ни разу не подвела меня. Жаль, что патроны для нее подходили к концу. Тут требовались специальные, и так уже начал переходить на обычные для пехотных карабинов.

Второй выстрел. Пуля попала в грудь здорового, кряжистого бородатого мужика, что открывал рот, чтобы заорать, отдавая приказы. Даже после второго выстрела бандиты еще не сообразили, что их убивают, звук моего выстрела глушился деревьями, но вот этот второй успел связать нестрашный и далекий хлопок и то, что начали оседать на землю два его дружка.

Третий выстрел – в спину идущему к хате мужчине. Его движения и осанка выдавали опытного бойца. Вот когда последовал четвертый выстрел и упал орущий пятый бандит, зажимая раздробленное колено, остальные мгновенно разбежались по постройкам, и я удержался от пятого и последнего выстрела. Целей в зоне видимости не было.

Во дворе бесновалась собака, даже до меня изредка с порывами ветра доносился ее лай. Бандиты вряд ли могли определить, откуда стреляют. Позицию эту я нашел еще два дня назад и успел оборудовать. Этот дуб находился в шестидесяти метрах от опушки в глубине леса. Деревья здесь расступались небольшой прогалиной, что позволяло мне фактически стрелять из глубины леса. Можно сказать, природный глушитель. До самого хутора было едва триста метров, но из-за ветра я стрелял на пределе своих возможностей. Конечно, за этот месяц у меня была богатейшая практика. Даже из миномета пришлось пострелять, выпустив последние десять мин, и притопить его в болоте. Как бы то ни было, стрельба была удачной. При первом выстреле я надеялся хотя бы ранить второго молодчика, но оказалось, обоих положил наповал. За четыре секунды я выпустил четыре пули. Из пяти бандитов только один был жив, но и выстрел был специальный. Вдруг кто попадется на эту детскую уловку и кинется на помощь?

Пользуясь возможностью, я, не отрываясь от прицела, стал по одному подавать патроны в винтовку. Жаль, что эту снайперку нельзя заряжать обоймами, прицел мешает, только по одному патрону.

Пока перезаряжался, ситуация на хуторе не изменилась. Продолжали создавать звуковую какофонию собака и раненый бандит, и полная пустота на территории. Разве что только связанный милиционер пошевелился и подтянул к животу колени, свернувшись калачиком. Я думал, это было неосознанное движение, но как оказалось, как раз оно и было осознанным. Перевернувшись на живот, он встал на колени и, пошатываясь, уже на ноги, после чего, спотыкаясь на ровном месте и шатаясь из стороны в сторону, направился к выходу с хутора. На миг переведя прицел на него, я пора зился – вместо лица у него была окровавленная маска. Бандиты превратили его в отбивную. Судя по движению милиционера, он поставил себе цель дойти до леса и ни на что больше не обращал внимания, перейдя в режим автопилота.

Вернувшись к хутору, я заметил выглядывающего из-за угла бандита. Он как раз поднимал винтовку, вскидывая ее к плечу. Чтобы определить скорость и направление ветра, я использовал флюгер на крыше хаты. Поэтому, мгновенно мысленно сделав поправку, выстрелил. Пуля попала бандиту в плечо. Он упал и быстро откатился под защиту сарая. Винтовка осталась лежать на виду.

После этого я стал выпускать пулю за пулей в те места, где могли укрываться бандиты. Один раз мне повезло, мелькнула рука, когда я насквозь прострелил дощатую стенку сарая. Видимо, зацепил кого-то.

Перезарядив винтовку, я убедился, что милиционер скрылся на дороге, зайдя в лес. Потом с сожалением, что на эту уловку никто не попался, выстрелил в раненого молодчика, прострелив ему вторую ногу. Тот снова заорал, собака завторила. Но бандиты опять не отреагировали. Свои трусливые жизни они ценили куда больше, чем товарища. Выб. ки националистические. Вдохнув, я двумя выстрелами добил раненого, после чего, топориком перерубив веревку, что держала ствол винтовки прижатым к дереву, начал шустро спускаться. Внизу я подобрал вещмешок и быстро побежал наперерез милиционеру. Вряд ли он в таком состоянии далеко уйдет. Сейчас он пер на адреналине, но я уверен, что скоро свалится. Нужно было найти его до этого мо мента.

Преследования бандитов я не боялся. За месяц столько раз встречался с ними, что понял: людей с характерами среди них нет. Не пойдут они за мной. Более того, уверен, что их и на хуторе уже нет, они, пуская газы, бегут куда подальше. Те, кто выжил, естественно. Наверняка даже о раненых не вспомнят. На моей памяти только один раз я видел, как националист, убегая, пытался помочь раненому, неся его на закорках, но потом выяснилось, что это был его брат. Я это определил по лицам, когда проводил контроль. Очень они были похожи.

Выбежав на дорогу, я скинул вещмешок и положил на него винтовку. Появляться в таком виде перед сотрудником милиции не следует, и так уже две недели идут слухи о лешем, что гнобит бандитов и оуновцев. Деревенских, что случайно встречаются, я не трогаю, вот и пошли слухи.

Стянув шкуру лешего, а на самом деле самодельный маскировочный костюм, я скатал его в тюк и прикрепил к сидору. После чего закинул последний за спину, накинув лямки на плечи, и, подхватив винтовку, побежал по дороге. Свежие следы показывали, что милиционер тут уже прошел. Теперь с виду я напоминал обычного солдата-первогодку. Танковый комбинезон, тот самый стираный-перестираный до белизны, и старая пилотка со звездочкой, чтобы показать, что я свой. Часто этой маскировкой пользуюсь, еще ни разу не подвела.

Милиционера нашел я быстро, тот стоял за вторым поворотом, покачиваясь. Похоже, силы покидали его. Но и так неплохо, он смог уйти от хутора почти на километр.

– Товарищ милиционер, товарищ милиционер, вам помочь? – спросил я, подбегая и таким образом сообщая, что я свой, советский.

Тот стал медленно поворачиваться, чтобы взглянуть на меня одним глазом. Второй уже запыл.

– Помогхи... – прохрипел он и начал заваливаться на спину.

Я едва-едва успел подхватить его. Уложив милиционера на бок, я достал штык из ножен на поясе и тремя движениями срезал веревки, освобождая руки. После чего, отстегнув флягу, плеснул сперва на лицо, смывая кровь, потом приподнял голову и стал его поить. Сержант, как я определил по заляпанным кровью петлицам, очнулся и стал жадно, хватая вместе с водой воздух, пить.

– Ну все, все, хватит. Минут через десять можно еще, – сказал я, убирая флягу на место. После чего стал ощупывать ноги, руки и тело сержанта, пытаюсь определить степень повреждений.

Побит тот был изрядно, перелом руки, трех ребер, еще в одном вроде трещина, мягкие ткани чуть не в холодец превращены. Лицо его может спасти только пластическая хирургия. Нос, мне кажется, ему отрубили ножом. Не весь, кончик, но все же.

– Идти можешь? – спросил я у него.

– Смогу, – осторожно кивнул тот, без особого интереса наблюдая за моими манипуляциями. Сейчас на него навалилась апатия. Знакомое чувство. Ничего, пока идем, оклемается. Я сбегал в лес и, срезав кусок коры, вернулся, наложил лубок на сломанную руку, потом сделал косынку, после чего осторожно помог встать и повел по лесной дороге. Тут через два ответвления будет достаточно наезженная трасса, где часто ездят армейские машины. Не в одиночку, естественно, это смерти подобно, – колоннами. Конечно, местные банды оуновские я проредил, но нападения еще случаются.

Так-то с бандитами лицом к лицу в бою я не встречался, моя тактика удар-отскок всегда приносила плоды. Только трижды я использовал фугасы и самодельные МОНки для уничтожения крупных отрядов по полученной заранее информации. В двух случаях успех ошеломляющий, в третьем те прошли по другой дороге, пришлось все снимать и использовать уже не так массово. А в основном я обстреливал, как на этом хуторе, бандитов. Шесть раз так делал, и ни разу раненого из-под огня никто не вытащил. Приходилось добивать.

Сержант в очередной раз споткнулся, и я поддержал его. Идти через лес, чтобы немного срезать, я посчитал бессмысленным. Сержант на дороге часто спотыкался, а в лесу постоянно будет падать и меня тянуть. И так его уже трижды еле-еле удержал, а не то свалились бы оба.

Через километр мы передохнули. Я снова напоил сержанта, отдав последние капли воды. После чего, снова подставив плечо, повел дальше. Дошли все-таки. Когда я увидел впереди просвет, то даже прибавил шаг.

– Потерпи, браток, немного осталось. Сейчас армейцев тормознем, и в госпиталь. А там белые простыни, врачи и медсестры с большими сиськами.

– Точно с большими? – почти сразу среагировал сержант.

«Ого, да ты ходок, братишка!» – мысленно усмехнулся я, но ответил серьезным голосом:

– Точно.

Мы вышли к трассе, и я посадил сержанта на траву, укрыв за кустарником, а сам вышел на дорогу. При приближении я слышал шум моторов, но когда мы дошли, шум уже стих, колонна проехала. Поэтому, выйдя на дорогу, я посмотрел на противоположную обочину, до которой было метров двадцать, и к которой очень близко подходил лес, и вздохнул. Следы свежие, но машин не было.

Вдруг из-за поворота послышался шум мотора, и, пыля, вылетела полуторка, у которой на скорости хлопал брезент на крытом кузове. Подняв обе руки, я стал опускать их и поднимать, прося остановиться. Судя по красноармейцу-водителю и командиру рядом, это были армейцы. Скорее всего, они отстали от той колонны, что только что прошла.

Видя, что те из-за опасения попасть в засаду даже не пытаются остановиться, я вышел на дорогу, преграждая им путь. Водитель не выдержал и нажал на тормоза. С легким юзом машина встала.

– В чем дело? – открыв дверцу и встав на ступеньку, спросил военинтендант, мужчина лет тридцати на вид.

– Отвезите раненого в госпиталь. Милиционера у бандитов отбили, побит он сильно, – попросил я и кратко описал ситуацию.

Интендант был готов к бою. Кобура расстегнута, рука на рукоятке пистолета, глаза шарят по обочине, водитель держит в руках карабин. На мою винтовку, что висела за спиной, они посмотрели мельком, но все равно движения мои контролировали.

– Ищенко, посмотри, – велел интендант водителю.

Тот осторожно покинул машину и, держа в руках карабин, отошел от тихо порывающего мотором грузовичка.

– Туда, – показал я и повел за собой.

Водитель сперва шел с недоверчивым видом, но заметив лежавшего на траве сержанта – тот, похоже, опять вырубился – закинул карабин на плечо и, подбежав, захлопотал над ним, причитая. Мы подняли сержанта, отчего он очнулся от боли в ребрах и застонал. Подбежавший на помощь интендант пробормотал, повторяя мои слова:

– Потерпи, браток, сейчас еще намного, и в госпиталь тебя отвезем. Он тут недалеко, медсанбат танковой дивизии.

Только мы вернулись на дорогу, из-за поворота снова донесся рев моторов тяжело нагруженных машин, и появилась очередная колонна из трех «ЗИСов».

Водитель передней машины сразу сообразил, что происходит, и, притормозив, остановил грузовик, после чего побежал нам на помощь, так что мы осторожно погрузили сержанта в полупустой кузов полуторки. Судя по пачкам газет и мешкам, везли они почту. Интендант залез следом, придерживая голову милиционера, тот опять впал в забытие.

– Что произошло? – подошел командир головной машины колонны, водитель которой нам помог. Сейчас он оттирал руки, что запачкал в крови. Видимо, рана на руке сержанта опять открылась.

– Бандиты взяли в плен милиционера, избивали его, мучили, – спокойно ответил я. – Нашему отряду удалось его отбить. Остальные ушли преследовать их дальше, а мне поручили отвести до дороги и посадить в машину. К информации, два бандита были ранены, у одного пулевое ранение в левое плечо, какое у второго, мне неизвестно. Если кто обратится к врачам с подобными ранениями, то они могут быть причастны к нападению на представителя советской власти.

– Понятно.

– Что за подразделение? – спросил командир. В его петлицах были кубари старшего лейтенанта и эмблемы артиллериста.

– Отдельное противодиверсионное подразделение Луцкого отдела НКВД.

– Документы имеются? – поинтересовался артиллерист.

– Ну конечно имеются, – вздохнул я и полез во внутренний карман.

Тот изучил бумаги, после чего козырнул и, вернув мне документ, отдал приказ двигаться. Через несколько секунд колонна теперь уже из четырех машин двинулась дальше.

– Надеюсь, сержант, что тебя довезут живым, – пробормотал я и, развернувшись, скрылся в лесу.

До разбитого мной лагеря по прямой было бежать километров двенадцать, но я сделал небольшой крюк, чтобы набрать воды. Фляга-то была пуста. Родничок бил прямо из-под корней дуба, и вода в нем была на изумление вкусной.

Как бы то ни было, за час до темноты я добежал до небольшой лесной поляны. Эта поляна находилась в трех километрах от окраины лесного массива, что раскинулся на семьдесят километров. Это был уже мой шестой лагерь за этот месяц. Я часто менял место проживания, чтобы меня не прихватили.

За сто метров до опушки я сбросил скорость и дальше уже крался сторожась. Эту поляну я занимал вот уже семь дней. Уж больно удобная для стоянки, но и ее могли вычислить, поэтому-то и я выполнял некоторые меры безопасности. Как оказалось сегодня, я проверялся не зря. На поляне были чужие.

Достав из чехла бинокль, я рассмотрел гостя, хмыкнул, спокойно вышел на поляну, положив винтовку на сгиб руки, и неторопливо направился к замаскированному на противоположной стороне лагерю. Моему, естественно, не гостя.

Под деревьями стояла моя повозка, был натянут брезент от дождя, вырыта яма для костра – в общем, обычный лагерь. Разве что только старая маскировочная сеть не вписывалась в этот образ. Красавец пасся стреноженный на поляне, и, проходя мимо, я не забыл потрепать его по гриве. Тот ласку принял с благодарностью. Мы подружились, так что он уже считал меня своим хозяином. При приближении из-под телеги выкатился Шмель и подскочил ко мне, радостно бросаясь под ноги и тоже напрашиваясь на ласку. В сторону гостя он только глухо рычал. Больше двухмесячный щенок сделать не мог. Но и это хлеб, не зря я с ним занимался.

– Вот уж кого я тут встретить не ожидал, так это вас, товарищ младший лейтенант, – сказал я, подходя к гостю.

Тот на рукопожатие ответил спокойно, только поправил меня:

– Уже две недели как лейтенант госбезопасности.

Да, передо мной стоял мой старый знакомый по Луцкому отделу НКВД лейтенант Васильев. Только был он в этот раз не в форме, а в обычной, я бы сказал, городской одежде, которая больше пристала рабочему заводу, чем молодому сотруднику органов. Вот только в лесу она смотрелась не очень.

– Что же такое случилось, что столь занятой сотрудник конторы сорвался вдруг с места и оказался в этом диком, наполненном опасностями лесу? – спросил я, снимая сидор, и тут же добавил: – Чай, кофе? Или каши с мясом? У меня осталась утешная.

– Давай кофе... Подожди, у тебя что, кофе есть?!

– Аргентинский, – кивнул я, прислоняя винтовку к стволу сосны. – А так у нас как в аптеке – все есть. Даже виноград. Случайно встретился с крестьянами, что перевозили продукты для немецкого офицера-наблюдателя.

Лейтенант насторожился:

– Что с ними?

– Крестьяне подорвались. Случайно наехали на мину, а резидент вдруг споткнулся и, скатившись с обрыва, трижды выстрелил себе в голову.

– А доставить его к нам живым не мог?

– Да не мог, – скривился я. – Этот придурок действительно с обрыва упал, вот я со злости ему очередь в голову и выпустил. Меня от полноценного захвата его охрана отвлекала, пока срезал обоих, тот и сорвался. Чуть не ушел.

– Подожди-подожди, – начал Васильев припоминать что-то. – Это случайно не четыре дня назад было возле военного аэродрома? По описанию подходит. Охрана услышала стрельбу и обнаружила трех убитых.

– Ну да, у истребительного полка.

– Бумаги у него какие были?

– Да, вон там в тайнике спрятаны.

– Где?

Подойдя, я убрал кусок дерна в сторону, показав один из тайников.

– Как ты понимаешь, прибыл я не просто так, – сказал Васильев, изучая документы и карты.

– А то ж, хотелось бы выслушать о причинах, побудивших...

– Хватит ерничать, а? Я тебе серьезно, а ты все свое.

– Да ладно. Слушаю.

– Первым делом хотелось бы знать о причинах твоей пропажи. Почему не сообщаем о себе, не поддерживаем связь?

– А смысл? У меня пока все нормально. Нужды не было, – ответил я, снимая с повозки канистру и наполняя ведро Красавца водой. Все на этой поляне хорошо, но вот источников не было. Наверняка из-за этого меня так поздно и нашли. Искали там, где были источники воды, а я бегал к ручью, что протекал по дну глубокого врага, с канистрами три километра по лесу. Дополнительная тренировка мне была не в тягость.

– Ты не забыл, что числишься сотрудником НКВД?

– Чего?! – удивился я.

– Ну, в смысле внештатным сотрудником, – поморщился Васильев, снова занимая чурбачок, который я возил с собой и использовал для колки дров, а также вместо табуретки. Полученные документы он убрал за пазуху. – Ты меня понял.

– Тогда и я напомним. У нас сотрудничество. Вы мне не работодатели.

– А охоту ты на местных бандитов ведешь от себя, да? Ты не подумал о том, что ты можешь нас так подставить? Законы Советского Союза для тебя уже ничто?

– Лейтенант, иди на хрен, есть доказательства моей какой-либо противоправной деятельности, так говори. Не надо пустого сотрясения воздуха, – сказал я и, подхватив ведро, понес его Красавцу. Тот явно мучился от жажды и наверняка мысленно ругал непутевого хозяина, который бросает его на такое долгое время. И так уже дважды ржал, напоминая о себе.

Когда я вернулся, лейтенант, который привел мысли в порядок, сказал:

– Хорошо. Как ты мне объяснишь, что через четыре дня после того, как ты перебрался в этот лес, вдруг загремели взрывы? Когда прибыла тревожная группа, то на лесной полузаброшенной дороге обнаружили пять десятков трупов. Как сообщили специалисты-взрывотехники, дорога была заминирована. Только мины находились не на дороге, а на обочине и, что совсем

удивительно, на деревьях. Все они были буквально напичканы разным... поражающим элементом? Кажется, ты именно так когда-то говорил?

– Вполне возможно, – неопределенно кивнул я, продолжая заниматься обустройством лагеря. Сейчас, например, раскалывал полешко на щепки для костра.

Мысленно же улыбался. Эта акция действительно была на мне. Буквально на следующий по прибытии день я взял трех олухов-оуновцев и телегу с лошады, которую потом продал в деревеньке. Но не в этом суть. Те сообщили, что скоро должен был выйти крупный отряд в шестьдесят, а то и семьдесят человек для какой-то акции, вроде как собирались обстрелять одну из воинских частей. Тогда следующий день пролетел в дикой спешке, я подготавливал взрывчатые вещества, МОНки одним словом, благо заготовки у меня были. Подрыв, естественно, осуществлялся польскими электродетонаторами. Их я набрал вместе с двумя ящиками взрывчатки в том самом бункере.

Где пойдет банда, я знал. Они должны были дойти до хутора Кривого Луки и повернуть на запад, вот эту дорогу я и заминировал. Едва успел закончить маскировку. Ну, а когда те вошли в зону поражения, с помощью аккумулятора одновременно подорвал все заряды. Банду просто снесло с дороги. Единственные, кто уцелел и смог уйти, это разведчики. С остальными я провел контроль.

– Что самое интересное, – продолжал говорить Васильев, – к каждому подошли и выстрелили в голову. С учетом точно таких же твоих действий в бункере, это очень странное совпадение.

– Это все? – поинтересовался я, раздувая костер.

– С того дня в лесу начали греметь взрывы, гореть хутора и некоторые дома в деревнях. Участковый одной из них поминал парнишку, что заходил к ним до этого. В крестьянской одежде. Молочка ему, видишь ли, захотелось.

– И что, много расстроенных этими странностями?

– Да нет, некоторые наши коллеги расцеловать этого героя готовы. За это время резко снизилось количество нападений на воинские части и одиночные машины. Но вот не знают, кто он, и все тут.

– Печаль для героя, – в унисон с его грустью вздохнул я.

– Так ты насчет всего этого ничего мне не хочешь сказать?

– Ты факты, факты давай. Есть доказательства моего в этом участия? За руку поймали? Нет, вот и разговора об этом нет. Говори честно, чего пришел?

– Это я его попросил... Женя.

Стремительно обернувшись, я посмотрел на Немцова. Так же одетого в гражданскую одежду, как и Васильев.

– Анатолий Гаврилович?! Какого хрена вы тут делаете?.. – вырвалось у меня. Опустив пистолет, я сердито добавил: – То есть я хотел спросить, что вы тут делаете?

– Разговор есть, Михайло, разговор. Хватит тебе затворничать и местных жителей лешим пугать. Наигрался, и хватит. И так еле-еле тебя нашли. Думали, уж сгинул наш герой, а нет, то тут, то там пошли слухи о юноше в комбинезоне танкиста. Странное совпадение, не так ли? За четыре дня мы тебя нашли.

– Ну, я особо и не играл, так, выполнял свою задачу.

– И какая же у тебя была задача? – согнав Васильева с чурбака, спросил Немцов.

– Уничтожить сто бандитов и отомстить за отца.

– Мне кажется, ты перевыполнил этот план.

– Ну-у...

Немцов даже не предполагал, насколько я его перевыполнил. Я его переперевыполнил. По моим последним подсчетам, количество уничтоженных оуновцев и другой швали давно перевалило за две сотни и приближалось к двумстам пятидесяти. Хотя почему приближалось –

если сегодняшних подсчитать, то даже на одного перевыполнил. Но вот сидевшим передо мной энкавэдэшникам знать это было необязательно. За каждого члена моей семьи по сотне боевиков. Еще сорок девять, и все... можно мстить дальше без счета. Эти триста были просто планкой, до которой я упорно шел. Но уничтожать националистов я на этом не прекращаю.

– Не надоело тебе тут? – спросил Немцов.

– Да нет, мне тут нравится. Живу на природе, приключения какие-никакие.

– А ты похудел. И раньше полнотой не отличался, а сейчас совсем высох.

– Пробежки, товарищ капитан, творят чудеса. Особенно по десятку километров каждый день да с грузом по двадцать килограмм на плечах.

Лейтенант смотрел, как я ставлю на костерок закопченный чайник и насыпаю в жестяные кружки кофе.

– Сахар сами берите, колотый он у меня.

Пока мои гости пили кофе, закусывая его немецкими галетами, я их разглядывал. Немцов немного изменился. Совсем чуть-чуть, но появилась у него такая жилка начальника. Похоже, в луцком отделе произошли перемены. Нужно провести разведку.

– Как там Олег Андреевич, все еще сидит в своем кабинете? – спросил я, искоса посмотрев, как Васильев изучает срок изготовления галет. Свежие они были, месяца нет. Трофей.

– Я думал, ты уже не поинтересуешься. Капитану Rogozov было присвоено внеочередное звание, и он сейчас в Киеве, замом Самого работает. А я на его место поставлен, тоже мимо звания не пролетел. Ты-то сбежал, а мы все тобой устроенное расхлебывали. Правда, и благодарности на нас посыпались, как из рога изобилия. По приказу майора Rogozov, внештатному сотруднику Михайло Москалю была вынесена устная благодарность за службу на благо Родины. Так что передаю тебе благодарность.

Я молча кивнул, принимая. Хотя она мне была нужна, как... Не нужна, одним словом, но вот в будущем воспользоваться некоторыми благами можно. Подумаем.

– Теперь по тебе. Сам понимаешь, пока ты тут, скажем так, занимался работой на благо Родины, воюя с отщепенцами, к нам обратились с просьбой. Она поступила от местных ребят. Неделю назад пропал взвод красноармейцев – отправились на лесозаготовки и сгинули. Обширные поиски целым полком ничего не дали. Потом пропал отряд НКВД, семь человек. Тоже как сгинул в этом лесу. Есть подозрение, что в наших рядах предатель. Мы пока их ищем, а ты как сторонний наблюдатель проедешь в тот лесной район, где пропали армейцы и наши, и проведешь собственное расследование. Ведь, как мне сообщили мои люди, для тебя лес, набитый бандитами, как дом родной. Так что?

– Только когда комар садится на твои яйца, ты понимаешь, что всегда есть путь решить проблему без применения силы... Предложение интересное. Тем более пора менять место дислокации. Разворошил я местное гнездо, и меня уже начали искать. Сегодня бандиты милиционера захватили. Как раз про меня и спрашивали. Он мне сам сказал. Ищут меня, наступил я им на родную мозоль.

– Что с милиционером?

– Отбил и передал армейцам, те должны довести его до госпиталя. Пришлось документами светить.

– Значит, согласен поучаствовать в этой акции?

– Согласен, только смысла не вижу. Они все мертвы.

– Подожди, до этого района сорок километров сплошных лесов. Откуда ты узнал?

– Ну, я работаю километров на двадцать от лагеря, это так, далеко стараюсь не уходить, но вот ветер нашептал, что там произошло. Очень информированный ветер оказался.

– Ты посмотри, лейтенант, какие у нас сотрудники внештатные, уже с ветрами разговаривают и, главное, ведь информацию получают! – обратился Немцов к Васильеву.

– А что тут такого? Ну досталась оуновцу фамилия Ветер, что в этом странного? – удивился я.

Оправившись от удивления, Немцов спросил:

– С этим Ветром поговорить можно?

– Улетел он.

– Может, хватит?! – стукнув себя по колену, спросил Немцов.

– Да правда улетел. Оказывается, если наклонить конем сосну, сила сгиба дерева играет роль пружины. В общем, верхняя часть по пояс улетела, остальная осталась на земле.

– Что ты с ним сделал?

– Пальцем не тронул, клянусь, – честно ответил я. – Просто когда дружки его нашли, то из двух веревок перерезали не ту, вот его и... раскидало. А так он жив был.

– А если бы перерезали другую веревку? – спросил Васильев.

– Да то же самое было бы, – равнодушно ответил я. – Та, что требовалось перерезать, в траве была замаскирована.

– Что этот Ветер еще нашептал?

– Армейцев послали на убой. Вместо того чтобы их нормально вооружить, отправляя на лесозаготовки, дали вооружения всего на одно отделение и по пять патронов. Причем ротный настаивал на полном вооружении. А политрук надавил своей должностью и заявил, что советским воином нечего бояться на своей земле. Вот и отправили взвод почти безоружным. Ладно хоть для одного отделения вооружение командир продал. Теперь, после пропажи подразделения с взводным, этого ротного под суд, а политрук вроде как ни при чем, он за него не отвечает.

– Ну, тут еще разобраться надо, политрука этого застрелили. Пуля в висок попала. Из леса стреляли.

– Повезло мерзавцу, или следы подчищали? Может, этот политрук и сдал подразделение.

– Ты про бойцов и наших сотрудников говори.

– Да что там говорить? Армейцев почти всех в плен взяли. Троих только при сопротивлении убили. Заставили снять форму, она и была их целью, а потом по очереди закололи штыками. Трупы закопали. А про наших могу сказать, что расстреляли их из засады и также замаскировали следы боя. Интересно, какой идиот их в лес послал всемером?

– Искали предателя в своих рядах, об отправке этого подразделения знали всего шестеро. Проверка показала, предателя среди них нет. Но подразделение назад не вернулось, как сгинули.

– Есть, – покачал я головой. – Этот Ветер был участником обеих акций, и в обоих случаях до них заранее довели, когда и какое количество советских солдат им ждать. Про наших даже оружие какое описали. Мол, не беспокойтесь, там всего один пулеметчик, его снайпер снимет.

– Черт! – стукнул себя кулаком по колену Немцов. – Тут чуть ли не война на носу, а у нас предатели в рядах.

– А вы тоже в курсе про двадцать второе июня? – заинтересовался я.

– Уже трое перебежчиков от немцев. Все твердят одно и то же. Получается, через шесть дней начнется война. Сколько ни отправлял рапортов наверх, всегда один ответ: информация проверяется. Не поддаваться на провокации.

– Да уж, начальство в своем репертуаре, – презрительно скривил я губы. – Ладно, когда намечается акция?

– Да что уж теперь, если наших в живых нет, – вздохнул Немцов.

– Но остались те, кто участвовал в уничтожении наших. А я знаю, где они укрываются и прячут снятую форму и оружие, – лениво выдал я.

Вообще-то эту информацию я приберегал себе. Сам через сутки хотел сниматься и перебираться на тот участок леса, куда и собрался направить меня Немцов.

– Хорошая новость. Но действовать будешь не один. Нам на усиление передали взвод осназа, так что будешь у них проводником. Как, справишься?

– Постараюсь соответствовать, – серьезно кивнул я. – Я там, конечно, не был, но ориентиры со слов допрашиваемых бандитов знаю. Главное – сориентироваться.

– После окончания этой операции чтобы был в Луцке как штык. Доложишься по этому месяцу. Ясно? – вставая с чурбачка, спросил капитан.

– Да.

– Все, свободен.

– Это вы у меня в гостях, – удивился я.

– Извини, не сплю вторые сутки. Поиск предателя в наших рядах взвалили на меня.

– Бывает.

Немцов встал и, посмотрев на меня, сказал:

– Васильев теперь твой куратор. Все подробности операции будешь обговаривать с ним.

– Без проблем, товарищ капитан.

– Ну, все, я надеюсь на тебя, Михайло. Нужно раздавить эту пададь.

– Сделаем, – уверенно ответил я. – Кстати. Почти стемнело, а вам до дороги еще километра три по лесу идти.

– У нас сопровождение, – отмахнулся капитан.

– Восемь человек для леса ничто.

– А ты?

– А я бегаю быстро.

– Как ты их засек?!

– Шумят, – пожал я плечами.

Подошедший Васильев сообщил, у какой деревни он будет завтра к обеду ждать меня с бойцами осназа, и заторопился следом за капитаном.

– Странная ситуация, – вздохнул я и добавил: – Прощай, веселая и беспокойная, но уже привычная жизнь.

Через час, расставив растяжки, я уснул спокойным сном, в ногах у меня тихо посапывал Шмель, а на лугу спал Красавец.

Утром я провел все необходимые операции по разминированию лагеря, убрал семь растяжек, пока на них Шмель не напоролся, и стал заниматься подготовкой к отъезду. Плотно позавтракав и переодевшись под крестьянина, я погрузил последнюю утварь.

Естественно, что в повозке у меня ничего не было. Что я, идиот – хранить оружие и другие ценные вещи вот так открыто? Конечно, при экстренной эвакуации я потеряю время, но проще все бросить и свалить с поляны на пустой повозке, чем на груженной. За вещами и потом можно вернуться, они у меня мало того что спрятаны, так еще и заминированы.

Напоив Красавца – последнюю воду ему вылил из запасов, – впряг коня в повозку и, убедившись, что на месте лагеря ничего не осталось, поехал на противоположную опушку поляны. Там, углубившись в лес метров на тридцать, благо деревья тут расступались, остановил коня у высокой елки, ветви которой склонялись до самой земли. Обезвредив две мины и растяжку, я убрал маску и стал вытаскивать из-под елки ящики с оружием и боеприпасами. Кстати, последних осталось довольно мало. Особенно к пулемету – недельки две тому назад я изрядно пострелял у лесного озера.

А что? Встали лагерем три десятка бандитов, решили искупаться. Совсем страх потеряли, вот я им и врезал. Человек восемь, кажется, тогда ушло. Я с трехсот метров выпустил семь двадцатипатронных магазинов, гася их. У берега вся вода покраснела, и плавали трупы. «Браунинг» хороший пулемет, а когда я к нему прикрепил прицел от снайперской винтовки и пристрелял, вообще на расстоянии четырехсот метров стал идеальным оружием. Дальше стрелять бессмысленно – кучность падала.

Из всего оружия я только пэтээрром не пользовался, кроме пробных стрельб. Не было нужды. Так оно и лежало у меня без работы с тремя стволами, магазинами и коробками с патронами, а их было без малого пятьсот штук. Много места занимают.

Как раз сейчас я грузил эти самые коробки, ПТР уже находилось в повозке. Винтовку я тоже убрал в повозку, а как личное оружие взял «Суоми», финский автомат. Он, конечно, тяжеловат, но на близких расстояниях, как в лесу, просто отличное оружие. Не раз проверял, когда меня гоняли по лесу. Одиннадцать раз гоняли, и все безрезультатно, да еще с такими потерями для бандитов, что те, наверное, до сих пор оправиться не могут. Помню, шестеро гоняли меня дней пять назад, опытные с...и. Я сперва одного из винтовки снял, еще одного, что пытался обойти с фланга, из «парабеллума» с глушителем, потом еще одного. И все это на бегу, петляя из стороны в сторону. Короче, когда их осталось двое, они поняли, что надо убегать, и дальше последовало все то же самое, но уже наоборот. Правда, гонял я их недолго. Банально обогнал и, встав на пути, расстрелял из пистолета, выйдя из-за ствола дерева. Большой дуб был, хорошо скрыл. Но в основном гоняли меня большие группы, так чисто, как с этими шестью, я не уходил. Подстрелю трех-четырех и валяю со всех ног. Редко когда после этого продолжается преследование. Если группа рыхлая, то далеко я не уходил и кусал их из снайперки, если опытные, уходил совсем, ловить там было нечего. Их больше, подстрелят – никто меня не прикроет, не вытащит, не перевяжет, в госпиталь не увезет.

Взяв под уздцы, я вывел Красавца снова на поляну. Тот тянул повозку с некоторым усилием – еще бы, полтонны да еще по мягкой почве. На поляне я дня три назад накопил несколько охапок травы, благо она уже высохла. Так что получившееся сено я закинул в кузов повозки, навалив с полутораметровой горкой. Теперь ящики с оружием и боеприпасами скрыты гарантированно.

После этого я вел Красавца под уздцы по лесу до самой опушки и дороги – местного шоссе. Тут же были поля. Да и дорога укатана, поэтому, выведя повозку на нее, свистнул Шмеля, что носился по обочине, гоняя бабочек, и закинул его на самую верхотуру, где тот устроился с удобством и стал с интересом крутить головой.

Облучок оказался завален сеном, поэтому пришлось освобождать его, и только потом, заняв свое место, я стегнул коня поводьями по спине, давая сигнал к движению.

Катился я не спеша, было жарко и не хотелось сильно утруждать Красавца. Через восемь километров, пропустив на перекрестке очередную моторизованную военную колонну, я свернул с дороги и въехал в деревеньку. Остановившись у колодца, достал из-под сена специально заготовленные пустые канистры для воды и наполнил поилку. Коней часто поить нужно, а в такой зной чуть ли не каждые два часа по ведру. Животина, она тоже пить хочет. Вон, Шмель, как только мы остановились, скатился с сена, шлепнулся на пыльную землю и быстрее Красавца сунул свою морду в поилку. Причем она была достаточно высока, поэтому он еще и на задание лапы встал, пытаясь дотянуться.

Вылив второе ведро в поилку, я стал наполнять канистры. Народу в деревне особо не было, все в полях, так, детишки да живность. Только один раз проехала полуторка с надписью «почта» на борту. После деревушки, вернувшись на дорогу, покатыл дальше.

Фактически я по опушке объезжал тот лес, в котором работал уже больше месяца, однако в этих местах я не был, и увиденное меня поразило. Все было забито военной техникой и воинскими подразделениями. Было много патрулей, но они проверяли только военных, на меня лишь косились. Больше всего их внимание привлекал Шмель, что снова устроился на верхотуре и с интересом рассматривал все вокруг. В одном месте мне пришлось вообще съехать с дороги и гнать в поле – навстречу двигалась колонна танков. Но прятался я не от них, а от той поднятой пыли, что стелилась за ними. Танки были наши, это естественно, Т-26, да два десятка грузовиков. По количеству танков шла рота, десять штук. Хотя тут вроде в ротах другое количество бронированных машин. Надо будет уточнить.

Вернулся на дорогу я спустя полчаса, только когда мелкая пыль немного улеглась, хотя часть до сих пор висела в воздухе.

Ближе к обеду на очередном перекрестке, когда поворачивал налево, в сторону леса, меня остановила девушка-регулирующая. В ладно пригнанной гимнастерке, с карабином за спиной, но с чумазым от пыли лицом она подбежала ко мне и попросила взять попутчиков. Двух командиров.

Те сидели на траве на обочине и явно ждали попутного транспорта, однако на эту дорогу, похоже, давно никто не сворачивал. Судя по следам, часа три назад грузовик проехал да две телеги, но это еще до машины было, утром.

Попутчики мне не мешают, поэтому я спокойно, но с жутким украинским акцентом предупредил, что еду в деревеньку, до которой осталось восемь километров.

– Ой, командирам туда и надо. Спасибо.

Кивнув, я посмотрел, как командиры, закинув наверх чемоданы, помогая друг другу, залезли в повозку, приминая сено. Шмель немного поворчал на гостей, но после того как лейтенант-танкист его погладил, успокоился.

– Мы готовы, – сообщил второй командир.

По знакам различия и эмблемам это были капитан и лейтенант танкисты. Я был в курсе, что в том направлении располагаются лагеря моторизованной части. Видимо, они получили туда назначение и теперь добирались попутками. Форма у них была хоть и слегка запылившейся, но новой.

Ехали мы молча. Вернее, не общаясь. Друг с другом командиры разговаривали свободно, нисколько не стесняясь меня, видимо, подумали, что я русский плохо знаю. К разговору я особо не прислушивался, только понял, что их перевели с Дальнего Востока.

Три километра назад мы въехали под тень деревьев на лесную дорогу и двигались уже по ней. Тишина, пение птиц и легкое поскрипывание груженной повозки навевали на лирический лад. Вон, даже командиры перестали балаболить, проникнувшись величием и красотой леса. На очередном повороте я заметил два «ЗИСа» и бойцов рядом. Васильев стоял в своей форме на обочине и нетерпеливо постукивал срезанной веткой по ноге и голенищу сапога. Заметив меня, он демонстративно задрал рукав френча и постучал по часам.

– Ты что так долго? – возмущенно спросил он, когда я подъехал ближе.

– Ты дороги видел?! – возмутился я. – Хрен проедешь, армейцы одни. Шныряют туда-сюда, как будто им скипидару с сапоги налили. Ладно, хоть посты ни разу не остановили.

– Раньше выезжать надо было... – сразу же отрезал он, поморщившись, когда услышал про посты, и тут же спросил: – А это кто?

– Попутчики. Я так понял, в мотострелковую бригаду к Самсону едут. Пополнение, наверное.

– Документы, – приказал Васильев спустившимся на землю командирам, а мне бросил: – Иди поешь, мы там тебе оставили, и сразу двинем.

– Хорошо.

Набросив поводья на сук, я потрепал Шмеля, прыгавшего вокруг меня, путаясь под ногами, и потопал к грузовикам. Мне навстречу вышел молодой парень лет двадцати пяти в двухцветном комбезе с самозарядкой на плече. Под комбезом был виден френч и петлицы с лейтенантскими кубарями.

– Так вот ты какой, леший? Наслышан-наслышан, – неожиданно улыбнувшись, лейтенант протянул руку: – Леший Игорь Витольдович. Командир взвода.

– Встреча века, два леших познакомились друг с другом, – ответил я, пожимая руку взводному.

– Васильев говорил, что ты никогда не улыбаешься, теперь вижу – это правда, – обернувшись, лейтенант крикнул: – Егор, пайка готова?

– Да.

– Мне с собой, на ходу поем, – сказал я.

– В смысле ты не с нами? – удивился Леший.

– Тут в полукилометре деревенька, там участковый. Встречался с ним один раз. Оставлю у него повозку и вернусь, так мы станем более мобильными.

– Тогда ты его тоже прихвати. Наверняка подотчетные ему территории захватим, – сказал подошедший Васильев. – Хотя подожди. Ты же говорил, что не был тут никогда?

– Я не врал, не был. А с Ковалем познакомился на дороге, он приглашал погостить. Хороший мужик.

– Так-так-так. А вот об этом подробнее. Чую, что-то не договариваешь.

– Ну, есть немного, – нехотя согласился я, подумав, что участкового все равно дотошный Васильев расколет. – Помнишь нападение на машину угро? Там еще кинолог пропал. Вот я и помог его найти. Расстались друзьями.

– Две недели назад сержант Коваль представлен к награде за бой с бандитами и вызволение из плена коллеги, – задумчиво проговорил Васильев. – Теперь понятно, как дело было, не мог этот пожилой участковый восьмерых бандитов перебить, как он утверждал.

– Я попросил не говорить о моем участии, – пожал я плечами. – Да и случайно все было. Подсадил его подвезти до деревни, стрельба впереди, потом машина на обочине расстрелянная. Ну а там дальше дело техники. Догнали их километрах в трех от места засады.

Взводный и подошедший сержант в таком же камуфляже с интересом слушали нас.

– Ясно, потом в Луцке все это подробно доложишь... Аф-ферист. Езжай давай, время не тяни.

– Хорошо, ждите меня здесь, не надо в деревне мелькать, через полчаса я вернусь... Шмель, за мной!

Запрыгнув в повозку, я погнал на приличной скорости по дороге, где догнал военных, бывших попутчиков, что шли с чемоданчиками в руках. Притормозив, я сказал:

– Тут метров через двести будет поворот налево, еще метров четыреста, и ваша часть. Удачи. Кобуры открытыми держите.

– А до этого по-русски плохо говорил, – хмыкнул капитан.

– Служба, – пожал я плечами и стегнул Красавца: – Пошел.

Немцова и Васильева я обманул. Был я тут пять дней назад.

Как раз когда на меня та шестерка надела. Так вот приехал я сюда по одной причине.

Прозвучал выстрел, на прикладе мой винтовке появилась дополнительная зарубка, а тот политрук-ублюдок, что отправил на верную смерть четыре десятка молодых ребят, погиб от случайной пули бандита... как все думают. Похоже, оба командира как раз и направлялись в ту часть, откуда и был пропавший взвод.

Через пять минут я вкатил в деревушку и свернул к большой хате-пятистенку. Повезло, участковый был дома, за огородом в галифе и белой нательной рубашке косил траву на лугу. Встав на ступеньку повозки, чтобы меня было видно над забором, и залихватски свистнув, помахал ему рукой.

Протерев лезвие косы поднятым срезанным пучком травы, участковый, прикрывая ладонью глаза от лучей солнца, посмотрел, кто это, и, узнав, махнул в сторону дома.

Когда он прошел во двор, я уже по-хозяйски загнал повозку, в этом мне помог средний сын участкового, и распрягал Красавца. Кстати, сын участкового меня тоже знал, он ехал с нами и сторожил повозку, пока мы со старшиной бегали по лесу по следам банды и занимались ее уничтожением.

– А говорил, что не встретимся, – прогудел старшина, пожимая мне руку.

– Напомню, я говорил, что вряд ли встретимся.

– Ну, может быть... Навестить решил, в гости?

– Нет. На банду идем, дядь Жень, так что одевайся по форме, бери оружие, и с нами.

– О как, так ты не один?

– Не-е, тут на северной дороге, на той, где мало ездят, две машины с бойцами НКВД стоят. Так на нас только роль проводников, остальное они сами. Я к вам заехал коня со Шмелем оставить.

– Понял, я быстро.

Старшина скрылся в хате, а его сын, Валерка, стал поглаживать Шмеля.

Достав из-под сена разгрузку, набитую пулеметными магазинами, и после этого вытащив сам «браунинг», стал проверять оптический прицел.

Семья Ковалей прибыла с Поволжья для усиления состава милиции на вновь присоединенных территориях и вот уже почти два года как проживает на этих землях Волынской области. Старшина был милиционером боевым, не раз участвовал в облавах и брал местных бандитов и националистов. Пока его не было, я посмотрел на одиннадцатилетнего Валерку – старший сын старшины проходил службу в армии – и велел ему:

– Валер, я на тебя надеюсь. Никто не должен заглядывать под сено. Понял?

– Да, – кивнул тот уверенно.

На крыльцо вышла чем-то опечаленная женщина. Заметив ее, я вежливо поздоровался и с нетерпением стал поглядывать на дверь дома. Я уже собрался. На груди разгрузка, набитая магазинами для пулемета, в нагрудной самодельной кобуре «Вис», две гранаты в специальных чехольчиках и два ножа на поясе.

Наконец появился старшина в полной форме, застегивая на ходу ремень и загоняя складки назад.

– Что, только с одним пистолетиком?! – возмутился я.

– Карабин сдал, замену должен был получить, а так да, только наган остался, – пояснил он.

– Блин! Ладно, дам я замену, но с возвратом.

Прислонив пулемет к борту повозки, я закопался в сене и вынырнул с «Суоми».

– Магазины дисковые или коробчатые?

– А какие лучше?

– Коробчатые. И перезаряжаешься быстрее, и по весу легче, правда, патронов меньше.

– Тогда коробчатые, мне в бой не идти.

– Лады. Держи... Все, побежали, работы на сегодня много.

Старшина топал сапогами по дороге следом за мной. Автомат у него висел на левом плече, разгрузка на правом. Снарядиться нормально он не успел, мы и так опаздывали.

По прибытии на место участковый представился и познакомился с командирами. После чего мы начали совещание. Я выдал адреса трех хуторов, где прятались бандиты после акций и где спрятаны вещи армейцев, а также где они сами прикопаны. Места я здешние не знал, но зато знал мой тезка участковый. Он-то по маршрутам и раскидал, где каждый хутор находится и который из них ближе.

– По машинам! – скомандовал Васильев. – Проводники в первую машину.

Нас с участковым посадили в кузов «ЗИСа», где мы устроились на лавках. Пока ехали, старшина умудрился в толчее и покачивании машины нормально застегнуть разгрузку и даже подогнать ее по себе. Потом придется опять ее под себя переделывать.

Буквально за час мы добрались до первого хутора. Не доезжая, по сигналу старшины – он попросил одного из бойцов постучать по кабине, – взводный отдал приказ на высадку и отправил два отделения охватить хутор с правого и левого фланга, чтобы никто не ушел. Было видно, что осназовцы хорошо тренированы и имеют необходимый опыт, я только завистливо цыкнул зубом, когда они растворились в лесу.

Наконец прозвучал сигнал, и обе машины поехали к хутору. Тут о нашем появлении явно не подозревали, поднялась паника. Но когда мы въехали во двор, ее уже не было, и нас встречал хозяин.

Подскочив к передовому грузовику, он помог Васильеву покинуть кабину, лебезя перед ним.

– Проверка документов, – лениво сообщил Васильев, спускаясь на землю. – Чужие на хуторе есть?

Я уже сообщил информацию, полученную от нацио налиста Ветра, про известные мне тайники на этом хуторе, поэтому бойцы, рассыпавшись, начали проверять постройки, пока поверхностно. Более жестко, с обнаружением тайников, работа пойдет после сигнала Васильева, пока же он во дворе неторопливо беседовал с хозяином. Рядом с ним стоял и участковый, которого хозяин хутора явно знал. Появление участкового в наших рядах явно сняло часть нервозности у хуторянина, видимо, он подумал, что это рядовая проверка, его только вводил в сомнение камуфляж бойцов. Таких он, похоже, еще не видел и, как и остальные домочадцы, с интересом на них поглядывал.

Я же кузов не покидал, а поставив пулемет на кабину, благо сошки присутствовали, с интересом отслеживал все вокруг. Особое внимание уделял отдельно стоявшему амбару у самого леса. Правда, стрелять я в него не собирался. За ним находились бойцы, что окружили хутор. На фиг, еще подстрелю своих. Просто мое внимание сконцентрировалось на этом амбаре по причине того, что именно там и находился тайник, где хранилась форма убитых красноармейцев и сотрудников НКВД. Там же было подземное убежище бандитов.

Про то, для чего эта форма требовалась бандитам, я уже сообщил Васильеву. Она нужна была немецким диверсантом для акций в нашем тылу, поэтому операцию начали с этого хутора.

Амбар проверяли четверо бойцов во главе с сержантом, внутри они находились минут десять, и когда нервозность хуторянина достигла апогея, спокойно вышли наружу и направились к хутору, всем видом показывая, что ничего интересного не обнаружили.

Меня вся эта игра изрядно забавляла, но смотрел я вокруг все равно спокойно. Наконец Васильев убедился, что на хуторе находятся только родственники владельца, и он, с улыбкой посмотрев на хуторянина, спросил:

– Форму сами сдадите, пан Вишковец, или нам ее самим в амбаре поискать? Может, мы еще что найдем?

Метаморфоза с хуторянином произошла разительная, сперва он испуганно присел, но через мгновение расправил плечи и, с ненавистью посмотрев на Васильева, бросился на него. Неизвестно, откуда в его громадной, я бы сказал, лопатообразной ладони появился нож. Лейтенант легко ушел в сторону, дав подножку, и начал помогать участковому и одному из бойцов вязать хуторянина, дав сигнал на начало операции.

После этого бойцы взвода уже нормально действовали. Где вежливо, а где просто отталкивая пытавшихся мешать им домочадцев, они производили полный обыск, в доме даже полы вскрывали. На все это я смотрел спокойно, прозвучала короткая очередь из ППД, но это все было в амбаре. Бандитам, что укрывались в подземной берлоге, давали понять, чтобы они выбирались по-хорошему. Раз стрельба была, значит, бандиты на хуторе присутствуют. Да и один из бойцов подтвердил это. Выглянув в окно хаты, он сообщил, что еды наготовлено на куда большее количество людей, чем находилось во дворе.

Когда из амбара выводили семерых неизвестных в гражданской и полувоенной форме и выносили охапки красноармейской формы, Васильев довольно оскалился – первая операция прошла успешно. Но тут вдруг к лейтенанту подскочила жена хуторянина и попыталась вцепиться ногтями ему в лицо, а когда тот попытался ее утихомирить, от неожиданности загоро-

дившись руками, та взяла и вцепилась ему в ладонь зубами. Судя по прозвучавшему сдавленному шипению Васильева, какие-то зубы у старухи уцелели.

Все как-то замерли, глядя на эту сюрреалистическую картину. Лейтенант пытался оторвать от ладони старуху, а та, опустив руки по швам, тянула его к себе, пытаясь прокусить сильнее. Быстрее всех среагировали я и боец осназа. Он попытался отодрать старуху, а я, прыгнув на пыльную землю и подбежав к пыхтящей тройке, достал свой любимый штык-нож от австрийской винтовки и, просунув клинок между зубами, двумя движениями открыл ей челюсть. Васильев тут же отскочил в сторону, зажимая довольно серьезную рану на руке, а старуха упала и забилась на земле, зажимая руками горло. Из рта у нее пошла кровь.

– Что с ней? – спросил Васильев, пока участковый разматывал брошенный бойцом индивидуальный медицинский пакет.

– Похоже, ранение в горло, – сообщил боец, присев рядом со старухой.

– Наверное, штык слишком глубоко сунул, – с безразличием сообщил я, вытирая лезвие от крови и слюны, когда на мне скрестились взгляды четверых человек. Хуторянина с ненавистью, у остальных с некоторой озадаченностью.

– Нападение на сотрудника при исполнении. Случайность, – сразу же прикрыл меня Васильев, списав все на несчастный случай.

Подойдя к нему, я отстегнул флягу и протянул, предупредив:

– Не больше двух глотков, спирт медицинский, не разбавленный.

Тот сделал два глотка, с трудом удержался от кашля, хотя из глаз брызнули слезы, и позволил полить на рану, зашипев, пока старшина сворачивал из бинта тампон. Отобрав у него материалы, я, быстро накладывая повязку, прокомментировал:

– Вот, товарищ лейтенант, у вас еще одна боевая рана появилась.

Засмеялся сперва участковый, который, открыв планшет, доставал блокнот, потом боец и сам Васильев, только я продолжал с невозмутимым видом бинтовать.

– Взводный идет, – сообщил Васильев, когда я закончил. – Похоже, есть, что доложить.

Обернувшись, я кивнул, соглашаясь:

– Похоже, что так.

Через десять минут мы приступили к допросу пленных бандеровцев или оуновцев, как их тут называли. В смысле, ребята из осназа приступили, а Васильев дирижировал. Я же смотрел на этот театр, встав в проеме двери в амбар. Скажу честно, не фонтан. Расколоть они бандитов раскололи, но сколько времени ушло!

Первая неожиданность была в том, что один из сдавшихся бандитов был идейным вдохновителем оуновцев, можно сказать, лидер тех, кто работал в этой и соседних областях. Естественно, он знал предателя в наших рядах. Все оказалось куда проще, чем предполагал Немцов. Предателя в наших рядах действительно не было, это так. НКВД села Колки располагался в доме бывшего польского дворянина. И в некоторых комнатах находились замаскированные под античную лепнину переговорные трубки. Как, например, в кабинете начальника. Одна из уборщиц ранее работала тут кухаркой, то есть политически была близкой к пролетариату, вот ее и взяли на работу, тем более личное дело было чистым. А та, пылая по своим причинам ненавистью к советской власти, и организовала таким образом сбор информации, передавая ее через племянника оуновцам. То-то нашим вот уже который месяц не везет и они попадают в засады!

Васильев, получив эту информацию, схватил главаря за шиворот и уволок, отдав приказ Лешему продолжать работу по оуновцам. То есть закончить допросы эти и проехать по следующим адресам. Сам же Васильев погрузился с одним отделением на грузовик и усвистал к начальству.

Пока бойцы переговаривались, я подошел к одному из связанных бандитов, вид которого давал понять, что он квелый и, по моему мнению, быстро расколется, присел перед ним на корточки и ласково сказал:

– Твой хозяин сообщил нам, что вы уничтожали подразделения Красной Армии и гражданских. Целью был автотранспорт. Где он сейчас находится и какое там количество техники?

Бросив быстрый взгляд на своих подельников, тот мотнул головой и ничего не сказал.

– Вот ничему вас не учит личный опыт. Видел же, что сейчас делали с вашим главарем, а все равно про свое, – сказал я и, встав, подошел к вилам, прислоненным к стене. Подхватив их, танцующей походкой и слегка напевая я направился обратно. Бойцы и командиры, включая участкового, с интересом следили за моими действиями.

– Я все скажу! – выкрикнул квелый, с ужасом глядя на меня.

– Да теперь это уже не важно, – обходя его, сообщил я и с размаху пригвоздил его ноги к деревянному полу. Через секунду по ушам ударил дикий крик.

– Вопрос – ответ. Где техника, где ваши схроны и где скрываются остальные члены ваших банд?

Всхлипывая, оуновец начал говорить. Один из сержантов, достав тетрадь, записывал, задавая уточняющие вопросы, а мрачный Леший, ухватив меня за рукав куртки, вывел из амбара.

– Васильев был не прав, говоря, что ты не умеешь улыбаться. Сейчас ты это делал, но так, что у меня мороз прошел по коже. Что, свои счета?

– Есть такое дело, – кивнул я, поправляя ремень пулемета на плече.

– Понятно. Значит, так, работать будем вместе, но без фанатизма, понял?

– Да.

– Ребят я предупрежу, проконтролируют тебя. Сейчас этих отправляем в отдел и приступаем к дальнейшим операциям.

– Народу мало, и машина всего одна, – напомнил я.

– Да тут рота НКВД стоит недалеко, с ними же следователи. В работу из-за предателей не выпускали. Сейчас ею нас усилят. Сразу разобьемся на три отряда и будем работать по твоим наводкам. Список составил?

– Сейчас сделаю.

* * *

– Пока, дядь Жень, – пожал я руку участковому. – Валерка, следи за отцом, понял?

– Хорошо, – как взрослый, козырнул пацан.

– К пустой голове руку не прикладывают, – машинально сказал я и направился к запряженной повозке. Остановившись на полдороге, развернулся и подошел к старшине, взмахом руки отправляя пацана подальше. – О скорой войне слышал, дядь Жень?

– Слухи ходят, – настороженно позыркав по сторонам, ответил он.

– Это не слухи, двадцать второго в воскресенье на рассвете они ударят. Так что уходите, информация проверенная. Три дня до начала войны осталось. Тут останетесь – соседи сдадут, и будете висеть на сосне, стучаясь ножкой о ножку. Немцы в плен не берут, они собираются использовать тактику выжженной земли.

Однако участковый упрямо наклонил голову и ответил:

– Я присягу давал. Это та территория, что я должен охранять и обеспечивать безопасность.

– Тогда другой вариант. Отправляй семью куда-нибудь за Волгу, это обязательно, тем более у тебя там родственники. А сам создавай в лесу склады с оружием, продовольствием

и начинай подбирать надежных людей. А эту территорию можно охранять и из леса. Партизанить там...

– Думаешь, немцы досюда дойдут?

– А что тут идти – меньше восьмидесяти километров. Через два дня будут.

– Я подумаю, спасибо за совет.

– Ну, смотри, дядь Жень, все, что мог, я сказал. Пока.

Запрыгнув на облучок, я погладил Шмеля и щелкнул поводьями, давая сигнал к отправке. Хорошо отдохнувший Красавец потянул повозку, и мы выкатили со двора на улицу, после чего к околице деревни. Обернувшись, я встал и помахал хозяевам рукой. Старшина в завернутых до колен галифе и белой рубахе навыпуск стоял с сыном у ворот и смотрел мне вслед.

Моя работа здесь закончилась, но участковому еще работать и работать. Скоро за ним должны заехать, и они продолжат операции по поимке бандитов – это уже работа милиции. Благо наводку мы им дали, задержанные, которых уже отправили в луцкую тюрьму, многое рассказали. Наша работа – это диверсанты и шпионы противника. Бандитов должна ловить наша родная милиция. Хотя работы им мало осталось. Мы тут все населенные пункты и отдельные хутора как гребенкой прочесали.

В данный момент бойцы мотострелковой бригады откапывали захоронение, где лежали тела красноармейцев их пропавшего взвода. Мы своих уже отправили по назначению. Кто жил недалеко – домой, остальных похоронили на кладбище под воинский салют.

Выехав из леса на полевую дорогу, повернул в сторону Луцка – как и договорились, я ехал в город для отчета. А то мне и Немцов про них говорил, и Васильев раза три, потом, с сомнением, в четвертый. Наверное, вспоминал, говорил об этом до этого или нет.

На перекрестке меня тормознули армейцы и попытались обыскать повозку. Ага, это звоночек. Значит, все-таки мои стенания про безалаберность постов дошли до тех ушей, до каких надо. Да и проверки в частях зачастили. Некоторые, вон, сменили дислокацию. Перемещения какие-то подозрительные начались. Но это так, фоном все прошло. Значит, не зря я капал на мозги начальству про все это. Немцов на совещаниях с начальством непроизвольно наверняка меня повторял, потому как видел, что я прав, вот так вот, с одной песчинки, и началось это броуновское движение. На это я и рассчитывал.

Как бы то ни было, эти два дня мы скакали, как сайгаки, но взяли почти всех. Часть все-таки успела уйти, проскользнув мимо кордонов – местные знали нужные тропки. Ими занимались другие сотрудники, а меня, сообщив, что в моих услугах больше не нуждаются, отправили в Луцк. Вчера еще, так что я переночевал у участкового, которого тоже отправили домой, и сегодня, плотно позавтракав и прихватив пирогов на дорогу, неспешно катил в город. В тот самый город, в котором очнулся в этом теле и с которого все началось для меня. Сегодня было девятнадцатое июня, четверг, утро. Война начнется меньше чем через три дня.

От поста я отмахнулся бумагой, те ее с подозрением осмотрели, как и меня, но пропустили без обыска. У меня появился дополнительный спецпропуск, чтобы проезжать посты без досмотра. Васильев выдал. Похоже, знал, что меня постоянно тормозить будут. Протянув руку за спинку, я достал узелок с пирогами и, развязав тряпицу, вытащил кусок с капустой. Вкусны-ы-ый! Шмель, вон, уплетал за обе щеки, да и я от него не отставал.

Пока ехали, я размышлял об этих прошедших днях. Одно расстраивало – для меня все эти дни прошли безрезультатно. Я всего двух бандитов убил. Срезал их, когда они пытались прорваться из деревни. И все! Так что это была рутинная работа, о которой неохота вспоминать. Какие все-таки были светлые денечки, когда я один устраивал охоту на оуновцев! Красота-а-а. Нет, с конторой работать себе дороже. Сотрудничество у нас, конечно, взаимовыгодное, но в «поле» или «зеленке» лучше работать одному. Не дают творчески проявлять себя, паразиты.

Особо я не торопился. Да и куда мне торопиться? Вечером буду в Луцке, переночую, благо есть где, а завтра весь день проторчу в отделе, пока бумажные крючководы от меня не отстанут. Ну а вечером поеду к границе, в леса справа от Владимира-Волынского. Там бандиты еще не пуганые, про меня не знают. Буду отлавливать диверсантов, что завтра, по рассказам деда, начнут диверсионную войну против наших войск. Уничтожая связь, посыльных, одиночных командиров на дорогах и совершая другие преступления. Вот такие у меня планы.

Доехал нормально, только один раз остановились на берегу речки, чтобы искупаться, дать попить Красавцу да и помыть его, а то три дня уже не обихаживал, и на запах его пота мухи да слепни слетаются. А тут чистенький и посвежевший конь потянул повозку дальше. Причем неплохо так, к окраинам Луцка я подъехал в восемь вечера.

Остановившись на перекрестке после благополучного прохождения поста на въезде в город, я на миг задумался и повернул в сторону отдела. За зданием есть небольшой дворик, где находился гараж на три машины и пара сараев, так что, думаю, можно там оставить Красавца со Шмелем, а самому для экономии времени начать писать отчеты. Комнаты, чтобы переночевать, в отделе тоже имеются.

Ехал я все так же в изрядно запыленной одежде крестьянина с низко надвинутой на глаза шляпой. Была случайная возможность, что меня опознают, вот я и старался замаскироваться. Ну кто подумает, что тот крестьянский сынок на повозке – тот самый контуженый Женька Иванов, как меня называли в классе?

Видимо, поведение раннего владельца тела и теперешнего сильно разнились, раз меня так называли.

То, что наши приняли некоторые меры в связи с приближением войны, я понял по часовому у здания отдела, что прогуливался с карабином на плече.

Там же, рядом с «газиком» оперотдела, стояла «эмка» Немцова. Это было хорошо, он мне был нужен. Кто, кроме него, пропустит меня в закрытую зону и обеспечит необходимыми бумагами? А как убедить его, я знал.

Часовой с интересом посмотрел на появившуюся повозку, что катила по улице к отделу. Меня он сразу узнал, парень был из отдельной роты НКВД, с которой мы в последнее время очень плотно работали, поэтому на мой незаметный знак рукой подошел и распахнул ворота во двор, куда я незамедлительно въехал. Народу на улице особо не было, так, пяток, поэтому о моем появлении в городе пока никто не знал. Это хорошо, не хочу, чтобы обо мне знали. А если кто и обратил внимание на неприметного паренька-крестьянина, то наверняка подумал, что я привез продукты в столовую отдела.

У открытого выхода во двор курили двое следователей, они меня тоже знали, поэтому кивнули на приветствие, лениво наблюдая, как я подгоняю повозку в тень забора, распрягаю Красавца и бегаю с ведром во флигель, где была кухня, за водой для коня. Щенок, особо не обращая внимания на незнакомую обстановку, бежал рядом, изредка игриво подпрыгивая. В столовую он бегал со мной не зря – пока я мыл ведро и наполнял его водой, Шмель умудрился выпросить у поваров сахарную косточку, поэтому, когда я шел назад, ухватил ее и потащил следом. После чего улегся у забора в тени и начал смачно ее грызть. Он уже не был тем пушистым шариком, подрост, вытянулся. Большенький такой стал, но все равно еще щенок.

Обиходив Красавца и бросив ему под ноги две охапки сена, я отряхнулся, проверил, как выгляжу, и пошел переодеваться. У меня в повозке была припрятана выходная одежда – когда семья Ивановых провожала, я в ней был. Рубашка немного запылилась, пришлось ее встряхивать, а так нормально. Надо будет еще постирушки устроить, уже пора, а то две недели в одном и том же хожу, попахивать начало. Тем более для этого два бруска мыла купил.

Только после этого я направился ко входу. Один из следователей уже скрылся в здании, а вот второй продолжал стоять, явно ожидая меня.

– Привет, Васильевич, – крепко пожал я ему ладонь. – Как дела в отделе?

– Дела идут. Без выходных работаем. Как привозят задержанных, так даже домой не уходим. У меня жена на что спокойная, а уже ворчать начала, неделю меня не видит. Сегодня приходила, пирог приносила, ворчала.

– Пирог – это повод, – уверенно ответил я, обернувшись, чтобы посмотреть на въезжающую во двор полторку с бойцами НКВД. Судя по всему, это была еще одна доставка задержанных.

– Да это и так понятно, – ответил он, пропуская в здание и следуя за мной.

– Немцов у себя? – спросил я, когда мы поднимались по лестнице на второй этаж.

– Да, часа два назад приехал. Если хочешь с ним поговорить, поторопись, он собирался домой.

– Лады, понял. Сейчас побеспокою.

Побеспокоить не получилось, у начальства шло совещание. Поэтому, как дисциплинированный ученик при вызове к директору, я занял диванчик в приемной и, закинув ноги на противоположную мягкую боковушку, прикрыл глаза и уснул. Закончится совещание – разбудят.

Поспать мне не дали, только-только я начал проваливаться в сон, пятнадцати минут не прошло, как зазвучали голоса, и двери распахнулись. Реакция у меня была молниеносной, поэтому при выходе они видели молодого паренька, что сидел на краешке дивана и смущенно мял кепку в руках. Только секретарь, который с интересом наблюдал за моими ужимками, несколько раз хихикнул.

– А, ты уже здесь? – выглянул в коридор Немцов, как будто секретарь его не предупредил. – Заходи. Чай, кофе?

– Чай, – ответил я и протиснулся мимо него через дверной проем.

– Игорь. Два чая и один кофе.

– Хорошо, товарищ капитан, – откликнулся секретарь.

Этот был новый. Тот, что работал с ушедшим на повышение майором Rogozovым, ушел вместе с ним. Как-то Васильев признался во время одной из ночевки в лесу, что ушел майор не один, кроме секретаря забрал с собой еще трех сотрудников отдела. Видимо, в Киеве ему требовались свои люди в подчинении, те, на кого он мог положиться.

В кабинете кроме хозяина находились еще двое – это лейтенант Леший, командир взвода осназа, и лейтенант Григорьев, командир второго взвода отдельной роты НКВД. Отношения у нас с ним не сложились, поэтому я тепло поздоровался с Лешим, пожав ему руку, и холодно кивнул последнему. Не люблю зазнаек и выскочек.

Судя по тому, что Григорьев стоял и лицо его краснело пятнами, шла выволочка. Леший же сидел на одном из двух диванов, на том, с которого можно контролировать вход, и был спокоен как удав.

Когда принесли мой чай, я стал его пить вприкуску с печеньем, Немцов же, не особо обращая внимания на свидетелей, знатно пропесочивал Григорьева. Тот пытался оправдаться, вставляя фразы, что только благодаря его командным умениям удалось избежать особых проблем, только трое раненых с нашей стороны. Правда, один был тяжелым, сейчас он находился в госпитале.

Причина крика Немцова была в операции по захвату бандитов на одном из хуторов. Из-за ошибки в планировании операции командира взвода, этого самого Григорьева, захват чуть не закончился трагически. Меня лейтенант даже слушать тогда не стал, поэтому я следил за моральным опусканием лейтенанта с некоторым интересом. Может, пойдет ему на пользу? Хотя вряд ли, такого так вот не перевоспитаешь. Удовольствия особого не было, тот просто был идиотом, чуть полвзвода не положил, но ведь этот дуралей реально старался, просто умений не хватило.

– А ты что скажешь? – выровняв дыхание, спросил вдруг у меня капитан.

– Врет от начала до конца, – вынес я вердикт.

Лицо Григорьева пошло еще более крупными пятнами. Видимо, он именно так стыдливо краснел.

– Поясни, – потребовал Немцов.

– А что тут пояснять? Из-за ошибки планирования чуть левый фланг не попал под удар пулемета бандитов, что был установлен на чердаке дома. Дальше свалка была и бой за хутор, разбившийся на отдельные очаги... Снайперы молодцы, хорошо поработали. В общем, повезло. Трое раненых – это довольно неплохой результат. Бой был выигран за счет профессионализма рядового состава и младшего командного звена.

– Могли они уйти? – косо посмотрев на Григорьева, спросил Немцов. Того от взгляда начальника аж пошатнуло.

– Да, если бы заслон оставили на хуторе, то краем болота спокойно ушли бы. Тихо, без шума, там у нас постов не было.

– Так все было? – спросил у взводного капитан.

Григорьев промолчал, хмуро глядя в одну точку.

– Свободен. Чтобы через час нормальный рапорт о бое на хуторе был у меня на столе. А не та филькина грамота, где между слов было написано, что командир взвода за захват хутора достоин награды. Пшел!

Когда взводный вышел, я вздохнул:

– Ох, намахаетесь вы еще с этим типчиком. Он ведь пока реки крови не прольет, не успокоится. Или анонимку на вас напишет начальству. Для таких моральный кодекс командира – ничто.

– Писать замучается, – немного успокоившись, ответил Немцов и, глотнув остывшего кофе, поморщился, после чего убрал стакан. – Что-то ты запоздал. Где пропадал? Я тебя раньше ждал.

– Да и так торопился, не думал, что раньше приеду. Вот решил сразу к вам, приступить к писанине. Да просьбу озвучить.

– Рапорты на мое имя напишешь в кабинете Васильева, его как раз нет, вылетел в Киев, так что можешь всю ночь писать. А что за просьба?

– Думаю, завтра к обеду к границе поеду.

– Это еще зачем? Я думал, ты отдохнуть хочешь. Решил тебя в наш подотчетный дом отдыха отправить. Заслужил.

– Тут у нас тылы подчищены, а там банды орудуют очень продуктивно, с огоньком, я бы сказал, – мельком посмотрев на полусонного Лешего, я добавил: – Про войну вы знаете...

– Это еще не подтверждено точно, но ты прав, будет что-то серьезное, вроде конфликта на Халкин-Голе.

– Ну, это вам так кажется. А я уверен, что будет вой на. Более того, мне известно, что за два дня до начала войны активизируется деятельность диверсионных сил противника на нашей территории, в основном это хорошо говорящие по-русски члены банд оуновцев и других националистов. Напомнить вам, для чего они снимали с наших бойцов и командиров форму? То-то.

– То есть ты хочешь половить в приграничных территориях этих диверсантов? – задумчиво протянул Немцов.

– Да. У нас все тут почти подчищено, да и запугали мы их – вон, сколько арестов за эти месяцы. А там они еще непуганые. Вот и хочу поработать в тылу одной из застав, – встав, я подошел к карте на стене и, найдя нужный участок, ткнул пальцем: – Здесь.

– Двенадцатая застава... – задумчиво пробормотал капитан, встав рядом со мной. – В принципе я не против, позвоню в комендатуру, в которую входит эта застава, и предупрежу их. Как о тебе сообщить?

– Скажите, что прибудет специалист по противодиверсионным действиям. Будет работать автономно рядом с заставой, и сообщите мои данные. Только внешние не надо. Также нужны бумаги, разрешающие нахождение на этой территории.

– Имеющиеся у тебя и так подойдут... Принимается, утром pošлю посыльного, он сообщит о тебе. Пользоваться связью в этом случае неосмотрительно. Уже взяли одну телефонистку, что на узле связи подслушивала наши переговоры и передавала их бандитам. Спецсвязь повреждена и не работает со вчерашнего дня. Ищут обрыв.

– Вот уж чему я не удивлен. Местных жителей через одного надо ставить к стенке, а вы все с ними миндальничаете.

– Жестокий ты, – покачал головой Немцов, возвращаясь к столу и занимая свое место.

– На общем фоне еще нормально.

– Ладно, иди в кабинет Васильева, дежурного я сейчас предупрежу, он принесет ключи, а я пока с лейтенантом поговорю.

Оставив капитана с Лешим, я дошел до кабинета Васильева и, дождавшись, когда придет дежурный и откроет мне дверь, прошел внутрь. Стопка чистых листов лежала с краю стола, чернильница-непроливайка стояла рядом, туда же в держатели были воткнуты перья. Васильев всегда был аккуратистом.

Отодвинув стул, я сел на него, пододвинул первый лист и, на секунду задумавшись, с чего начать, стал накладывать часть своих приключений в лесу на лист бумаги. Естественно, не все, только то, что гарантированно можно приписать мне. Блин, надо отказываться от своей привычки проводить контроль.

Когда Немцов зашел в кабинет, было восемь часов утра пятницы двадцатого и я дописывал последние листы рапорта.

– Ты что, не ложился? – удивился он.

– Почему? – теперь уже удивился я. – Не срочно же, соснул на диванчике часов шесть. Выспался и часа два назад продолжил. Даже к своим успел сбегать, покормить да напоить.

– Не закончил еще?

– Последний лист допишу, поставлю подпись, и вниз, в секретариат, подшивать. А так почти все.

Капитан сел рядом, взял со стола первый лист рапорта и углубился в чтение. Я уже все закончил, когда он, наконец, оторвался и положил последний лист в стопку.

– Я тут не все вижу. Была перестрелка одиннадцатого июня возле Озерного хутора. Банды сцепились. Твоя работа? – поинтересовался Немцов.

– Да они и так машутся друг с другом, только пыль стоит. Я три раза был очевидцем, когда они вели бои не на жизнь, а на смерть. В одном случае одна из банд в количестве шестнадцати оуновцев была полностью уничтожена польским отрядом.

– Это ты указал. Я про Озерный спрашиваю.

– Ну, я там тоже присутствовал... – нехотя признался я. – Да я там вообще случайно оказался. Заметил банду, начал выслеживать. Нашел лежку, чтобы они прошли мимо меня, и начал их отстреливать. Сперва радиста и командира, потом пулеметчиков. Те начали отвечать, и вдруг залп недалеко от меня. Оказалось, параллельно еще одна банда шла, там кого-то зацепило от выстрелов этих, ну, и они начали месить друг друга, а я в сторонку отполз и дернул оттуда.

– Случайность... на месте боя обнаружено тридцать два трупа, а сколько еще раненых было? – хмыкнул Немцов. – Сколько еще вот таких случайностей, о которых ты не сообщил?

– Это единственная, – честно глядя ему в глаза, нагло врал я.

– Ладно, будем считать, что я тебе поверил и в той драке бандиты начали сами бой друг с другом. Твой отчет я забираю, сам проведу его через секретариат. Насчет твоей просьбы, все в порядке, посыльный отправлен. Думаю, насчет отдельной бумаги ты был прав. Я ее под-

готовил, заберешь у секретаря. Это еще не все. Приказ наркомата: отделы переводятся на усиленный режим работы, поэтому я своей властью решил удовлетворить еще одну твою просьбу. В оружейке получишь «наган» и карабин Мосина. Документы на оружие получишь также у секретаря. Выезжать можешь в любое время. Это все, ладно, пойду, у меня совещание через семь минут начинается.

Встав, Немцов протянул руку, которую я пожал, спокойно глядя ему в глаза.

– Удачи, – тихо пожелал он.

– Спасибо, Анатолий Гаврилович.

Забрав у секретаря все необходимые бумаги – как раз в кабинет Немцова начали проходить командиры на совещание – я спустился в подвал и получил у пожилого сержанта свое оружие. Оно выглядело как новенькое, хотя год выпуска у обоих стволов был более чем приличный. Карабин так вообще дореволюционный. Но дареному коню в зубы не смотрят, поэтому выбил дополнительно к каждому оружию по пятьдесят патронов. Тяжелее всего было выбить патроны для снайперской немецкой винтовки. У заведующего арсеналом они были. Но, как всякий куркуль, он чах над золотом. Как бы то ни было, но пять бумажных пачек с двадцатью патронами в каждой выпросил. После этого с охапкой нового имущества я вышел во двор и сгрузил все прямо на сено в повозке. Вытерев лоб, я чуть не отпрыгнул – сено зашевелилось, и показалась забавная зевающая мордочка Шмеля, на которую налипли травинки.

– Тьфу на тебя, – хмыкнул я, погладив щенка.

Уложив в повозке новое имущество и вооружение так, как мне удобно, я снова переоделся под крестьянина. Потом, напоив Красавца, повесил ведро на место и повел коня на поводу к выезду. Там спокойно уселся на скамейку, проверил, где находится Шмель – тот спал в сене, только уши остроконечные торчали, прислушиваясь, – и направил Красавца вниз по улице в сторону рынка. Прежде чем исчезнуть из города, мне требовалось прикупить некоторые вещи личной надобности.

Когда я со своей корзиной прогуливался между рядов – кроме Шмеля повозку охранял пацаненок, нанятый за десять копеек – то наткнулся на бабульку, что продавала платки из разной материи. Подойдя ближе, я присел рядом и стал перебирать товар.

– Тебе на кой, милоч? – спросила она на украинском. – Маме али бабушке?

Старушке было невдомек, что брал я себе. Еще бегая по лесу, я с ностальгией вспоминал банданы. А что? Удобно. Пот глаза не заливает, и голова прикрыта от солнца. Самое то. Выбрал я три штуки, два черных и один зеленый. По размеру как раз для меня. Буду завязывать на голове перед операциями.

Перед оплатой я сказал, что покупаю в подарок тетке, информация прошла нормально. Вернулся к повозке с полной корзиной. Бросив пацаненку монетку за работу, стал укладывать покупки. Продовольствие в шкафчик к крупам. Остальное под сено. Платки – где лежал мой комбез, я уже включил их в свою боевую униформу. Шмелю бросил мячик – он в последнее время все на зуб стал пробовать, пусть играет.

Отвязав Красавца, развернул его и, сев на свое место, неспешно покатыл к выезду из города.

Луцк я покинул вполне благополучно, дальше началась монотонная дорога. Останавливался всего дважды: покушать да оправиться. И переживал у одного из многочисленных деревянных мостов многочисленных речушек, пока пройдет войсковая колонна.

К границе двигалась какая-то артиллерийская часть. Похоже, гаубичный полк, я узнал стодвадцатидвухмиллиметровые орудия. Большую часть орудий тянули восьмерки мощных богатырских артиллерийских коней, и только всего четыре – тягачи-тракторы. По дороге они еще шли нормально. А как на поле свернут? Упарят ведь лошадей.

В Луцке, еще когда я был в отделе, попросил узнать, уехала ли в отпуск семья Ивановых. Ответ меня слегка расстроил. Нет, тетя Нина, забрав дочек, действительно села в автобус

и поехала в Ровно, в сторону ближайшей железнодорожной станции, но сделала она это всего два дня назад. Поздновато, на мой взгляд, но надеюсь, все пройдет благополучно.

Когда начало темнеть и до окончания пути осталось километров двадцать, я решил поискать место для ночевки, однако вокруг были одни поля. Ни рощицы, ни озерка, даже пруда заваливающего не имелось. Двигался я, естественно, не по шоссе Луцк – Владимир-Волынский, а по проселочным дорогам, можно сказать, от деревни к деревне. Поэтому дороги были в основном пусты. Вот и сейчас, как проскакали два десятка кавалеристов, так никто больше не встретился.

В это время вдруг прозвучал хлесткий выстрел, как раз впереди, причем недалеко. Да еще Шмель заворчал недовольно.

– Тихо, парень, тихо, – прошептал я и, протянув руку назад, погладил щенка, после чего, сунув руку под сено, приготовил к бою «Суоми», положив его так, чтобы мгновенно схватить.

Похоже, появились те, на кого я и собирался охотиться – диверсанты противника, состоявшие в основном из местной шушеры. А это как раз мой контингент.

Поводья у меня были в левой руке, пока я приготавливал оружие и возился со щенком. Взяв их в обе руки, стегнул Красавца по крупу и стал подправлять, чтобы он не съезжал на обочину полакомиться травкой. Я знал, что пора устраиваться на отдых, вставать на ночевку, но пока не до того, да и нормального места, как я уже говорил, вблизи не наблюдалось.

Проехал я буквально метров двести, как заметил, что мне навстречу выезжает из глубокого распадка телега с возницей и двумя пассажирами. До них было метров триста, однако на зрение я не жаловался и рассмотрел всех троих.

С виду это были горожане, только возница в крестьянской одежде. Даже беглым взглядом было видно, что деревенский подвозит попутчиков. Я бы, скорее всего, тоже на них особо не обратил внимания, маскировка на моем уровне. Однако связать выстрел и этих трех молодых, а каждому на вид от двадцати пяти до тридцати пяти, было нетрудно.

Те сперва притормозили, но разглядев, что им навстречу едет простой мальчишка, да еще со щенком сбоку – думаю, характерные уши Шмеля они разглядели, – двинулись, не сбавляя скорости.

При приближении я сдал немного к обочине, чтобы пропустить встречную телегу. Те, видимо, посчитав меня неопасным, собрались проехать мимо, однако это уже мне было не нужно. Как только мы разминулись, я тормознул Красавца и, схватив автомат, прыгнул на дорогу, громко свистнув.

Мой свист прозвучал для этих подозрительных граждан как гром среди ясного неба.

– Стоять! – рявкнул я, удерживая тяжелый автомат обеими руками и крепко прижимая приклад к плечу. – Сошли с телеги. Руки держать на виду... Теперь отошли от телеги на пять метров и встали на колени, руки на затылок... Лицом ко мне, я сказал!

Как только неизвестные выполнили мой приказ, я повесил автомат на шею так, чтобы стрелять от живота – я так уже не раз делал, опыт есть. Подойдя к телеге так, чтобы она находилась между мной и неизвестными, стал ворошить старую солому. Почти сразу мне улыбнулась удача в виде австрийской винтовки, ранее штатного оружия Войска Польского. Однако от нее порохом не пахло, это означало, что в телеге есть еще оружие. Выстрел, что я слышал, был сделан из винтовки. У пистолетов другой звук. Но сразу искать я его не стал, поведение и перешептывание бандитов показали мне подозрительными.

Вскинув автомат, я очередь в десять патронов свалил на дорогу обоих «горожан». После чего направил еще дымящееся дуло на «крестьянина» и спросил:

– Какая у вас поставлена задача, что успели сделать, и что тебе известно о других группах?.. Ну!

– Да пошел ты! – сплюнул «крестьянин» на дорогу, опуская руки.

– Неверный ответ.

Вторая очередь пришлась по ногам этого упорного националиста. Тяжелые парабеллумовские пули рвали ткань брюк, кожу, мышцы, сухожилия и кости, превращая некогда крепкие и слегка коренастые ходилки бандита в кровавое месиво. Через пару секунд до того дошло, что случилось, и тишину прорезал дикий крик.

Подойдя ближе, я присел рядом с трупами и, поглядывая на воющего возницу, обыскал его напарников. У одного из них в карманах обнаружили два магазина к ТТ, сам пистолет был за поясом. Второй был пуст. У возницы я нашел небольшой «браунинг» и всего один магазин. Пистолет находился глубоко в кармане брюк, и стало понятно, почему он не пытался его достать. Слишком много времени на это требовалось бы.

Пнув по раненой ноге возницы и вызвав у него новые стоны, я спросил:

– Ну так как, будем говорить? Давай покайся, судя по кровотечению, у тебя минут пять, не больше.

После второго удара тот все-таки заговорил, но, к сожалению, ничего интересного я от него не узнал. Обычное мясо, которому поставили задачу ездить по дорогам, не выезжая на трассы, где было полно постов, и уничтожать как можно больше средств связи, те же телеграфные столбы с проводами, ремонтные бригады, а также одиночных командиров и политработников.

Только один плюс. Я буду проезжать мимо той деревушки, где жил их идейный главарь. Навестим иудушку.

Про выстрел я тоже узнал. Оказывается, два часа назад они повалили телеграфный столб, порвав провода, а когда возвращались, обнаружили на обочине полуторку с надписью «Связь» на борту, поставленный на место столб и начинающих натягивать провода на изоляторы ремонтников. Убедившись, что никого рядом нет, их взяли на прицел, после чего двух банально забили штыками, а один побегал. Вот выстрел по нему я и слышал. Добив раненых, бандиты поехали дальше по дороге, чтобы переночевать в одной из деревушек, у знакомой одного из бандитов. Работать они начали сегодня и, кроме убитых лейтенанта ВВС и ремонтников, ничего сделать не успели.

Найдя в телеге документы лейтенанта и ремонтников – бандиты их собирали для подтверждения своей деятельности, – я вытащил затворы у их оружия и бросил рядом у тел. После чего перекидал запас патронов к себе. Кому надо, те поймут, что тут произошло. Лошадь я оставил на месте – или ее прохожие обнаружат, или сама двинется к ближайшей деревушке. Возиться с ней мне было неохота, своего хватало.

Через минуту я уже ехал дальше, с удовольствием уминая свежий хлеб с салом. А что? Трофей. Шмель, вон, тоже с удовольствием ел хлеб, да и Красавца я угостил посыпанной солью горбушкой.

Скатившись в распадок, откуда выехали бандиты, я действительно заметил в трехстах метрах дальше полуторку и столбы с провисшими проводами.

Подъехав ближе, я остановился, и пока Шмель резвился вокруг повозки, выпуская энергию, направился к столбам. Бандит не соврал, двое ремонтников лежали у одного из столбов. Их убили безоружными, просто глядя в глаза начали резать. Третий, молодой парнишка, лежал дальше, метрах в пятнадцати. Пуля вошла в спину, раздробив позвоночник, и вышла в районе печени. Он еще был жив, когда один из оуновцев подошел и добил его, дважды ударив ножом.

Трогать я ничего не стал, после осмотра поехал дальше. Это работа патрульных.

Уже совсем стемнело, поэтому, мысленно отругав себя, что не встал на ночевку раньше, свернул к видневшейся дальше рошце. Отъехал от места убийства работников узла связи я всего километра на три, когда в сгущающейся темноте рассмотрел ее. Дальше я развел костер и, пока кипятилась вода в чайнике, обиходил своих животных, накормил и напоил, устроив на ночевку.

Утром меня разбудило ворчание Шмеля. В последнее время он начал ответственно подходить к исполнению своих обязанностей, да и мои уроки не проходили даром. Поэтому когда от остановившейся на дороге машины ко мне направились двое бойцов и командир, я принял сидячее положение, прошуршав сеном, и лениво протер лицо, пытаясь прогнать сонную одурь. Заодно незаметно осмотрел армейцев, пытаясь определить, настоящие они или ряженные. По виду были настоящие, а так – поди пойми.

Когда армейцы приблизились, я определил, что командир был старшим сержантом. Вскинув руку к фуражке, он так и замер, заметив, что на них смотрит дуло автомата.

– Бойцы на месте, командир ко мне, приготовить документы. Да не волнуйтесь, бойцы, ничего с вашим сержантом не случится.

Сержант подошел и, осторожно достав документы, протянул их мне. Осмотр показал, что это не фальшивка. Вернув удостоверение, я спрыгнул с повозки на траву, невольно уколов босые ступни о колкие стебли, и, достав свой документ, протянул его сержанту. При этом повесил автомат на плечо стволом вниз, чтобы была возможность быстро вскинуть его. Для этого мне потребуется меньше секунды. Специально тренировался в лесу, нарабатывая навык.

– Ну и что это было? – спросил у меня старший сержант, вернув бумагу.

– Всякое бывает, – уклончиво ответил я. – Чего подошли-то?

– А, из головы вылетело! – скривился сержант и, сняв фуражку, вытер ладонью лоб, зацепив волосы. На вид сержанту было не больше двадцати пяти лет. – Тут ремонтников узла связи насмерть побили, да еще трое неизвестных на дороге.

– А телега где, я рядом с ними телегу оставлял?

– Значит, твоя работа.

– Моя, – не стал я отрицать. Все равно бы докопались. Там следы от повозки остались, а они у меня характерные, да двое крестьян, что косили траву, видели, как я повернул на перекрестке. Нашли бы.

– Что там произошло?

– Вчера перед самой темнотой услышал выстрел, и почти сразу эти выкатились навстречу. Взял их на прицел, поспрашивал, кроме ремонтников, на них еще висит убийство летчика, лейтенанта. Документы у меня, чуть позже отдам. Потом они попытались оказать сопротивление, и в схватке все полегли. Я с них забрал только документы и боеприпасы, остальное оставил. Мне ни к чему... А, еще затворы взял.

– Понятно, – снова вытер лоб сержант. – Нужно рапорт написать по этому делу.

– Надо – пишите, я подтверждаю.

Один боец остался со мной, наблюдая, как я наливаю из своих запасов коню воды и ставлю чайник. Бутербродами пока попытаюсь, нормально похлебку сварю к обеду, когда доберусь до своей цели. Тут километров двадцать осталось, рукой подать.

Сержант оказался на удивление нудным. Он долго выпрашивал, как все происходило, кто где стоял. Наконец я подписал его рапорт как свидетель и невольный участник, потом сдал по описи документы и «ТТ» лейтенанта, а также затворы от винтовок, после чего мы расстались.

Почему сержант тянул время, я знал – он отсылал машину, чтобы один из подчиненных связался с луцким отделом, тут простой бумажкой не отделаешься. Однако после того, как мои данные были подтверждены, патруль козырнул и уехал по своим делам. Про боеприпасы сержант не вспоминал, понял, что не отдам.

Через полчаса я запряг Красавца и, сбегав в кусты, чтобы не терпеть в пути, выехал на дорогу – тут от опушки рощицы до нее метров восемьдесят всего было.

В ту деревеньку, где заседал координатор и главарь уничтоженной мной группы, я заезжать не стал. Не хотелось привлекать к себе внимание. Деревня, слухи пойдут. Поэтому я его еще утром сержанту сдал, а тот донесет до кого надо.

Так что осталась эта деревушка в трех километрах слева, я даже не притормозил на перекрестке, от которого туда вилась тонкая нить полевой дороги, а поехал дальше.

Количество войск вокруг просто зашкаливало. Пока ехал, видел аж четыре войсковых летних лагеря, и это было в десяти-двадцати километрах от границы. Совсем страх потеряли, тут же не то что артиллерией накрыть, дострелить можно. Да и просто войсковые колонны встречались, как пешие, так и моторизованные. Много мотоциклистов моталось, вестовых. Однако для этих военных я был как пустое место, на меня просто не обращали внимания, только на двух из шести временных дорожных армейских постов меня остановили и проверили документы, на остальных пропустили так.

Как бы то ни было, но я добрался наконец до леса и, изредка поскрипывая кузовом повозки, поехал по лесной разбитой колее. Повозка постоянно переваливалась, въезжая в ямы, наезжая на кочки или просто на корни деревьев. Но тихо и верно мы катились к нашей цели. Тут до границы километров пять осталось.

Еще когда мы въехали в лес, Шмель прыгнул с повозки и, пользуясь тем, что двигалась она медленно – тут просто быстрее нельзя – носился вокруг. Потом присел под кустом, делая свои дела, и снова начал бегать.

Вдруг он замер, насторожившись, с поднятыми ушами, и глухо заворчал. Остановив коня, я набросил поводья на ближайший сук и, схватив автомат, нырнул в лес, обходя то место, что привлекло внимание Шмеля. Меня, кстати, его поведение удивило – я отслеживал звуковой фон леса и точно знал, что рядом чужих не было. В этом случае и птицы по-другому поют, и цикады играют не так, как надо. Конечно, есть такие люди, охотники и егеря, для которых, как для меня, лес – дом родной, может, это один из них?

Подкравшись к кустарнику с другой стороны, я выглянул, удивился и, достав из самодельной подмышечной кобуры «парабеллум» с глушителем, тщательно прицелился и выстрелил прямо в голову кролику. Именно он и оказался причиной такого переполоха и интереса щенка.

– Молодец, Шмель, честно заслужил похлебку с куском мяса, – сказал я, подходя к повозке, держа кролика на весу, чтобы кровь стекла.

На этом месте я задержался на десять минут, пока потрошил дичь. Потом убрал ее в котелок и поехал дальше. Шмель, пользуясь относительной свободой и тем, что я его не зову, бегал вокруг, мелькая то справа, то слева. В последнее время он стал совсем самостоятельным, Красавца уже не боялся и отходил от лагеря довольно далеко. Молодец пес, умный, не зря я его выбрал.

Через час я добрался до опушки. Причина так сблизиться с границей была проста. Мне хотелось посмотреть на нее, еще мирную, довоенную, и навсегда запечатлеть в своей памяти. Ведь до начала войны осталось меньше суток. Сегодня было двадцатое первое июня, суббота, пол-одиннадцатого. А мне требовалось еще найти хорошее место для лагеря, обустроиться и начать охоту на бандитов, что будут резать связь и отлавливать связных с заставы, конкретно этой. Я понимаю, что не могу помочь всем, но хотя бы тылы этой заставы подчищу.

Оставив коня и повозку на дороге – она была малоезженной, – я приблизился к опушке и посмотрел, что впереди. Как и ожидалось, дорога эта вела именно к заставе. Впереди были видны сборные каркасные домики, окрашенные в зеленый цвет, вышка, где маячила фигура часового, также был часовой на въезде у шлагбаума. Чуть сбоку, в низине, которую нельзя было видеть с берега противника, был устроен спортгородок, и там десяток молодых парней в белых майках и синих трусах отрабатывали спортивный наряд. Кто на турнике, кто бегал вокруг площадки, а двое вообще вроде как боксировали. Зрение у меня, конечно, хорошее, но лучше залезть на дерево и воспользоваться биноклем. Заодно и другой берег Буга разгляжу. Полюбопытствую, так сказать.

Поднявшись по ветвям осины на четырехметровую высоту, я достал бинокль и стал обозревать окрестности. Сидел я, естественно, не на самой опушке, а в глубине леса, так что была надежда, что меня не заметят. Хотя патрули или секреты с тыла заставы должны быть, не могло не быть. Однако я их пока не обнаружил.

Когда, налюбовавшись видом на другой берег, я было собрался спускаться, мне неожиданно повезло. Там как раз шел наряд из двух немцев с овчаркой на поводке. С интересом на них посмотрел, похмыкал и только тогда начал спускаться. Дальше я нашел чуть в стороне место для лагеря и стал его обустраивать.

Думаю, меня обнаружили по едва заметному дымку от костра, на котором начала бурлить похлебка. Мясо уже почти было готово, а крупы я бросил только что. Рядом пыхтел чайник.

Эпизодически я вставал и приближался к опушке, поглядывая на заставу, так что трех погранцов, что уже прошли полдороги до опушки, заметил сразу.

Вернувшись к костру, я стал готовить стол. Пора было встречать гостей.

– Добрый день, – поздоровался крепкий, но невысокий старшина, подходя к моему лагерю. Один из бойцов по небольшому кругу обошел лагерь с другой стороны, осматривая повозку и лениво отмахивающегося от мух хвостом Красавца. Второй пограничник отошел чуть в сторону и контролировал окрестности. Так что общаться мне предлагалось исключительно со старшиной.

– И вам здравствовать, – кивнул я.

– Какими судьбами у нас?

– Служба, – достав чистой рукой из кармана лист бумаги, я протянул его старшине, а пока он читал, продолжил нарезать остатки каравая, что вчера не доел. По идее, на четверых должно хватить. – Не пообедали еще?

– Обед у нас по распорядку через час, – задумчиво ответил старшина.

– Тогда со мной поснедаете.

– Бумага серьезная. Только в ней не указано, для чего вы сюда прибыли, – вернув документ, сказал старшина, присаживаясь рядом на корточки.

– Вашего командира должны были предупредить о моем прибытии. Моя задача состоит в следующем: отлов и уничтожение бандформирований и националистических групп. Не знаю, в курсе вы или нет, скорее всего да: завтра начнется война. Не военный конфликт, а настоящая война. По всей западной границе немцы перейдут к активным действиям, а солдаты они хорошие, пол Европы нагнули. От информаторов мы получили сведения, что за два дня до войны диверсанты противника начнут лихачить на наших коммуникациях. Я тому сам свидетель, уничтожил одну группу, на которых уже была кровь наших людей. Вот и получается, что я прибыл для обеспечения безопасности связи заставы. Наверняка банды отрядили в тыл вашей заставы диверсионную группу, задача которой – нарушение связи. Как проводной, так и посыльной. Проще говоря, они ваших бойцов в засаде поджидать будут и отстреливать. Однако за свой тыл вы теперь можете быть спокойны, я тут подчищу.

– Хм, вы так в себе уверены?

– Не хочу хвастаться, но более чем. Опыт есть. Как раз у меня специализация подходящая – противодиверсионная деятельность в лесистой местности... Ну все, обед готов, просим к столу.

Пограничники не стали отказываться и, поглядывая по сторонам, приступили к трапезе. Ели прямо из котелка. У меня не было столько посуды, и так хорошо, что у каждого оказалась своя ложка.

Первое время только ложки стучали по котелку, ели молча, приглядываясь друг к другу. Чуть позже, когда я разлил чай в три наличные кружки – один боец подождет, – старшина спросил:

– А пса своего что не кормишь? – кивнул он на грустного Шмеля, лежавшего на животе рядом со мной.

– Горячее же, собакам нельзя давать горячее. Нюх может пропасть, вот остынет, тогда и поест. Он знает, привык уже.

Хлебнув чая, я на секунду замер, прислушиваясь. После чего встал и, сделав ладони локаторами, стал внимательно прослушивать лес, слегка крутя корпусом, пытаюсь найти источник шума.

– Что? – отставив в сторону кружку, спросил старшина.

– Люди идут, – коротко ответил я и быстро направился к повозке.

Старшина подошел ближе, наблюдая, как я пере одеваюсь в комбинезон и с недоумением глядя на зеленую бандану.

– Уверен? – поинтересовался он, когда я прилаживал разгрузку, застегивая ремешки.

– Двое или трое, идут из глубины леса в сторону опушки. Сороку потревожили, та возмущенно орать начала.

– А если зверь?

– Не-е, от зверей такого шума нет. Люди идут, точно.

Подхватив «Суоми», он сейчас предпочтительней, я побежал в лес.

– Карпов, остаешься тут! Павлов, за мной! – скомандовал старшина и присоединился ко мне, отставая метров на десять.

Через минуту я остановился и присел за деревом.

– Что? – тихо спросил старшина, упав рядом, Павлов залег за соседней осиной.

– Скоро должны быть, – в ответ прошепел я. – Скорее всего, мы их увидим вон там, метрах в двадцати, у кустарника. Сейчас замрите и дышите через раз. А то от вас столько шуму... Все, ждем.

Мы затихли, стараясь не издать ни шороха. Буквально через три минуты я отчетливо расслышал треск сучка под чьей-то ногой и негромкую ругань неизвестного, бранившего растяпу. Говорили на знакомом западном суржике, смеси польских, украинских и русских слов.

Я приготовился, слегка прищурился, отслеживая свой сектор наблюдения и прижимая деревянный приклад «Суоми» к плечу. Вот между деревьями что-то мелькнуло, потом у другого дерева засек движение. Наконец можно было видеть трех идущих по лесу мужчин. Первое, на что я обратил внимание, так это на то, что все они были одеты в новенькую форму НКВД, причем все командиры. Два сержанта и лейтенант. У двоих были ППД, а у второго сержанта снайперская винтовка. Советская «мосинка».

У всех трех были сидоры за спиной. Шли они сторожась, зыря в разные стороны и держа оружие наготове.

– Давай, – тихо шепнул я старшине.

Мне-то сразу стало ясно, что это диверсанты, а вот пограничникам еще требовалось убедиться. Хотя, по виду старшины, он тоже понял, кто тут кто, однако кивнул и крикнул:

– Стоять! Руки вверх!

Диверсанты среагировали молниеносно. Один из сержантов присел и выдал длинную очередь в нашу сторону, тут же получил мой ответ и упал на спину, засучив ногами. Второго сержанта, со снайперской винтовкой, загасил наповал Павлов, а вот лейтенанта, ушедшего перекатом за ствол ближайшего дерева, мы гасили со старшиной вместе. Как только «лейтенант» замер, получив пару пуль от меня и одну от старшины, я вскочил и заорал:

– Черт! Их четверо!

После этого рванул вглубь леса, где действительно мелькала спина четвертого диверсанта. Он так убежал, что отбросил автомат, я как раз мимо него пронесся. Бежал я, стреляя веером на ходу в сторону четвертого диверсанта, надеясь попасть случайной пулей. Остановиться я не мог – упушу.

В диске вроде как остался едва десяток патронов, когда впереди раздался вскрик, и я заметил падение бандита. Пробежать мы с ним успели не больше полукилометра. Мне-то ладно, я был привычный, постоянно бегаю, а вот как там бандит?

Подбежав, я радостно воскликнул:

– О, как я удачно попал! Прямо в ж...у! И ведь специально не целился, на удачу понадеялся. После этого попробуй скажи, что пуля – дура.

В это время подбежал Павлов. Кроме карабина в руках на плече у него висел автомат беглеца.

Мы быстро разоружили диверсанта, сняв ремень с кобурой, после чего я приступил к допросу. С силой пнув по заднице пленника, я заорал, пытаясь морально подавить его:

– Цель! Задачи! Говори, падаль!

– Разве так можно?.. – попытался урезонить меня пограничник, когда я стал бить ногой по ране диверсанта, вызывая у того все новые и новые стоны и крики.

– С такими только так и можно, – отмахнулся я и добавил: – Постой в сторонке, не мешай.

Через пять минут я узнал все, что можно, и допросом занялся Павлов. Его заинтересовало упоминание диверсанта о том, что они вчера перехватили машину, полуторку.

– Сука, – встав с корточек, Павлов пнул в бок диверсанта. – Это была наша машина. Мы ее еще вчера днем из отряда ждали.

– Понял, где она находится?

– Да, я этот овраг знаю, он недалеко от дороги, – кивнул пограничник и, посмотрев на бандита, спросил: – Ну что, берем?

– Куда? – удивился я.

– Так к нашим его надо отнести.

Вскинув автомат, я выпустил остаток патронов и бросил, двинувшись к месту первого боя:

– Делать тебе больше нечего, с этой падалью во зиться.

Павлов стоял и неверяще смотрел на истерзанную пулями гимнастерку на груди диверсанта.

– Но так нельзя, это не по закону! – воскликнул догнавший меня пограничник.

– А в спины вам стреляют по закону? Очнись, боец. Я вот очнулся и в плен их не беру, разве что вот так допросить да прикончить.

– Совсем не берете? – снова перешел на вы боец.

– В трех десятках схваток был и ни разу не брал... О, старшина закончил потрошить тела.

– Ушел? – поднял голову старшина, настороженно нас разглядывая.

– Нет, но скончался, получив тяжелое ранение. Правда, успел нам нашептать, кто они и откуда.

– Они Сеньку перехватили. Убили его, а машину спрятали, – хмуро добавил Павлов. – Тут недалеко, у Заячьего оврага.

– Вы тут заканчивайте, а я пойду к себе... Кстати, старшина, задача этой группы – обстрел немецкой территории с возможными ранениями немецких пограничников. Потом они должны были отойти и после начала обстрела заставы с той стороны вернуться и уничтожить из снайперской винтовки комсостав. Отсиживались они на хуторе местного поляка Кшиштофа.

– Ясно. Обстрел того берега – повод для конфликта, обстрел заставы и лишение комсостава – чтобы мы недолго продержались, – хмуро бросил старшина.

– В точку попал. Винтовку я возьму.

Подхватив с травы винтовку и пояс с подсумками, я направился обратно к лагерю. Удалившись метров на двадцать, обернулся. Было видно, что Павлов докладывает подробности захвата четвертого. А старшина, слушая его, провожает меня тяжелым взглядом.

– Законники, – сплюнул я и направился дальше.

При приближении к лагерю мне навстречу выскочил Шмель и стал радостно носиться вокруг, тыкаясь головой в сапоги. А из-за дерева выступил третий пограничник, что охранял лагерь.

– Что там было? – требовательно спросил он.

– С нашей стороны потерь нет, уничтожено четыре диверсанта в нашей форме. Взяты документы и оружие.

– А где старшина?

– Там, с телами. Своими делами занимается. Это ваши бумажные проблемы, я в них не лезу. Мое дело только диверсантов отлавливать, бумажной канители нет, – ответил я и, положив оружие в повозку, стал накладывать в миску Шмеля похлебку. Покормить его перед боем я не успел.

Щенок был голодный, поэтому сразу стал жадно есть, потом ухватил кусок крольчатины и убежал под повозку.

Пограничник явно беспокоился, что нет его товарищей, поэтому, пока я пил чай, ходил от дерева к дереву, поглядывая то на меня, то в глубину леса.

– Товарищ лейтенант! – вдруг с некоторым облегчением воскликнул он.

Группу из десятка пограничников я засек всего за несколько секунд до этого – те двигались тихо и достаточно профессионально. Дергаться я не стал, продолжил пить чай, плеснув из чайника еще немного кипятка. Котелок, снятый с огня, стоял чуть сбоку с закрытой крышкой, осталось там немного, но нам со Шмелем на вечер хватит. Красавец пасся метрах в двадцати от лагеря, объедая листву на деревьях.

– Карпов, что у вас тут происходит? – спросил на удивление невысокий, таких еще называют «метр с кепкой», крепкий мужчина лет тридцати на вид с лейтенантскими кубарями в петлицах. Видимо, это и был командир заставы.

Остальные пограничники рассыпались вокруг, беря лагерь в кольцо.

– Мы проверили этого парня. Документы у него в порядке, имеет право здесь находиться. Потом этот парень что-то услышал и побежал в лес. Старшина и Павлов за ним. Потом была стрельба из автоматов и карабинов. Вернулся он один с чужой снайперской винтовкой в руках. Сказал, что с нашими все в порядке. Это все, товарищ лейтенант.

Обойдя костер, перешагнув через котелок, лейтенант приблизился и, посмотрев, как я сижу на подстилке в позе лотоса и умиротворенно попиваю чай, спросил:

– Так все было?

– Именно так. Четверо их было, все в форме НКВД. Трое с внешне переделанными под ППД «Суоми», один со снайперкой. Во время боестолкновения все диверсанты погибли.

– Если они погибли, с чего ты тогда взял, что они диверсанты? – попытался найти нестыковку лейтенант.

– Так не сразу же погибли, было время поспрашивать.

– Мои бойцы где?

– На месте боя... Вон один идет, тащит чего-то.

Среди деревьев действительно появилась фигура пограничника, в котором я опознал Павлова. Лейтенант, обернувшись, несколько секунд наблюдал, как тот приближается, после чего, повернувшись ко мне, потребовал:

– Документы.

Достав из внутреннего кармана необходимую бумажку, я протянул ее командиру заставы, на словах добавив:

– Обо мне должны были сообщить. Моя задача – почистить ваши тылы.

– Связи с отрядом уже сутки нет, – вернув документ, сообщил он. – Связь не действует, двое посыльных не вернулись.

– Думаю, их бандиты перехватили. Поставили на тропинках засады, и все. Машину они вашу также вчера взяли. Ладно, прежде чем дальше общаться, опросите своего подчиненного, потом продолжим.

– Да, это хорошая идея.

– Это да, я пока чайник поставлю. Похоже, мы тут долго заседать будем.

– Это предложение мне нравится еще больше, – кивнул лейтенант и направился к Павлову. Тот, свалив оружие диверсантов, как и подсумки, в одно место, о чем-то разговаривал с одним из пограничников, у которого в петлицах были треугольники младшего сержанта.

Через пять минут лейтенант вернулся, а пограничники потянулись в глубину леса, видимо, направляясь к месту нашего боя. Кстати, винтовку они, с моего разрешения, забрали и положили в общую кучу.

– Давай знакомиться, тебя я теперь знаю, Михайло, представляюсь сам...

– Лейтенант Москалев, командир двенадцатой заставы, – перебив его, сообщил я. – Я читал выписку из вашего личного дела, прежде чем отправиться сюда.

Тот от неожиданности хмыкнул и отхлебнул из кружки, что я ему протянул, явно чтобы потянуть время.

– Верно. Я так понимаю, ты сейчас обратно?

– Не-е, я войну хочу встретить здесь, на границе. Завтра, когда вашу заставу смешают снарядами с землей, немного постреляю, а потом двинусь в Луцк. Буду чистить дороги. Каждый занимается тем, чему обучен.

– Почему именно наша застава, или к каждой отправили такого специалиста?

– Только к вашей. Галеты надо? Немецкие, свежие.

– Давай, – согласился лейтенант. Приняв полпачки, он, как и я, стал макать их в малиновый джем. – Откуда такое богатство?

– Трофеи. Банду взял, что недавно границу перешла, у них было. Большую часть лакомства начальству отдал, но и у меня кое-что осталось.

В это время подошел старшина, сам налил себе чаю и сел рядом, получив галеты. В разговор он не вмешивался, но слушал внимательно. Кроме этих двух командиров у меня в лагере еще были два пограничника в охранении.

– Ты не ответил, почему именно наша застава, – повторил вопрос лейтенант. – Смысл оставаться, если бандитов вы уничтожили?

– Я специализируюсь по противодиверсионным действиям в лесистой местности. Но выбор пал на вас не только из-за этого, у вас перед заставой брод, проходимый для танков. Скорее всего, на ваше уничтожение немцы завтра бросят не только артиллерию, но и, вполне возможно, авиацию.

– У нас там дот с противотанковой пушкой.

– Ой, да бросьте! Уничтожат вашу сорокапятку и пойдут себе дальше. Вот я и хочу вас поддержать, а потом рвану к Луцку.

– И что, есть чем поддержать?

– Снайперская винтовка и хороший пулемет. На трехстах метрах очень неплох по групповым целям.

– О как?! – удивился лейтенант. – Может, у тебя и пушка где припрятана?

– Пушки нет, – ответил я с сожалением. – ПТР есть.

Старшина похлопал Москалева по спине, когда тот закашлялся.

– Что, реально есть? – удивился он.

– Я больше двух десятков банд пустил в расход, у меня много что есть. Начальство уже рукой махнуло. Знает, что не отдам.

– Документы на тяжелое оружие есть?

– Конечно есть, – достал я из внутреннего кармана требуемую бумагу.

– Действительно есть, – удивился, читая, лейтенант.

– А секретарь еще удивлялся, зачем мне она, – прокомментировал я себе под нос и добавил уже громче: – Кстати, насчет банд ты не прав. Это были диверсанты, и их задача – обеспечить возможность захвата брода. У них своя задача. А банды – это банды. Сейчас чай попью и пойду охотиться.

– Думаешь, их найдешь?

– А то ж. Они же на тропках сидят. Найти нетрудно. А тропок у вас всего две. По одной в одну сторону пробегусь, по второй обратно.

– Про тропки откуда знаешь?

– Старшина сказал.

Покосившись на подчиненного, лейтенант задумался. Чай мы уже попили, поэтому просто общались. Пограничники уже закончили на месте боя и в данный момент, как я понял, копали прямо на месте общую могилу, сняв с диверсантов все, что только можно.

– Вот что, против твоей работы в нашем тылу я ничего не имею. Но вот методы твоих действий несколько отличаются от тех, что написаны в наших законах. Я оставлю с тобой двух своих подчиненных. Они и проследят за законностью. Да, так, думаю, будет лучше.

– По рукам и ногам связываешь, – с укоризной покачал я головой и погладил Шмеля, что спал рядом. – Но это все равно меня не остановит. Как бы то ни было, знай, завтра в шесть утра меня здесь уже не будет. Имей это в виду. Могу еще посоветовать оружие диверсантов распространить среди своих подчиненных, раздав их командирам, а снайперку лучшему стрелку. А то знаю я вас, в оружейку сдадите как вещдоки. Надеюсь, не надо напоминать, что после двух часов ночи вам лучше покинуть территорию заставы и занять окопы?

– Ты все про войну говоришь. Я не перебивал, но сейчас хотелось бы спросить. Она действительно завтра начнется? А то слухи давно гуляют. Да и эти... слишком наглые стали.

– Лейтенант, точно завтра. Уж я-то знаю, в верхах кручусь, с начальством общаюсь.

– Ну, значит, врежем им, – ударил он себя кулаком по колену.

Встав, я огляделся и, потянувшись, сказал:

– Не хочу тебя расстраивать, но пограничные сражения со стопроцентной вероятностью мы проиграем.

– А вот об этом поподробнее.

Оба пограничника насторожились от моих слов. Сев на место, я немного размял мышцы ног и, горько хмыкнув, сказал:

– Из-за предательства высших чинов РККА армия сейчас небоеспособна. Они до того довели бойцов и командиров, что те уверены, что войны не будет. Даже в отпуски распустили половину комсостава. Это как, по-вашему? Так что когда немцы завтра ударят, мы понесем колоссальные потери. Фактически за один день немцы ликвидируют две трети наших армейских группировок у границы и двинут вперед, остановить их будет некому. Потом будет второй эшелон наших войск. С полным превосходством немецкой авиации в воздухе, они будут долбить наши колонны на марше, нанося им большие потери. Да, нас больше, но бить нас немцы будут поодиночке. И побьют. Что дальше, не знаю, сложно спрогнозировать, но думаю, мы победим, не можем не победить.

– Откуда?... – прохрипел лейтенант, до треска материи галифе сжимая ткань. Думаю, у него на ноге будут синяки.

– Прочитал рапорт начальника Луцкого отдела НКВД на имя наркома. Тот сам дал ознакомиться.

– Но почему ничего не делают?

– А как? Предатели носят генеральские и маршальские звезды. Трогать их пока нельзя. Так-то работают, но по мелочевке.

– А почему тебе доверили такие важные документы? – влез в разговор молчавший до этого старшина.

– Немцов был моим куратором, у нас хорошие отношения, и в некотором роде я ему помогал составлять этот рапорт. Большую часть информации он получал от меня, а я от допросов бандитов, националистов и диверсантов вроде этих.

– Посмотрим, что будет, прав ты или нет, – сказал лейтенант.

– Вот и ладушки. Ладно, что-то засиделся я тут с вами. Пора и за основную работу браться.

Встав, я было направился к повозке, как вдруг раздался треск внизу, и на левой ноге я ощутил некоторое неудобство. Посмотрев вниз, я горестно вздохнул и сказал:

– Похоже, сапожник умер.

– Что? – не понял моих слов Москалев, так же разглядывая наполовину оторванную подошву на левом сапоге. – Примета, что ли?

– Люблю наши приметы. Рассыпал соль – к ссоре, разбил тарелку – на счастье, пересолил – влюбился. Легче во всем видеть какой-то символ, чем признать, что у тебя просто руки из жопы растут... В другом тут дело. Я когда их покупал, месяца полтора назад, сапожник, древний старичок, сказал, что я их проношу столько, сколько он проживет. Вывод очевиден, он умер.

Москалев невольно хохотнул и велел старшине:

– Отправь на заставу, пусть Архип починит.

– Какое починит?! – возмутился я. – Мне работать надо! Тут в лесу бандиты еще не упоенные ходят. Я лично ночью сладко спать собираюсь, а как я уснуть смогу, когда они где-то рядом... живые?

– Может, от диверсантов что подойдет? – спросил старшина, принимая оба моих сапога и передавая их одному из пограничников. Я решил, что и другой сапог местный сапожник пусть посмотрит. Не повредит.

Через десять минут рядом стояли четыре пары хороших кожаных сапог. Однако примерка показала, что ни одна из них мне не подходит. Слишком велики. Пришлось ждать свои отремонтированные. Их принесли спустя час. Проверив результаты ремонта, я остался доволен и через пять минут уже двигался по лесу в сопровождении двух пограничников. Того самого Павлова и еще одного, незнакомого, откликнувшегося на имя Василий.

*Двенадцатая застава у реки Буг, кабинет командира заставы лейтенанта Москалева.
Двадцать первое июня 1941 г., 17 часов 22 минуты.*

После стука в дверь в кабинет прошел старшина.

– Ну что? – спросил у него командир заставы. Сидевший в кабинете младший политрук тоже с интересом обернулся к вошедшему.

– Резвый парнишка, – криво усмехнулся старшина, присаживаясь на стул. – На что Павлов и Еременко неустойчивые, но с трудом за ним успевали. Пока уничтожена группа из пяти бандитов. Парни обнаружили их у одной из тропинок, как этот Михайло и говорил. Часовой следил непосредственно за тропинкой. Остальные стояли лагерем в ста метрах. Сперва Михайло лично снял часового, причем из бесшумного пистолета, после чего они уничтожили сосредоточенным огнем остальных бандитов. Кстати, у этого Михайло еще и гранаты есть. Одну он использовал.

Пленных нет, как-то не получилось взять. Сейчас они работают по второй тропинке.

– Машина?

– Обнаружили и перегнали. Тело Семена нашли, привезли на заставу. Сейчас могилу копают. Парни из второго отделения. После боя к нашим вышел посыльный из отряда. Там обеспокоились – сутки от нас вестей нет. Наши посыльные до них не дошли, похоже,

их действительно перехватили. Вот пакет. Телефонный провод обещали восстановить в течение часа, где-то в лесу обрыв.

– Ясно, – вскрывая пакет, кивнул лейтенант и, прочитав сообщение, добавил: – Когда Михайло вернется к себе в лагерь, предупреди. Хочу с ним поговорить. А так держи нас в курсе по всем их действиям.

– Михайло знает, что трое наших их сопровождают, помахал рукой, – неожиданно сказал старшина, вставая.

– Опытный, – вздохнул лейтенант, убирая бумаги в сейф. – Ладно, иди.

Когда старшина вышел, политрук заметил:

– Все-таки не подсыл, как ты думал. С огоньком работает.

– Чтобы подвести к нам своего человека – не думаю, что они пожалеют десяток бандитов. Сообщение из отряда подтверждает, что его прислали из Луцка. Но все равно приглядим за ним, ты прав, непростой он... Ладно, давай показывай, где немцы прячут эту лодку.

– Вот тут, в кустах. Они ее точно используют для отправки своих агентов.

– А пройти они могут только тут, мимо наших постов по дну оврага... Ох, чую, кто-то из местных сообщает им о наших патрулях...

Командиры склонились над картой своего района и занялись непосредственной работой. Охраной границы.

Языки огня слегка освещали лагерь. Вот всполох из ямы, где догорал костер, на мгновение осветил спавшего стоя Красавца, деревья вокруг, повозку и стоявший рядом с костерком чайник.

– Не опасаясь вот так вот ночью в лесу находиться? – спросил Москалев, проходя в световой круг и присаживаясь рядом.

Молча налив ему в кружку чая, протянул и только потом ответил:

– А кого тут бояться? От немцев лагерь деревья скрывают. Я же не идиот на опушке его разбивать. Бандитов в этих окрестностях нет: кроме давешней диверсионной группы, работало всего две банды. Всех мы к ногтю прижали, даже на хутор к поляку забежали.

– Вот-вот, хотелось бы об этом поговорить. Тебе не кажется, что сжигать хозяина хутора живьем в собственном доме – это слишком? Ты слышал, что ненависть порождает ненависть?

– Нисколько не кажется. Никто не заставлял его при нашем приближении отстреливаться из окна... Чертовы собаки. Так что в ответ очередь зажигательными пулями по соломенной крыше, а там – как повезет. Почему-то в наши объятия он выйти не захотел и предпочел нам огонь. Вот и все. А насчет порождения ненависти... Знаешь, что я тебе отвечу? – мой голос понизился, и в нем зазвучала сталь. – Никто не заставлял бандитов брать в руки оружие и идти стрелять в нас. Да, я в курсе, что в местных бандах всего треть местные, а остальные из-за границы, но ведь и этих не заставляли брать в руки оружие, сами пошли. Запомни, лейтенант, я никогда не врывался в населенные пункты и не стрелял во все стороны. Результаты моих действий очень трудно обнаружить. Ушла банда на дело и не вернулась – так судьба такая, никто их не неволил. На хуторе у поляка не было семьи. Он их еще неделю назад к родственникам отправил. Жег я только его. А бандитов я в плен не беру и брать не собираюсь. Про жестокость ты вот говорил. Я ведь убивал, чтобы помучились, далеко не всех, только тех, кто это действительно заслужил. Пару недель назад две девушки из корпусного госпиталя пошли в лес, решили больным березового сока набрать. Этих дурех никто не предупредил, что их там может ждать. Ты даже не представляешь, что с ними сделали, а потом в какие стороны раскидали части тел. Я тебе честно скажу, лейтенант, опоздал я всего на два часа, однако ублюдков этих выследил, но взять смог живым только одного. Ветер у него была фамилия. Так что я ответил бандитам тем же. Я его не мучил, даже пальцем не тронул, но сделал так, что сами бандиты убили его. Про натянутую веревку, привязанную к сосне, шутку такую слышал? Вот именно.

Так что не тебе мне говорить про ненависть. Поверь мне, мою ненависть ни одному местному не пересилить.

Выдав этот крик души, я замолчал, глядя в костер. Несколько секунд длилось молчание, наконец лейтенант спросил:

– Из родни погиб кто?

– Отец.

– Нашел?

– У всех интересовался, предлагал исповедаться. Никто про эту акцию не знал. Слышать слышали, но исполнителей не знают. Думаю, кто-то левый поработал... Все равно найду.

Москалев хмыкнул и спросил, уводя тему в сто рону:

– Полночь. Не спится?

– Да, как-то не спится. Вон, Красавец и Шмель уже третьи сны видят, а я вот все никак. Ничего, чайку попою и пойду, покемарю пару часов, пока не начнется.

– Ты сказал, что тебя в шесть утра тут уже не будет. Если будут раненные, заберешь?

По-видимому, лейтенант получил из отряда приказ усилить завтра бдительность, а вкупе с моими словами у него сложилось в голове, что я не врал и требуется завтра действительно подготовиться к возможному нападению. Хотя пограницы о надвигающейся войне наверняка знали от местных, просто виду не подавали.

– Конечно, мог бы и не спрашивать.

– В костер не смотри, глаза посадишь. Ночь, – вставая, сказал лейтенант.

– Я на слух ориентируюсь, так же и тебя засек. Походка характерная, на правую ногу слегка припадаешь. Старая травма?

– Ранение... Ладно, надеюсь, еще свидимся.

– Планета круглая, можем, и свидимся... Лейтенант! – окликнул я командира. – Когда будешь отходить с остатками заставы, увидишь, как по дорогам нагло двигаются немцы. Стреляй в водителей, а не в грузовики. Машину починить легко, а найти замену водителю очень трудно.

– Это все? – холодно спросил командир заставы.

– Нет. У немецких танков очень маленькая дальность хода, и они возят на броне канистры. Ездят они на бензине, поэтому хорошие бойцы с винтовками и боезапасом из зажигательных пуль могут пойти и против танков.

– Ха, спасибо, – не совсем уверенно поблагодарил он и двинулся было дальше, как я снова окликнул его:

– Москалев... Есть еще одно. У деревни Михайловка в сорока километрах отсюда есть тайник. В нем небольшое количество единиц вооружения, включая ПТР. Боеприпасы, продовольствие и перевязочный материал. Хватит для десяти бойцов на неделю. Находится он на въезде со стороны Березовичей. Увидишь на опушке дуб с сожженной верхушкой. От него тридцать метров на восток. Там деревянная крышка и тайник. Бандит один себе землянку копал, а я его перехватил и создал схрон. О нем никто не знает. Помощь, конечно, крохотная, но хоть что-то. Надеюсь, вам пригодится.

– А вот знаешь, я надеюсь, что нет, – криво усмехнулся Москалев и, не поблагодарив, скрылся в темноте.

Плеснув остатки чая в костер, я затушил его пионерским способом, так как завтра не собирался разводить, сложив все вещи, чтобы через пять часов этим в спешке не заниматься, забрался в повозку, потревожив Шмеля, и, накрывшись одеялом, как-то неожиданно быстро провалился в сон без сновидений.

Разбудил меня, как и ожидалось, грохот разрывов. Заполошно вскочив, я заставил себя успокоиться, намеренно медленно попил воды из своей посеребренной внутри фляги, после

чего, погладив перепуганного щенка, направился к встревоженному Красавцу. Грохот разрывов не прекращался все то время, что я запрягал коня.

Забрав из повозки «маузер» со снайперским прицелом, мгновенно взлетел на дерево. В прицел я наблюдал, как разлетелось щепками последнее строение заставы, остальные были до этого порушены и частично горели. День еще только начинался, но было уже достаточно светло. С той стороны берега можно было разглядеть технику. Четыре танка вели перестрелку с дотом прямой наводкой, выехав на самый берег. Не знаю, отвечали ли им, но все танки были целыми и азартно били по нашей стороне. Вот вперед сунулся первый, «тройка» с кургузым стволом, и на нашем берегу неожиданно подорвался на mine.

– Ай, Москалев, молодец, заминировал-таки брод! – обрадованно воскликнул я.

Один из танков на той стороне вдруг загорелся. Сквозь грохот разрывов слышался солидный перестук крупнокалиберного пулемета. По звуку, вроде ДШК, значит, у пограничников и тяжелое вооружение есть, наверняка именно из него и подожгли «двойку». У немцев первоначально было две «тройки» и две «двойки».

До брода было метров восемьсот, и из своего противотанкового ружья я ничем не смогу помочь, дальность запредельная.

Скатившись с дерева, я подскочил к повозке и, подхватив ПТР, две пачки с патронами по двенадцать штук в каждой, пригибаясь под тяжестью – больше пятнадцати килограммов на себе нес, – быстрым шагом направился в обход заставы, стараясь зайти к броду справа, чтобы танки подставили мне левый бок.

Как оказалось, тут был окоп, из которого меня окликнул знакомый пограничник.

– Ты чего тут? – пытался докричаться он до меня.

– Хочу пробку на броде организовать, – в ответ крикнул я ему, по-пластунски приблизившись.

Я уже покинул низину, и меня могли увидеть с той стороны. Скатился в окоп, где находилось двое пограничников с пулеметом Дегтярева, и, осмотревшись, велел:

– Снимай пулемет с позиции, ща ПТР тут поставим. Нужно закупорить брод битой немецкой техникой.

– У нас засадная позиция, пехоту ждем, – сообщил первый номер пулеметного расчета.

– Да пока их дождетесь, ваших на гусеницы намотают! Снимай, тебе говорю! Время упустим!

Приходилось кричать, потому что вокруг стояли грохот разрывов и стрельба.

Парни помогли мне установить ружье на сошки, и второй номер расчета подал первый патрон. Выглянув, я мгновенно оценил ситуацию. Пока я занимался перебежками на открытой местности, переноса стреляющую тяжесть и стараясь не попасть на глаза немцам, на самом броде произошли существенные изменения. Та «тройка», что подорвалась на mine, уже буксировалась на свой берег второй «тройкой» с помощью тросов. Лучшего момента для открытия огня и не найдешь.

Окоп был хорошо замаскирован, перед ним росли кустики, которые не мешали наблюдать, что происходит на броду и на том берегу.

Беглый взгляд в сторону позиций остальной заставы выдал затянутое дымом поле перед бродом. Там в полнопрофильных окопах под минометным обстрелом погибали пограничники. К сожалению, минометные позиции нам были недоступны, но зато сам брод был как на открытой ладони. Так что мы наблюдали не только танки, но и подтягивающиеся к броду бронетранспортеры и грузовики с пехотой. Кто-то отдал преждевременный приказ на движение, рано им еще тут быть, рано.

Прицелившись, я на секунду замер, вспомнив, как проводил в лесу пробные стрельбы, и, с сомнением покосившись на стоявшего рядом первого номера расчета, имевшего приличную статью, машинально потер плечо, которое отбил в прошлый раз. ПТР, честно говоря, не для моей

комплекции. Оставив ружье на месте, я хлопнул парня по спине и, приблизившись к самому уху, прокричал:

– Ты стрелять будешь, я корректировать! Понял?!

– Да! – крикнул тот в ответ и еще на всякий случай кивнул.

Пока он примеривался к незнакомому ружью, пробуя провести перезарядку, я снял со спины винтовку и, прикинув к прицелу, крикнул:

– Вторая «тройка», правая гусеница!

– Готов!

– Стрельба по готовности!

Почти сразу ружье выстрелило, причем без особой пыли. Перед позицией земля была смочена.

– Второй раз! – проорал я.

Гусеница была целая, хотя я видел брызги стали на одном из траков. Пограничник из незнакомое и не пристрелянного оружия со ста метров умудрился попасть с первого же выстрела. Вторым выстрелом боец добил гусеницу, и та медленно сползла по ходу движения.

– На одиннадцать часов, «двойка» рядом с бронетранспортером. Бей в лоб, пуля берет его броню!

Так я орал, корректируя стрельбу, сам не забывая спускать курок и прореживать пулеметчиков и офицеров. Свалив очередного фельдфебеля, я заметил, что у брода появляются еще два танка, и тут же заорал:

– Валим отсюда!

В принципе все равно следовало отходить, расчет ПТР выпустил предпоследний патрон, поджигая вторую «тройку», что стояла без гусеницы, первая уже весело полыхала. Корректируя стрельбу, я пояснил парням, что восстановить подбитые танки немцам ничего не стоит, поэтому надо их жечь. Так что парни прострелили движки двум бронетранспортерам, выведя их из строя, один так вообще загорелся, и стали бить только по танкам. Брод был капитально закупорен, немцам несколько часов потребуется, чтобы его расчистить, так что убежал я из окопа с чистой совестью. Что мог, сделал.

Да и вообще за пять минут активной стрельбы мы подожгли три танка, бронетранспортер и один грузовик. Два танка, бронетранспортер и грузовик явно были выведены из строя. Плюс к этому двенадцать солдат и офицеров противника, что я настрелял, и еще сколько-то от пулеметного огня. Второй номер, умудряясь подавая патроны к ПТР, еще и садил из «дегтярева».

Так-то я собирался дать десять выстрелов и уйти с позиции, но обнаружив, что нас не видят – сам бой маскировал нас, – довел ситуацию до того, что нам пришлось буквально галопом убегать под свист пуль и осколков. Раньше надо было уходить.

Скатившись в низину, мы переводили дыхание, эти двадцать метров от окопа до низины дались нам тяжело. На адреналине, сжигая нервы, мы все-таки благополучно преодолели эти метры.

К моему удивлению, первый номер вернулся наверх и, установив ружье, на миг прицелился и произвел выстрел, выпустив последнюю пулю. Едва он успел спуститься, как по краю прошла очередь автоматической пушки, осыпав нас землей, и в двадцати метрах рванули два разрыва от минометных мин.

– Бежим! – заорал я, и мы рванули дальше.

Низина вывела нас к оврагу, дальше мы двигались понизу, пока не вошли в лес. Свернув в сторону лагеря, я направился к нему. Бойцы, чуть помедлив, пошли следом. Парень с моим ПТР закинул его на плечо и, шагая рядом, крутил головой. Второй номер нес пулемет, так же настороженно зыря и стараясь восстановить дыхание, оно у него было сбито, шел последним.

К моему удивлению, в лагере оказалось достаточнолюдно. Пограничник с сумкой, на которой был красный крест, бегал от одного раненого к другому, делал перевязки. Все раненые лежали на траве, в границах лагеря.

– Возвращай пукалку, – велел я бойцу и забрал ПТР, убрал его на дно повозки, туда же положив и винтовку, и прикрыл их мешковиной, засыпав сеном. В руки я взял «Суоми» – сейчас он предпочтительней.

Пока я возился с повозкой и оружием, оба пограничника, с которыми я вел бой, исчезли. Как я понял из объяснений санитаря, они ушли в расположение основного состава заставы, то есть к окопам. А я даже не узнал, как их зовут.

– Сколько взять сможешь? – устало утирая рукавом потный лоб, спросил санитар.

– Трех. Если четвертого, то только сидячим, на задок. В ноги. А этих валетом положим.

– Как раз четверо.

– Этого не возьму, – указал я на одного из пограничников с ранением в живот. – Судя по ране, час ему осталось, не больше. Ему все равно, где умирать, а другим нужно дать шанс. Понимаю, что это бесчеловечно, но у других раненых появится шанс, а у этого его никогда не будет.

Санитар явно хотел поспорить, но тут двое бойцов принесли еще одного бойца с осколочными ранениями ног.

– Теперь нормально. Грузимся, – велел я.

Пока повозка была не загружена, я достал свой медицинский чемоданчик и щедро поделился с санитаром своими запасами. Особенно перевязочными материалами, а то у него уже к концу подходили.

Я помог погрузить четвертого раненого, бойцы, что принесли его, сразу после этого убежали обратно, поэтому, пожав руку санитару, сказал:

– Удачи.

Шмель все это время жался у моих ног, мелко дрожа от стрельбы и разрывов, но вел он себя уже не так, как в самом начале, привыкал. Подхватив его и посадив на скамейку, повернулся назад:

– Как вы?

– Нормально, – откликнулся тот, что полусидел.

– Вези осторожнее, хорошо? – негромкой попросил второй, с ранением в грудь.

Откликнулись только эти двое пограничников, двое других находились без сознания. Стегнув поводьями по крупу Красавца, я заставил его развернуться, причем так, чтобы он не зацепил повозкой деревья, и через тридцать метров вывел на дорогу, по которой вчера вечером прогнали полуторку пограничников, найденную в каком-то овраге. После этого, поглядывая по сторонам и оставляя за спиной все более удаляющуюся перестрелку и артиллерийскую стрельбу, хотя тут везде гремело, я тихонько, чтобы не растряссти раненых, двигался по лесной дороге в сторону нашего тыла. Нужно успеть отъехать как можно дальше, чтобы немцы меня не обогнали. Хотя бы завтра утром хотелось бы оказаться в Луцке.

Двигались мы по лесу часа четыре. Я трижды останавливался, чтобы дать попить тем, кто в сознании. Остальным я смачивал губы. Пока хватало. В основном шум был именно от них, стонали. Те, что были в сознании, держались и терпели, хотя изредка скрежетали зубами. Это еще повезло, что у меня повозка мягкая, не особо трясет на корнях деревьев. Как тут только полуторка ездил?

Когда появился впереди просвет, то есть опушка, я остановился и, скомандовав Шмелю охранять повозку, а то он наострился за мной, побежал вперед, осмотреться.

Держа автомат наготове, я осторожно скользил к опушке, время от времени замирая и прислушиваясь. Укрывшись за деревом, я достал бинокль и оглядел то, что было видно с моего места. Честно скажу, не очень видно. Я тут проезжал вчера и знал, что кустарник

на этом открытом пространстве идет рядом с дорогой еще метров триста, а потом уже нормальные поля с полевой дорогой от деревушки до деревушки.

В это время недалеко от нас прошло двенадцать немецких самолетов, двигаясь вглубь страны. Время было девять утра, а самолеты я увидел впервые. Во время боя и бега было не до того, чтобы смотреть в небо, ж...у бы унести. Когда ехали по лесу, слышать слышали, как гудят, но деревья их закрывали, а сейчас я увидел их воочию. Шли они примерно на тысяче метров.

Вздыхнув, я повесил бинокль на шею и, перевесив автомат за спину, стал взбираться по осине, которую еще на подходе заметил, чтобы осмотреться с высоты. Очень уж мне не нравились дымы впереди. Тут буквально в пяти километрах дальше танковая часть стояла, как бы не они горят. Когда мимо проезжал, видел бочки с бензином, закрытые маскировочной сеткой. Не для маскировки, а от солнца.

Кроме этих дымов, своей чернотой показывающих, что горит техника, были еще, но пониже. Осмотрев ближайший, я задумался, а не там ли стоял отряд, к которому была приписана двенадцатая застава. Надо у раненых спросить, уж они-то должны знать.

Когда я вернулся к повозке, раненный в ноги пограничник подтвердил мое предположение. Именно там находилось село, где располагался отряд. Весело. Придется стороной обходить.

Предупреждать местных мне задача не поставлена, к тому же Москалев по-любому отправил посыльного в отряд. Только двигался он по одной из подчищенных мной тропок. Думаю, и помощь заставе там же прошла.

Выкатившись под открытое небо, я прибавил скорости. Дорога тут не было убитой, можно. Трясло не сильно.

К моему удивлению, так мы преодолели километров двадцать, остановившись на час у одной из речушек – мне требовалось напоить раненых, в сознании теперь были все четверо, а также уставшего Красавца. Набрав воды, я помог раненым оправиться, потом завел коня в воду и помыл его, охлаждая. Сегодня жаркий день будет. Не забыл и сам окунуться.

Прежде чем двинуться дальше, я проверил повязки раненых. Кровило у двоих, не сильно, но все же, поэтому обоим наложил дополнительные повязки.

Народа на дороге хватало, но в основном гражданских. Дважды видел сгоревшие машины. По следам вроде с верха обстреляли. Если военные и встречались, что шли в одном с нами направлении, то раненые. В основном потрепанные войсковые колонны шли навстречу. Не сказать, что много, но попадались. Однажды, где-то к обеду, когда я уже хотел остановиться – раненым питание требовалось, а то только сухари да вода, – рядом притормозила полуторка с красными крестами на тенте.

Она вырулила неожиданно с боковой дороги и почти сразу встала как вкопанная.

Дверь пассажира распахнулась, и оттуда выглянула испуганная молодая женщина лет двадцати пяти на вид со знаками различия военфельдшера.

– Вы куда раненых везете? – спросила она у меня.

– В окружной госпиталь под Луцком, – ответил я, внимательно ее разглядывая, не забыв изучить и водителя, который вышел из машины и копался под капотом.

– Мы их заберем. У нас три свободных места. Кто это и откуда?

– Пограничники двенадцатой заставы. Прежде чем передать вам раненых, хотелось бы посмотреть на ваши документы.

– Да, конечно, вот, смотрите.

Кроме ее документов я глянул в красноармейскую книжку водителя и заглянул в кузов. Действительно, раненых везут.

– Дивизия Кириленко?

– Да.

– Хорошо, вот их документы. Давайте помогу перенести в кузов.

Одного бойца пришлось усадить на пол, но я ему сена две охапки подстелил, чтобы помягче было. Эти медики фактически спасали меня, теперь я мог чуть ли не галопом скакать в Луцк. Скорость моего движения изрядно увеличится.

Буквально через две минуты машина скрылась за складками местности, а надо мной, завывая моторами, пронеслась пара аппаратов с тонкими фюзеляжами и крестами на крыльях.

– Нет, – тихо сказал я, привставая на ступеньке. – Нет... Суки, что вы делаете?!

Стегая Красавца по крупу, я заставил его гнать туда, где два «мессера» выходили из атаки. Когда я выскочил на косогор, стал в отчаянии натягивать поводья в попытке остановить коня, но тот никак не слушал меня, хотя и начал переходить на рысь, потом на шаг. Сзади скулил испуганный Шмель.

Впереди горела лежавшая на боку полуторка, а «мессеры» вернулись на высоту. Как оказалось, они сопровождали бомбардировщиков.

Остановив разгоряченного Красавца у горевшей машины, я соскочил на землю и побежал ближе, но жгучее пламя заставило отшатнуться. На дороге лежало три тела. Видимо, их выкинуло из кузова, когда машина на скорости легла набок. Однако все трое были мертвы. Один из них был тот паренек-пограничник с ранениями ног. От удара о землю он проломил себе голову.

– Простите, парни, не довез вот, не смог, – чувствуя, как текут слезы по грязным щекам, пробормотал я.

Не знаю, наверное, я минуты полторы простоял так на коленях рядом с погибшим пограничником, когда меня отвлек чей-то наглый молодой возглас:

– Бать, гля, сколько краснопузых побило. Этот тоже из них, смотри, как горюет.

Обернувшись, я посмотрел на двух мужиков, по виду горожан. Тот, что постарше, уже хозяйски примеривался к моей повозке, заглядывая в кузов, а ко мне шел тот, что помоложе, играя ножиком в руке. Одет я был как крестьянин, и было понятно, что они хотели поиметь с меня повозку, вот только я думал иначе. При взгляде на них у меня мелькнуло воспоминание, что я обогнал их на дороге, когда спешил к машине.

Вытерев слезы рукавом, я зло оскалился, вставая на ноги и разворачиваясь.

– Вы-то мне, твари, и нужны. Ох, как же вы вовремя!

По дороге брели люди, неся в руках, везя на велосипедах, в тачках и телегах свой скраб. Уходили они от войны, от той, что громыхала у границы, что находилась в тридцати километрах позади. Шли как могли, покрытые слоем пыли, они вели за собой детей и скотину, уставшие, голодные. Шли навстречу военные колонны, проскакивали в разные стороны машины, мотоциклы, изредка броневики, однажды прошла танковая колонна, внося свою лепту в поднятие пыли над дорогой. И это еще на обычной полевой, что же творится на шоссе Владимир-Волынский – Луцк?

Почти все смотрели, как двое горожан, активно работая лопатами, копали общую могилу для одиннадцати тел, трех целых и восьми обгоревших. Некоторые командиры подразделений подходили и, козыряя, спрашивали о причинах работ двух гражданских под дулом автомата. Получая ответ, когда мысленно, а однажды и реально плюнув в противников советской власти, шли дальше к границе.

Вот и сейчас, посигналив крестьянской телеге, что медленно двигалась посередине дороги, влекомая старой худой клячей, под управлением на удивление упитанного крестьянина, на обочине остановился броневик с сорокапятимиллиметровой пушкой в башне. Как и ожидалось, очередная проверка.

Из броневика вышел еще один командир, в этот раз младший лейтенант, и, оправив форму и фуражку, направился ко мне.

– Военный патруль, младший лейтенант Зоркий, – козырнул он. – Что тут происходит?

– Да вот, радовались, что погибли наши раненные под атакой «мессеров». Учту уважать советскую власть и граждан трудотерапией... Эй! Вам кто-то разрешил останавливаться?!

– Так, пан офицер, полтора метра, как и сказали.

– Ладно, сейчас хоронить будем.

– А что у них рожи побитые? – поинтересовался лейтенант.

– Нечего было под руку попадаться.

– Документы? – вопросительно спросил у меня лейтенант, покосившись на висевший на ремне автомат.

– Сразу надо спрашивать, – вздохнул я, в седьмой раз доставая документы.

– Документы у вас в порядке, – возвращая лист бумаги, подтвердил лейтенант. – Наша помощь нужна?

– Военский салют можете сделать? Тут недолго.

– Задержимся, – серьезно кивнул командир патруля.

Отец и сын Михайлеченко отошли в стороны, наблюдая, как мы сами укладываем погибших в могилу. Их сторожил водитель броневика с карабином в руках, что стоял у открытого люка и недобро поглядывал на местных жителей. Я знаю, что скоро буду проезжать мимо десятков, а то и сотен таких тел, но этих я похороню со всеми воинскими почестями.

– Это что? – спросил лейтенант, наблюдая, как я кладу в могилу алюминиевую пластину.

– Для потомков. Я тут только четверых пограничников знал, водителя и женщину-врача, успели познакомиться. Нацарапал их данные и кто где служил.

– А-а-а. Ну ладно.

Мы дождались, когда Михайлеченки закопают могилу и подровняют холмик, после чего по команде Зоркого произвели салют.

– С этими что делать будем? Подозрительные личности, – спросил лейтенант, наблюдая, как я выдергиваю из земли деревянный колышек и переносу поводья к повозке.

– У тебя есть время ими заниматься? Вот и у меня нет. Отпускать их неохота, – протянул я. – Может, расстрелять?

Семейка Михайлеченко, устало сидевшая у могильного холмика, взвыла и стала кричать, что они самые ярые приверженцы советской власти.

– Ты им веришь? – скептически поглядывая на ползающих и воющих укров, спросил лейтенант.

– Нет, – коротко ответил я.

– М-да, я тоже... О, смотри, сотрудники милиции идут, вот им их и сдадим.

По дороге действительно шли шестеро сотрудников РККМ в бело-синей форме. У трех были карабины, у остальных пистолеты в кобурах. Лейтенант направился к ним и стал что-то втолковывать старшему в звании капитана. Тот покивал и с одним из своих сотрудников подошел ко мне. Прежде чем задавать вопросы, капитан попросил документы. Я тоже решил проверить капитана. Оказалось, он был из Владимира-Волынского. Начальник райотдела. Странно. Почему он со своими подчиненными тут, а не на своем рабочем месте, хотя бы не участвует в обороне города?

– Доложите, как все было, – велел капитан.

После моего рассказа с комментариями Зоркого, он покивал и сказал:

– Разберемся.

Мы направились к дороге, я вел на поводу Красавца, когда лейтенант спросил, кивнул на милиционеров:

– Как думаешь, разберутся?

– Отпустят, скорее всего, – рассеянно ответил я, ища взглядом щенка, куда-то он запропастился. – Но это уже будет на их совести... Шмель! А ну иди ко мне, ты где пропадал?

– Да, будет на их совести, – также посмотрел на капитана лейтенант.

– Ну, давай, лейтенант. Надеюсь, у тебя все будет хорошо.

– Бывай, – кивнул Зоркий и, пожав мне руку, забрался в машину, приказав водителю начать движение. Стегнув Красавца по крупу, я направился следом.

Дальше я двигался в темпе, стараясь наверстать упущенное время, однако как ни пытался добраться до Луцка до наступления темноты, не успел. Остановился на ночевку в десяти километрах от окраины города. За все время езды ко мне трижды подсаживались попутчики, но большинству я отказывал. Только тех, у кого были дети, подвозил. Вот и в этот раз была молодая женщина с ребенком, на мое предложение переночевать в поле она отказалась, ответив, что отдохнула и с дочкой дойдет до села. Мол, там у нее родственники. Настаивать я не стал.

На этом месте я уже устраивал лагерь. Поэтому, заметив нужный луг, свернул к нему и после поля выехал на берег речушки.

Пока еще не совсем стемнело, обиходил своих животных, напоив и накормив их, после чего на разгоровшемся костре начал готовить похлебку. Хотелось не есть – жрать, вот близкое слово.

Артиллерийская канонада уже не была слышна, да и не стреляли немцы ночью, разве что только разрывы бомб в Луцке изредка были слышны. Немецкие летчики и ночью летали. Поэтому удивился, когда услышал хруст винтовочного выстрела совсем рядом, а за ним сразу еще два.

– Это еще что такое? – пробормотал я.

Уже почти совсем стемнело. Однако достав из повозки «браунинг», я взбежал на косогор, что находился в сотне метров от лагеря, и, бросив рядом разгрузку с запасными магазинами, что до этого нес в руке, установил пулемет на сошки и принял к прицелу. По лугу бежало с полтора десятка человек, их преследовали трое в нашей форме и в фуражках. Изредка то один, то другой приседал и с колена производил выстрел. Судя по трем телам, стреляли они не безрезультатно.

Удивительно, но я узнал одного из бойцов. Как-то во время наших лесных приключений, когда мы брали хутора, за задержанным приезжали бойцы из роты НКВД. Судя по всему, преследователи были из 233-го конвойного полка войск НКВД, что осуществлял также охрану луцкой тюрьмы. Массивную фигуру младшего сержанта Прокопенко не спутаешь ни с кем, особенно его поглаживание усов.

– А это, значит, бандиты рванули в бега? Ну-ну, – пробормотал я.

С момента опознания сержанта прошло около секунды, когда, проверив прицел, я открыл огонь короткими очередями, фактически выкашивая ряды беглых задержанных.

Через полминуты, когда закончился второй магазин, живых, кроме сотрудников НКВД, на лугу не было, ни один из бежавших до спасительных кустов не добрался.

Пока двое бойцов проверяли тела, спокойно, на моих глазах добивая раненых штыками, ко мне направился Прокопенко. Теперь требовалось нам с ним опознаться. Дело в том, что тот меня не видел, я находился в хате, это Леший сообщил мне, кто приехал в очередной раз за задержанными. Вот я и запомнил.

– Кто такие? – спросил он на подходе. Видимо, сержант подумал, что я тут не один.

– Не ори, Прокопенко, свои, – ответил я вставая.

– Фамилию мою знаешь, значит, действительно свой. Ты один?

– Один, – ответил я и тут же сообщил: – Ты приезжал на хутор в лес шесть дней назад. Ну, где еще баба над убитым хуторянином убивалась.

– Это я помню, тебя там не видел, – подходя ближе, ответил сержант.

– Я в хате был.

– Документы есть? – осветил он меня фонариком.

– Есть.

Через минуту сержант вернул бумажку и хмыкнул в усы:

– Свой, значит?

– Верно, с луцким отделом работаю. Что это сейчас было? Задержанные бежали?

– То не. Немцы тюрьму разбомбили, часть заключенных в бега подались. Нас отправили следом, приказали, если нет возможности задержать, уничтожить на месте. Это третья группа беглых за сегодня. В город им не дали уйти, в поля отжимали, а тут мы. Этих вот долго ловили. Большая часть из банд, знают, как себя в лесах вести. Вот, перед самой темнотой нашли.

– Понятно.

– Твой пес?

Обернувшись, я разглядел остроконечные уши щенка, что прятался в траве.

– Мой... Ты что тут делаешь?! Кто повозку будет охранять?! А ну-ка на место! – крикнул я ему.

– Ух, как шустро улепetyвает.

– Он повозку должен охранять, а не за мной бегать. Молодой еще, службу только начинает понимать.

– Ладно, наша машина подошла, бывай, парень. Спасибо за помощь, – протянул мне руку Прокопенко. Рукопожатие у него было крепким, да и у меня не слабое.

Сержант стал спускаться к своим. Там фары машины освещали луг, а я направился на противоположную сторону косогора, к лагерю. Похлебка готовится, да и чайник уже, наверное, закипел.

Через час, когда я поужинал – на утро еще осталось – и приготавливался отойти ко сну, надо мной прошла очередная группа немецких бомбардировщиков. Со стороны Луцка были видны отсветы пожаров, которые подсвечивали летчикам цели. Сплюнув, я укрылся одеялом и спокойно уснул.

Я был в курсе, что немцы, прорвав оборону границы, двигаются к Луцку. Не знаю точно, где, но предположу, они стоят где-то недалеко. Думаю, завтра-послезавтра они возьмут город. Я пока еще не выбрал, зайти в Луцк или, обойдя его, двигаться дальше, вглубь страны, опережая немцев.

Утром решу. Скорее всего, наведаюсь в город, узнаю, как там парни. Все-таки сотрудники этого отдела стали для меня своими.

Еще не совсем рассвело, как я, позавтракав, выехал к на удивление пустой дороге и покатил к городу. Думаю, за час доберусь, тут совсем немного осталось. Ехал я, естественно, в крестьянской одежде, поэтому, когда меня догнали и, что важно, обогнали трое мотоциклистов в форме мышиного цвета, замер от удивления. Я, конечно, слышал, что немцы двигались вглубь страны, наматывая чуть ли не по сто километров в день, но убедиться в этом лично – совсем другое дело. Я думал, они ближе к вечеру к городу подойдут, а оказалось, уже сейчас разведгруппы шныряют по дорогам.

– ...чтоб вас перевернуло, ...нагнуть и... ..долбаные! – вырвалось у меня.

Немцы на меня особо внимания не обратили. Ну, едет паренек на повозке, где было свежескошенное сено, да и то немного – я сегодня утром накосил, выкинув окровавленную траву. Едет и едет, задание у них было поважнее.

– Так. Это разведка. Значит, за мной идут основные силы. Следует поспешить, – пробормотал я и стегнул Красавца.

Мы и так не сказать, что медленно двигались, теперь же еще увеличили скорость, перейдя на рысь. Еще немного, и Красавец сорвется в галоп. Загонять его не хотелось. Я планировал двигаться сегодня не только весь день, но и большую часть ночи, чтобы у меня была фора.

Когда появилась окраина города, я заметил на дороге давешних мотоциклистов. Они спокойно стояли и курили у своих двухколесных машин. Красавец уже перешел на быстрый шаг,

поэтому мое появление из-за поворота не удивило немцев своей внезапностью. От него до немцев было триста метров, что позволило мне обдумать ситуацию.

«Их семеро, один на одиночке, и по трое в двух больших с пулеметами в люльках. В принципе нормально. Главное, того, у одиночки, завалить, стоит неудобно, да и автомат у него, может стегнуть очередью», – судорожно размышлял я, прикидывая план действий.

Судя по всему, немец хотел осмотреть повозку, скорее всего, на предмет съестного, а вот этого мне нельзя было допустить. Того, что лежало в кузове, хватит на десяток расстрелов.

– Хальт! – скомандовал стоявший на дороге немец в каске, подняв руку.

Остановив коня, я спрыгнул на пыльную дорогу так, чтобы Красавец загораживал меня своей тушей от остальных гитлеровцев, и, направляясь к первому, насколько мог быстро выхватил из кобуры «парабеллум» с глушителем и выстрелил в него.

Дернув головой, немец начал заваливаться на спину. Молниеносно выскочив из-за коня, пока остальные фашисты не поняли, что происходит, и переводя ствол пистолета с немца на немца, посылал в каждого по одной пуле. В автоматчика на одиночке пришлось послать две, первая вошла в плечо, когда он дернулся. Быстро перезарядившись, я пробежался и произвел контроль.

На миг остановившись, осмотрелся.

– Охренеть я пострелял.

Слегка била дрожь от выброса адреналина, но это у меня не первая подобная сшибка лицом к лицу, и я знал, что скоро это пройдет. А пока не прошло, требовало поторопиться.

Сбор трофеев почти сразу остановил возглас из кустов:

– Эй, парень, помоги нам, развяжи.

Подойдя к обочине, я посмотрел в заросший кустарником овраг. Теперь понятно, почему автоматчик стоял один, он контролировал пятерку пленных. Трех красноармейцев, командира в звании лейтенанта и какого-то гражданского в светлом, но уже испачканном костюме.

– Вы еще кто такие? – нахмурившись, спросил я, направив ствол только что подобранного автомата на пленных.

– Э-э, ты, парень, не шути! – сразу же откликнулся лейтенант. Видимо, он тут был признанным командиром.

– Я редко когда шучу. Документы?

– У того, что нас караулил, были. Он их в планшет убрал. Так развяжешь?

– Документы изучу, там посмотрим. Не двигаться, лежать на месте.

Отстегнув командирский планшет от ремня обозначенного немца, я было открыл его, как в небе раздался рев авиационных моторов и треск пулеметных очередей. Тройка «ишачков» дралась с двумя «мессерами» буквально над нами. Однако на это действие я посмотрел мельком. Меня заинтересовала другая группа истребителей.

Вторая тройка «ишачков» шла прямо на строй немецких бомбардировщиков. Конечно, мне было интересно, но дело не ждало. Достав из планшета три десятка удостоверений, я пролистал их и нашел нужные. Бойцы называли фамилии, так как в их красноармейских книжках не было фотографий, лафа для диверсантов, остальных я нашел и так.

Вернув лишние документы в планшет – видимо, немец собирал их с тел убитых командиров, большая часть были именно командирские удостоверения – я бросил его на сено в повозке и, подойдя к краю оврага, спросил присутствующих, ткнув пальцем в лейтенанта:

– Этого хлопца кто знает?

– Лейтенанта? – переспросил один из бойцов. – Нет, он недавно к нам присоединился.

Лейтенант заметно занервничал и завожился.

– Это немецкий диверсант. Я внештатный сотрудник НКВД, и мне известны специальные метки в удостоверениях, однако у него их нет. Так, бойцы, разошлись. Вернее, расползлись в стороны, – приказал я, поднимая ствол автомата.

– Эй, ты чего делаешь?! – закричал диверсант. – Не имеешь права!

– Я все имею. И всех.

Автомат коротко дернулся в моих руках, и пере одетый немец – или фашистский пособник, говорил он чисто – откинулся на спину, зажмутив глаза. Фуражка слетела с его головы и откатилась в сторону, а в паху начало расплываться большое пятно.

– Ты что, идиот, действительно решил, что я тебя расстреляю? Ага, щас, нашим сдам.

– Горит! – вдруг заорал один из бойцов, с трудом вставая на ноги и глядя в небо. Посмотрев туда же, я обнаружил, что один «мессер» действительно, дымя, неся к земле и упал где-то за рощей. В это же время другая тройка наших «ястребков», достигшая клина бомбардировщиков, с ходу атаковала строй и, на удивление, сразу сбила одного. Тот, дымя горящим мотором, устремился к земле, а в воздухе раскрылись два парашюта.

– Красивое зрелище, – довольно кивнул я, после чего, повернувшись к пленным, спросил: – Мотоциклы кто водить умеет?

– Все умеем, мы из автобата, – ответил тот же боец.

– Отлично, забираете технику и валите отсюда, а я пока соберу документы у немцев и часть оружия, – сообщил я, спускаясь по тропинке и доставая нож. – Как вас взяли-то?

– Как-как, – проворчал боец, остальные продолжали молчать. – Подлетели и заорали что-то по-своему. А у нас даже оружия не было, кроме пистолета... этого.

– А гражданский кто? Я так понял, вы командировочный?

– Из самого Киева, позволю напомнить, молодой человек, – ответил тот с несколько специфичным говором. – Я отвечаю за...

– Да я это из документов понял, – перебив его, сказал я. – Вот, кстати, в плен к немцам я вам попадать не советую. Расстреляют. У них приказ по всем частям политработников и евреев расстреливать. С этими вам еще повезло, похоже, не поняли, кого взяли.

За разговором мы освободили дорогу от тел, побросав их вниз, трофеи я покидал в повозку, включая один МГ-34 с солидным боезапасом, а также бойцы помогли мне погрузить «языка». Я еще на всякий случай проверил у него веревки и навязал дополнительные узлы.

Бойцы попрыгали на мотоциклы, теперь они были вооружены карабинами. Гражданский сел в люльку, причем в ту, где я снял пулемет, и через несколько секунд только поднятая пыль и выхлоп от мотоциклов напоминали, что тут стояла техника. Обернувшись, я заметил на дороге клубы пыли и, выругавшись, подбежал к повозке, закинул Шмеля в кузов и погнал в город. К Луцку подходили немцы.

Я успел удрать раньше, чем они вышли на дистанцию прицельной стрельбы, и теперь гнал по улицам. На третьей пришлось натягивать поводья и, спрыгнув на брусчатку, разворачивать Красавца под уздцы. Одна из бомб попала в жилой дом, и улицу перегородила упавшая стена, тут не проехать. Пришлось уходить по параллельной улице.

Петляя по улочкам в поисках, где можно проехать, но уже шестой раз наталкиваясь на заторы, в данном случае это были два столкнувшихся и сгоревших грузовика, я обнаружил, что в своих метаниях преодолел город и оказался на противоположной окраине, рядом с мастерской Степана, где я когда-то купил эту повозку.

Здание бывшей фабрики по производству карет покосилось – во дворе упала авиабомба и взрывной волной повредила его. На улицах еще встречались люди, бомбежка только что закончилась, наши «ястребки» не смогли остановить стервятников люфтваффе, поэтому люди торопливо, с котомками в руках, бежали к выезду из города, а другие, в основном местные, с некоторым злорадством смотрели за этим из частично выбитых окон.

Загнав повозку сперва во двор, я объехал большую воронку и, остановив коня, взял его под уздцы и завел в само здание. Крыша частично уцелела, поэтому я посчитал, что сюда никто не войдет.

– Вставай, – скомандовал я диверсанту, привязывая поводья к крюку.

Пришлось ему помогать, сам он спуститься не мог. Разрезав веревки на его ногах, я вывел диверсанта из здания бывшей фабрики и велел замереть, устанавливая на входе растяжку. Для Шмеля высоко, не заденет, а вот человеку не поздоровится. Осколки пойдут наружу, так что мои животные, кроме испуга, ничего не получают.

– Охранять! – скомандовал я щенку, он уже знал, что это команда не удаляться далеко от повозки, и, подхватив «лейтенанта» под локоть, повел его к выходу со двора фабрики. Одет я был все так же под крестьянина, однако в самодельной кобуре под мышкой был «парабеллум» с глушителем, под рубахой кобура с табельным наганом, а сзади за поясом польский «Вис». Карманы топырились от магазинов и патронов россыпью.

От фабрики до здания отдела было недалеко, буквально пять минут быстрым шагом, этим маршрутом мы и шли, поглядывая по сторонам.

Народу на улицах, в принципе, хватало. Я же говорю, пользуясь тем, что бомбежки не было, жители бежали, но прицепился ко мне из-за того, что я веду связанного командира РККА, всего один, да и то милиционер. Мои документы его удовлетворили, а узнав, что это диверсант, он только сжал цевье карабина.

– Суки, вечера вечером немецкие самолеты сигнальными ракетами наводили. В детдом попали, больше пятидесяти детей погибло.

Оставив милиционера на перекрестке, где он продолжал изрыгать проклятия в адрес диверсанта, я повел «лейтенанта» дальше.

– Слушай, может, договоримся, а?

– Еще раз пасть откроешь, руку прострелю, – рассеянно ответил я. Мне не нравилась близкая ружейно-пулеметная стрельба.

До поворота, откуда я смогу увидеть отдел, осталось метров сорок, когда вдруг вспыхнула близкая перестрелка. Подскочив к углу, я выглянул и выругался, глядя, как у отдела горят две полуторки, по улице носит пепел от сгоревших бумаг, а подъехавший к зданию немецкий танк вдруг выпускает струю из огнемёта в окна отдела. Почти сразу из окон начали выпрыгивать объятые огнем люди. Один из сотрудников как-то умудрился погасить пламя и побежал в мою сторону, явно ничего не видя. Все его лицо пузырилось волдырями от ожогов. Судя по лохмотьям формы, это был кто-то из наших.

– Сюда! Беги сюда-а! – заорал я, чтобы он сориентировался на звук. Но тот, умудрившись преодолеть более ста метров, не добежал до угла буквально несколько шагов. Он дважды дернулся, на заплетающихся ногах все-таки дошел до угла и свалился. Ухватив его за пояс, я затащил раненого за угол. При этом я заметил, что в нашу сторону бегут трое солдат в касках, с рюкзаками за спинами и карабинами в руках.

В это время диверсант, воспользовавшись тем, что я отвлекся, выскочил и побежал по улице в ту сторону, откуда мы пришли. Отбежать он успел метров на десять, именно столько времени мне потребовалось, чтобы достать «Вис» из-за пояса.

Вокруг стоял грохот стрельбы, так что слабые хлопки потонули в этом шуме.

– Как там наши? Кто живой остался? – затормошил раненого, изредка поглядывая из-за угла на приближающихся пехотинцев. Один как раз на ходу готовил гранату.

Общаясь я с раненым грубо, но ситуация такая была, да и не жилец он был.

– Никто, все в отделе были... готовились к эвакуации... Мы не знали, что немцы так близко... Не знали! – прохрипел раненый, в котором я узнал секретаря капитана Немцова, и замер, умерев у меня на руках.

– Суки, – прошипел я и мягко завалился набок, чтобы голова и рука со вскинутым пистолетом показались из-за угла. Прозвучала серия выстрелов, и все три пехотинца упали. До них было всего метров пятнадцать. Когда я вскочил на ноги, рядом с одним из них еще и граната рванула.

Вытащив из кармана погибшего сотрудника документы, я побежал к фабрике. Город нами, похоже, был потерян, требовалось как можно быстрее его покинуть, пока была такая возможность.

Больше ничто меня тут не задерживало. Теперь получалось, что, кроме Рогозова, в Киеве обо мне никто не знал. Вся информация сгорела в отделе, так необдуманно сожженным фашистами со всем архивом и людьми. Именно такие мысли у меня мелькнули, когда я рванул от угла по улице, стараясь прижиматься к стене.

Однако убежать я далеко не успел, буквально сразу же после того, как перепрыгнул через тело убитого диверсанта, услышал сзади звук мотора. Мельком обернувшись, я заметил, как на улицу вырывается грубообразный бронетранспортер. Точно такой же, как те, что я видел у брода на двенадцатой заставе. За пулеметным щитком были видны каски двух немцев, которые выщеливали на улице будущие жертвы. А так как, кроме меня, никого на улице не было, все попрятались, то естественно, моя улепетывающая фигурка привлекла их внимание. Да еще пистолет в руке.

Мне повезло. Не, реально повезло, что я заметил приоткрытую дверь, ведущую в подъезд дома, мимо которого в данный момент пробегал. Нисколько не раздумывая, я влетел в этот подъезд и, запнувшись о порог, кувырком полетел по чисто вымытому плиточному полу, сумев затормозить и не врезаться в перила и ничего себе не поломав. Правда, пистолет я удержать не смог и тот зашуршал по плитке в сторону.

Немцы все-таки открыли огонь, часть косяка и двери запестрели пробоинами, по ушам ударил визг рикошета, и вместе с пылью по подъезду разлетелись щепки. Закрыв руками голову и свернувшись калачиком, я переждал стрельбу и, схватив лежавший рядом «Вис», рванул к черному ходу. Там висел большой замок, понадобилось четыре выстрела, чтобы сбить его и выскочить во двор, укрывшись в зарослях сирени.

Как и ожидалось, немцы дураками не были и послали через дворы группу солдат.

– Что же вы тройками-то ходите? – тихо пробормотал я, разглядывая фигурки врагов и перезаряжая пистолет.

– Вон сидит! Берите его! – завизжал неожиданно выглянувший из окна на втором этаже этого же дома какой-то тщедушный мужичок, тыкая в меня пальцем.

Пришлось действовать молниеносно. Прямо с места, с пятнадцати метров, я выстрелил три раза, уложив двоих наповал и ранив третьего, у которого были нашивки ефрейтора. Если я не ошибся, конечно. Четвертая пуля полетела в окно, но предателя там уже не было. Успел нырнуть внутрь, падаль.

Подскочив к немцам, я быстро разоружил ефрейтора и заставил встать, дважды ударив по ране, чтобы тот от боли пришел в себя. Прислонив его к стене дома, я склонился над убитыми. Первым делом я вытащил гранату-колотушку и, выдернув шнур, закинул в окно, откуда кричал предатель. Дальше, работая, я отсчитывал, сколько горит замедлитель.

С немцев я снял только документы, да у одного вытащил две гранаты-колотушки и использовал одну. Все трое были вооружены карабинами, их я брать не стал.

– ...восемь, – пробормотал я, отсчитывая время, когда в комнате предателя хлопнула граната.

За это время мы успели перебежать двор, взрыв застал нас у дверей черного входа. Пройдя проходную соседнего дома, мы оказались на параллельной улице, где немцев еще не было. Пленный истекал кровью, но я ничего не мог сделать, не было с собой перевязочных средств. Только наложил жгут из веревки. Тот что-то бормотал, но, к сожалению, немецкий я не знал.

Заметив, что он тянется к карману целой рукой, я ударил по ней и нашел в этом кармане бинт.

– Так вот что ты говорил?... Стой на месте.

Улица была на удивление пуста. Поэтому, прислонив гренадера к стене дома, я связал ему руки сзади, убрал пистолет обратно за пояс и стал накладывать повязку прямо поверх формы, чтобы хотя бы просто остановить кровь.

До фабрики немец дошел с трудом – стал отходить от адреналина и передвигал ноги уже еле-еле. Пришлось помогать ему и поддерживать. Во дворе я оставил его сидеть на обломке, все равно никуда не убежит, а сам, сняв растяжку, вывел коня под уздцы из коробки фабрики во двор и подвел к немцу.

Грузить пленного в телегу пришлось самому, тот уже совсем расклеился. Надеюсь, я найду, кто говорит по-немецки, и его можно будет допросить. Хотелось бы знать, как немцы прорвались к городу. Судя по шуму, группа была небольшая. Скорее всего, моторизованная рота с несколькими танками. Вот это и требовалось выяснить.

Через десять минут мы покинули город и галопом погнали по дороге. Я не обращал внимания, что немец стонет и кричит в повозке, требовалось убраться как можно дальше.

Наверное, ему повезло, я увидел, как нам навстречу двигается моторизованная часть, поэтому перевел уставшего и обезвоженного Красавца на шаг, тот тряс головой и ржал, намекая, что уже пора водицы испить. Спустившись с повозки на дорогу, я подошел к коню и, потрепав его по гриве – он ткнулся мне губами в руку, – сказал:

– Потерпи совсем немного, и будет все – и вода, и овес... Шмель, куда побежал, попадешь под гусеницы, никто не поможет! – крикнул я щенку, который, спрыгнув с телеги, носился по дороге, а после моего крика подскочил и, сев рядом, преданно уставился на меня, высунув язык.

Когда колонна приблизилась, я придержал испуганного Красавчика за узду – тому не нравилась грохочущая и ревущая техника – и замахал свободной рукой, прося остановиться.

В двухстах метрах впереди колонны катились два броневика, осуществляя непосредственную разведку пути, они-то и остановились рядом.

– Что такое? – крикнул один из командиров.

– Немцы в городе, с танками. Я взял пленного. Есть те, кто говорит по-немецки, чтобы допросить его? – коротко проинформировал я его о ситуации, чтобы не терять время.

– Найдутся, – кивнул удивленный командир и, спустившись на землю, подошел к повозке. Также подойдя к ней, я разворошил сено и показал пленного.

– Точно немец, – подтвердил тот. – Ранен?

– Да, руку ему прострелил выше локтя.

– Документы есть?

– Есть, – ответил я и привычно полез в карман.

Колонна простояла на дороге минут пятнадцать, после чего двинула дальше. За это время командиры штаба мотострелкового полка допросили пленного, который с ними охотно сотрудничал. Я же успел напоить Красавца и щенка. Последнего так еще и накормить, конь и так травку щипал.

– Ну что? – спросил я, заметив подходившего командира. Его броневик стоял неподалеку, с другой стороны дороги, на обочине.

Большая часть колонны уже пошла мимо, и двигались тяжело нагруженные машины тыловых служб, поэтому пришлось держать Красавца все это время.

– Да, немцев всего две роты при пяти танках и восьми бронетранспортерах. Они полевыми дорогами как-то смогли обойти наши узлы обороны и с ходу ворвались в город. А к вашему отделу их вывел диверсант в нашей форме. Требовалось захватить архив, но во время боя был убит командир одной из рот. Вот немцы и начали действовать несколько жестко, не слушая вопли диверсанта. Этот ефрейтор состоял при штабе этой группы, знал, как все происходило, ценный кадр. Тех трех солдат, что ты убил, как резерв послали следом, заодно перекрыть ту улицу. Ну, а дальше ты знаешь. Унтер их отправил в обход на перехват,

а там ты их и перехватил. Так что большого прорыва не было, это просто были сорвиголовы. Читал этот роман?

– Читал. Ясно, вы меня успокоили.

– Да этих мы и без помощи танкистов раскатаем, они позади нас двигаются, и пойдем дальше. Ну, давай, парень, спасибо за пленного, он выдал нам неплохие сведения по обстановке на границе.

– И как обстановка?

– Да перемешано там все, каша. Все, бывай.

Проследив, как командир перебежал дорогу, чуть не попав под колеса очередной полуторки, я подхватил ведро и выплеснул остатки уже пропыленной воды на траву, после чего, подвесив его на место, влез на облучок. Через десять минут мы свернули на другую дорогу и покатали по ней.

Двигался я достаточно неспешно, можно было не торопиться. На дорогах видел сплошные колонны танков и грузовиков. Дважды замечал настоящих монстров, те самые КВ-2. Были и бомбежки – немецкие самолеты при слабом сопротивлении нашей авиации громили колонны. Часто я видел впереди, по бокам и сзади черные тягучие дымы от горящей техники.

Были и минуты радости, когда наши соколы ссаживали немцев с неба. Один раз я подобрал нашего летчика, что вышел на дорогу с небрежно сложенным парашютом на плече. Правда, тот проехал со мной всего четыре километра и сошел неподалеку от своего аэродрома, мимо которого мы проезжали. Нормальный сержант оказался, смешливый. Говорил, что сегодня на своем «ишачке» третьего сбил, правда, и сам не уберется.

Любых больших дорог я избегал, шарахаясь от них, как черт от ладана. Двигался в основном по малоезженным проселкам, а где и вообще по тропинкам, главное, чтобы вились они в нужную мне сторону. К вечеру я выехал к неширокой речушке. Про брод я знал, поэтому заранее свернул к нему. Но, как оказалось, про него знал не только я. У брода стоял армейский пост и достаточно длинная очередь из разной техники и телег, последних было больше всего. Правда, проверка шла достаточно быстро, очередь особо не задерживалась.

– Эй, куда прешь?! В очередь, как все! – возмущенно заорал какой-то крестьянин, когда я по обочине спокойно проезжал мимо, направляясь к броду. На возмущенные крики я особо не обращал внимания.

В очереди я заметил настоящий советский черный лимузин, только вот набит он был не барахлом какого-то драпающего советского чиновника, а детьми. В машине их находилось порядка десяти человек, еще в два раза больше сидели в открытом кузове полуторки, что стояла за лимузином. Кто-то отдал свою машину, чтобы вывезли детей. Ну, если у него ее не отобрали, то я уже уважаю этого чиновника.

– Стой! – подняв руку, скомандовал уставший сержант.

Время было уже семь вечера, удаляясь от Луцка, я за день умудрился приблизиться к Ровно, который оставался по правому боку от меня. В город я заезжать не собирался, да и что мне там было делать?

Я планировал перебраться на другой берег, подняться на километр выше по течению и встать лагерем, устроив постирушки.

А то, честно говоря, надеть уже нечего, все в пыли, все грязное. Вон, даже Шмель выглядит, как пыльный меховой клубок, на котором выделяется ярко-красный язык. Про Красавца уж и говорить нечего. Так что терять полчаса в очереди я не собирался. Прошмыгну мимо парней, свои люди, разберемся.

– Кто такой? – хмуро спросил сержант, когда я натянул поводья, останавливая коня и притормаживая ручным тормозом. Им я редко пользовался, а тут был уклон к воде, вот и пришлось потянуть за рычаг.

– Товарищ сержант, мне на тот берег надо, в деревню, – заискивающе забормотал я. – Батя за поросем к сродственникам послал.

Сам же я прыгнул на песчаную почву с примятой травой. Так, чтобы нас скрывал ото всех Красавец, и достал документы.

– Надо, сержант, надо.

Тот быстро пробежал глазами документ и, вернув, громко ответил:

– Ну, раз поросенок ждет, то езжай, конечно.

Обойдя Красавца с другой стороны, я мельком осмотрел открытую легковую машину, остановившуюся у шлагбаума. За рулем сидел боец НКВД, рядом очень недовольный задержкой капитан той же конторы. На заднем сиденье находилась молодая женщина с большим бюстом, который ничем, кроме материи платья, не сдерживался и колыхался от каждого движения. Рядом с ней примостился мальчишка лет трех. Видимо, сын.

– Долго вы? – громко спросил капитан, демонстративно посмотрев на часы.

Мельком посмотрев на грудь капитана, которую украшали две награды, я запнулся о камешек и, пройдя к задку повозки, осмотрел очередь. В конце очереди пристроилась одна военная машина, за рулем был красноармеец, остальные – видимо, местные крестьяне, с десятков телег.

Когда я обходил телегу, то поймал взгляд сержанта, который не понимал смысла моих маневров, и кивнул ему на капитана, несколько раз двинув указательным пальцем, как будто нажимаю на спусковой крючок.

– Товарищ сержант! – окликнул я его. – У меня, кажется, тормоз заклинило, не можете?

– Сейчас, – откликнулся тот и направился ко мне, пока начальник поста в звании лейтенанта проверял документы заинтересовавшего меня капитана. Да и вообще все они были в этой машине странные... Чистенькие, что ли? Вон, в очереди поди найди такого, а эти... странные. Вот и командир поста, изучая документы, с сомнением поглядывал на них.

– Что? – тихо спросил сержант, подойдя ко мне.

– Капитан ряженный. Чистенький слишком, и награды у него не настоящие. Подделка... Есть план, слушай...

– Понял... Ну все, вроде тормоз освободили! – уже громче сказал он и, похлопав меня по плечу, направился обратно.

Не думаю, что пять бойцов с командиром возьмут диверсантов живыми – и своих потеряют, и этих перестреляют. Поэтому я шепнул сержанту, что участвую в захвате. Тот на меня посмотрел с сомнением, но кивнул.

– Извините!.. – встав у капота легковушки, громко сказал сержант, привлекая к себе внимание. А я воспользовался ситуацией и, подскочив к машине, направил два своих пистолета – «ТТ» и «Вис» – в диверсантов. Теперь я был убежден, что это они.

– Руки поднять! Я сказал, руки поднять! – за орал я.

– Ты что, парень? – удивленно посмотрел на меня капитан, не делая попытки выполнить приказ.

– Это ошибка! – крикнул водитель, пытаясь отвлечь внимание и направить на меня пистолет, что лежал у его левого бедра. Он был левшой.

Выстрелив над головой водителя так, чтобы пуля прошла и над капитаном и ушла, никого не зацепив, я снова приказал:

– Руки подняли! Я что, тихо сказал?

Сержант и лейтенант разоружили диверсантов, забрав у водителя также ППД, после чего скомандовали выходить.

– Тетя! – вдруг захныкал ребенок, когда рука «матери» крепко сжала его кисть.

– Ах ты, сука! – воскликнул сержант, ударом приклада отшвырнул женщину обратно на сиденье и, подхватив мальчишку, отскочил обратно. От удара платье у женщины лопнуло, и обнажилась правая грудь с крупным соском коричневого цвета. Однако та, видимо, не поняла, что происходит. Держась за голову, она застонала. Этот восхитительный вид вызвал у меня некоторое неудобство. Я вдруг вот так сразу захотел женщину... Эта диверсантка вызвала у меня желание, хотя раньше об этом я как-то даже не думал.

Подскочившие бойцы вытащили диверсантов наружу и, связав, стали обыскивать машину.

– Убери телегу, дорогу загораживаешь, – велел лейтенант, пожав мне руку. – И да... спасибо за помощь, хотя мы бы их и сами взяли. Чистенькие они уж больно. Наверное, прятались где-то рядом, потом выехали.

Совет был неплох, остальную очередь пока можно было пропускать через обочину, где стояла моя повозка. Запрыгнув на место, я взял поводья и стегнул Красавца, скомандовав:

– Пошел.

Перебравшись на другой берег, я свернул с дороги на луг и поехал по нему вдоль речки. Устроить помывку я не передумал.

Армейцы молодцы, среагировали правильно, несмотря на отсутствие опыта. Судя по всему, парни были из комендатуры ближайшего города. Скорее всего, из Ровно.

Буквально через восемьсот метров, где у речки была излучина, я нашел неплохое место для лагеря, кусты тут расходились, открывая берег и давая пройти к воде. Натянув поводья, я заставил Красавца развернуться, чтобы перед повозки смотрел в сторону выезда, и, спрыгнув на траву, начал устраивать лагерь-однодневку.

Вдали едва слышно грохотали бои, дрались, сдерживая натиск фашистских орд, советские воины, а я в это время, натирая мылом исподнее, полоскал его в речке, отчего мыльные пузыри медленно уплывали вниз по течению.

До темноты я успел постирать все, что только можно, искупался сам, накопил свежей травы, оставив ее пока сушиться. Сварил похлебку, вымыл довольного Красавца и возмущенного Шмеля. Так что когда начала наступать темнота, у меня на веревке, натянутой между кустом и повозкой, сушились одежда и белье, в повозке одуряюще пахло свежекошенной травой, желудок был полон, а я, соответственно, сыт. В общем, день прошел удачно. Всегда бы так. А вот ночь у меня прошла тяжело, постоянно снились та восхитительная грудь и сама диверсантка, да еще в таких комбинациях...

Рано утром, когда еще не взошло солнце, я подогрел похлебку и на пару со Шмелем доел ее. Потом в одиночку попил чаю и, плеснув остаток в слегка дымившийся костер, стал собираться. Буквально через десять минут мы покинули наш такой хороший и укрытый от чужих глаз лагерь. Вернувшись на дорогу, я двинулся дальше и буквально через час, проехав около пяти километров, увидел страшную картину уничтоженной с воздуха военной колонны. Я и до этого видел расстрелянную технику и людей, но в таких масштабах еще нет. По примерным прикидкам тут погибло до батальона пехоты и танковая рота. Грузовиков и не сосчитать, около трех десятков, не меньше. Похоже, тут поработало изрядное количество немецких самолетов.

На дороге уже работали похоронные команды, убирая технику и собирая тела.

Проезжая мимо, я пробормотал себе под нос:

– Вот, значит, что это грохотало перед самой темнотой.

После урока встречи с диверсантами и возможными парашютистами я стал вести себя предельно осторожно. Не выезжал нагло из леса, а останавливался и проводил разведку мест, где могла находиться засада. Буквально через четыре часа, когда я решил проверить высокий кустарник впереди, обнаружив, что он скрывает овраг, я случайно заметил немцев. Да-да, тех самых парашютистов, о которых мне говорили все прохожие, что встречались на пути.

Проселок пробежал по краю поля, рядом с растущим слева кустарником. Я-то думал, он скрывал речку, но оказалось, там был рукав оврага, который дальше уходил вправо и перерезал эту дорогу. Он тоже зарос кустарником и деревьями. Поэтому, сообразив, что дорога ныряет в это подозрительное место, я и остановил повозку, накиннув поводья на ближайшую шипастую ветку, а сам нырнул в кусты и пошел разведывать. Вот и разведал.

Привстав, я посмотрел, за кем наблюдают два немца в небольшом свежевырытом окопчике. Достав половинку бинокля, я в просвете между деревьями и в редком, кажется, даже вырубленном кустарнике разглядел, что моя дорога выходила к шоссе, которое уходило в сторону Ровно. Но главное не это. Немцы наблюдали за мостом, что находился от оврага буквально в полутора сотнях метров. Это был большой автомобильный двухпролетный мост, который охраняло несколько десятков армейцев. Хотя далековато, да и деревья мешают, не разглядеть, может, и не армейцы.

Стараясь не дышать, я осторожно отполз назад. Часовой у фрицев с этой стороны был, но меня он не заметил – удачно скрывал кустарник. Вот под прикрытием этого кустарника я и вернулся к коню.

Сомнений не было, наблюдатель, он же часовой, не мог не видеть, как я, двигаясь по дороге, приблизился, потом остановился и, оставив животину на дороге, шмыгнул в кусты. Так что пришлось разыграть целое представление. Выползая из тех же кустов, поправляя штаны и нюхая руки, после чего вытирать их на ходу пучком сорванной травы. Пусть думает, что у меня пробку вышибло. Это могло и не сработать, так что пришлось играть до конца, я не дошел до Красавца буквально пяти метров, после чего замер и рванул обратно, на ходу расстегивая штаны. Все это не только для часового, я в действительно почувствовал тягу посетить «скворечник», в данном случае кустарник, что рос по краю оврага.

Уловка сработала. Чуть позже я благополучно скатился в темный овраг, в который из-за густых крон деревьев не попадали лучи солнца, и, преодолев большую лужу, спрыгнул на землю и начал помогать Красавцу тянуть повозку наверх.

Там я вернулся на место, не забыв потрепать связанного Шмеля – мало ли, поломают мне игру – и покатил дальше. Выехав на шоссе, я потянул левый повод, чтобы Красавец повернул налево, и по обочине подкатил к мосту.

– Стой! – поднял руку красноармеец, что находился на этом берегу. – Да стой, тебе говорят! Не видишь, военная колонна с той стороны идет!

– Вижу, – ответил я. – Командир на той стороне?

– Да, в дзоте. Зачем он тебе?

– Парашютистов рядом видел.

– Где? – напрягся боец. – Тут каждый второй с этим приходит, все в небе парашютистов видели. А никого найти так и не удалось.

– Да это просто панические слухи. Один заорал, а другие подхватили. Давай пропускай меня, я пока с командиром пообщаюсь.

– Успеешь? – обернувшись и прикинув время подхода колонны, спросил красноармеец.

– Да.

– Тогда гони.

Заставив Красавца сразу перейти в галоп, потом, когда он взбежал на мост, стуча подковами по настилу, стал натягивать поводья, уводя его вправо и пытаясь остановить. В этом мне помог выскочивший откуда-то из-под земли боец, повиснув на уздечке. Красавец, испуганно всхрапывая и трясая головой, все-таки остановился.

– Тебе что, жить надоело?! – крикнул боец, у которого оказалась старшинская «пила» в петлицах.

– Командира зови, я парашютистов видел.

– Еще один, – буркнул старшина.

– Старшина, что там? – крикнул немолодой командир. В это время подошла колонна и стала с ходу проходить мост. Траки танков грохотали по настилу, ревели моторы броневиков и грузовиков, поэтому разговаривать было практически невозможно. Убедившись, что старшина держит Красавца, я спрыгнул с повозки и, подбежав к старшему лейтенанту, командиру охраны моста, стал кричать, докладывая:

– Наблюдал немцев вон в том овраге. Видел часового, наблюдателей и десяток немцев, но их явно больше. Там ранцы сложены. Видел баллоны огнемётчика и небольшой миномет.

– Ты кто такой? Больно четко докладываешь. Документы есть?

В этот момент я почувствовал толчок в левое плечо и расплзающееся онемение. Падая, я успел расстроенно в три приема крикнуть пытавшемуся подхватить меня старлею:

– «Кукушка»... идиот... не догадался.

Это же время, позиция снайпера в двухстах метрах от автомобильного моста Снайпер закинул винтовку за спину и стал быстро спускаться, ловко и изящно прыгая с ветки на ветку. Внизу уже готовился к последнему бою заслон, который должен был дать остальной группе уйти от преследования русских. Сунувшийся к кустам броневик получил струю от огнемётчика и вспыхнул, как спичка. Выскочивший изнутри экипаж в горящих комбинезонах расстреляли автоматчики.

Снайпер бежал по дну оврага, следом за остальными, слыша сзади все усиливающуюся перестрелку, в которую вносили свою лепту звонкие хлопки танковых пушек. Поднимаясь на склон, он обернулся и стянул с головы камуфляжный капюшон комбинезона, отчего по плечам рассыпались золотистые локоны. Снайпер оказался на удивление молоденькой и красивой девушкой.

– Если бы не сделал шаг в сторону... – с сожалением на чистом русском произнесла она. – Второй раз оплошала. Ничего, я изведу под корень эту семью...

Развернувшись, она обогнала колонну парашютистов и побежала рядом с командиром. Через полчаса группа гитлеровцев, оторвавшись от преследования, скрылась на просторах Западной Украины, где хватало мест, чтобы укрыться у всегда готовых помочь местных жителей.

* * *

Когда послышался шелест листвы под чьими-то шагами, лежавший рядом Шмель поднял голову, поиграл туда-сюда ушами, но узнав подходившего к моему лагерю, для приличия гавкнул и, зевнув, снова положил голову на лапы. Свои обязанности он выполнил, теперь можно и дальше поспать.

Сидел я на свернутой куртке прямо на траве, опершись спиной на колесо телеги, и, вытянув ноги, писал на листах трофейного блокнота трофейным же карандашом.

– Здорово, Михайло, – приветливо потрепав Шмеля по макушке, протянул мне руку подошедший начальник охраны моста старший лейтенант Кривицкий.

Ранено у меня было левое плечо, поэтому я протянул правую и спокойно ответил на рукопожатие.

– Я тебя все спросить хотел, что ты пишешь? А то как ни приду, ты все в бумагах закопавшись сидишь. Как мой пулеметчик Петросян, своей любимой строчишь? Тот в день по письму шлет, почта на одного него работает.

– Да так... Мысли систематизирую, пока есть свободное время.

– Слышал, фронт к нам двинулся. Наверное, рядом совсем.

– Нет, это корпусная тяжелая артиллерия работает. Километрах в двадцати они. Далеко еще.

Кривицкий оказался бывшим учителем математики, совсем недавно призванным на службу, поэтому не очень хорошо ориентировался в армейской среде, хотя опыта понемногу набирался. А так вся охрана в основном держалась на его заме, старшине Байбуле.

– Старшина сказал, что ты сегодня уезжаешь?

– Через час, – согласно кивнул я.

– С рукой как?

– Болит, чувствую себя одноруким. Ладно, старшина обещал помочь Красавца запрячь, а сам я теперь этого сделать уже не могу.

– Один поедешь?

– На дорогах сейчас опасно, это в первые дни люди еще вели себя нормально, а в последнее время за коня и повозку и убить могут. Оружия у гражданских появилось много... думаю, попутчиков возьму, одному мне тяжело будет двигаться... Семью какую-нибудь подберу.

– Тут вот какое дело. Ты ведь вроде в Киев собрался?

– Одно из тех мест, куда я собираюсь заехать, – согласно кивнул я, насторожившись. – Мне в республиканское управление надо.

– Это хорошо. Понимаешь, я на дороге заметил учительницу своего сына. Она в Ровно преподает русский и литературу. Заслуженный учитель Советского Союза. Понимаешь, она ногу подвернула, вывих, идти не может, а надо. Ее до моста подвез местный колхозник, мой фельдшер вывих вправил, но вот дальше ей надо искать транспорт до Киева. Вот я о тебе и вспомнил.

– Чую подвох. В чем он заключается?

– У нее шестеро своих детей. Еще одного она подобрала на дороге, когда его родителей убили бандиты. Восемь человек их.

– Взрослые дети есть?

– Парнишка Сенька двенадцати лет и дочка четырнадцати, остальные малые.

– Продовольствие дадите? – деловито поинтересовался я.

– Дам.

– Тогда не проблема, довезу я их до Киева, но за это они мне помогут с повозкой, я покажу как, и с готовкой.

– Отлично, спасибо, Михайло, я в тебе не сомневался. Пойду обрадую Зинаиду Михайловну.

– Филиппыча позовите, перед поездкой пусть мне повязку поменяет.

– Хорошо.

Старший лейтенант поднялся, отряхнул синие галифе и направился к мосту, который находился в ста метрах от моего лагеря. Проводив его взглядом, я вернулся к блокноту и продолжил писать, одновременно вспоминая, что предшествовало тому, что я задержусь у моста на четыре дня.

В принципе особо-то и рассказывать нечего. Снял меня снайпер, снял. Я рассчитывал, что дорожная насыпь скроет меня от наблюдателей, поэтому спокойно и общался с Кривицким. Так и было, насыпь прикрыла, однако снайпер на дереве, видимо, сообщил наблюдателям, что я делаю, и получил приказ на отстрел.

Дальше я помню плохо. Как-то сразу накатила слабость. Повезло, что рядом был фельдшер, которого окрикнул начальник охраны моста. Тот осторожно снял с меня куртку и рубаху, удивившись сбруе, после чего, прочистив по-живому рану, спокойно наложил повязку. Это все я помнил достаточно отчетливо, но после того как фельдшер завязал узел на бинтах, как-то незаметно провалился в беспамятство. Очнулся к вечеру, перед самой темнотой. В забытии я был всего несколько часов.

Судя по обстановке, лежал я в дзоте на нарах, сил хватило, чтобы встать, чуть не наступив на спавшего Шмеля, хотя изрядно закружилась голова. Пить хотелось со страшной силой.

Подойдя к занавеске, я вышел в общее помещение, где у пулемета скучал боец, и попросил у него попить. Одет я был в одни штаны, без сапог и рубахи.

Вызванный фельдшер осмотрел меня, сообщил, что пока я был без сознания, меня осмотрел военврач и зашил раны, после чего передал на руки Кривицкому. Тогда мы с ним нормально познакомились. Он уже по найденным в кармане документам знал, кто я, так что спокойно пообщались.

Тот сообщил, что имущество у меня в порядке, под охраной, это меня больше всего волновало, так что слова Кривицкого успокоили. К тому же выяснилось, что бойцы прозвали меня Хохлом за меркантильность. Потому что падая я попросил присмотреть за имуществом.

Немцы большей частью ушли, но заслон, что они оставили, был полностью уничтожен. Помогли мотострелки, которые как раз проходили мимо. Снайпер, подстреливший меня, тоже ушел.

В дзоте мне находиться не хотелось, поэтому я попросил организовать мне лагерь где-нибудь неподалеку. Старшина Байбуля устроил мне стоянку рядом с мостом, в кустах, и помог дойти до нее. Обеды я себе не готовил, нас со Шмелем поставили на довольствие взвода Кривицкого. Также бойцы помогали мне, но в основном я справлялся сам. Спал на охапке травы под натянутым брезентом, часто пил чай, а то от потери крови у меня было обезвоживание, и занимался работой. Да, мне стало скучно так вот сидеть и ничего не делать, фельдшер категорически запретил мне заниматься даже легким трудом, единственно, что разрешил немного ходить. Так что я или мочил ноги в речке, охлаждаясь, или сидел в тени и заполнял листы блокнота. Уже два блокнота исписал, третий начал. Думая о своих приключениях, а также о полученном опыте и теоретических знаниях диверсанта и противодиверсанта, я решил систематизировать все эти знания как учебные пособия для подразделений НКВД и осназа. А также знания о партизанских и противопартизанских действиях. Парням это точно пригодится.

Вот так я и проводил эти четыре дня после ранения. Сегодня было двадцать восьмое число, час дня. Старшина недавно приходил, приносил обед в котелке, так что в желудке у меня ощущалась приятная сытость.

Подошедший фельдшер осмотрел повязку и сообщил, что менять ее не требуется, пока и так нормально, на пару дней хватит. После этого он подхватил свою сумку и направился к мосту.

Рядом всхрапнул пасшийся на лугу Красавец. Он находился за густым кустарником в двадцати метрах от лагеря, поэтому я его не видел, но хорошо слышал.

Скоро ожидались гости, поэтому, дописав последнюю мысль, я закрыл блокнот и убрал его с карандашом в лежавший рядом трофейный планшет. После чего с трудом встал, помогая себе целой рукой и морщась от боли в ране – потревожил все-таки, – убрал планшет в шкафчик, который запер и закрыл сеном.

Я был в одних штанах, с заткнутым за ремень пистолетом, загорал под солнцем, поэтому, сняв с ветки рубаху – ее отстирали и зашили дырки, накинул на себя, оставив левый рукав пустым.

Буквально через пять минут появился старшина с бойцом, они несли по два сидора в руках. За ними ковыляла дородная женщина в сильно запыленном платье с самодельной клюкой в руке. Ее поддерживал парнишка лет тринадцати на вид. Видимо, это и был Сенька. Следом шла мелкотня, мальчишки и девчонки в количестве пяти голов, и замыкала эту группу девочка лет четырнадцати, несшая две сумки и маленький чемодан, видимо, с личными вещами. Все они были запыленные и грязные. Одна из девочек, лет пяти на вид, судя по следам на лице, недавно редела.

– Ой, собачка, – воскликнула другая, лет шести, заметив торчащие из травы уши щенка.

– Шмель, беги, – посоветовал я ему. – Затискают.

– Здравствуйте, – немного устало улыбнувшись, поздоровалась заслуженная учительница.

– Добрый день, – вежливо склонил я голову, машинально щелкая босыми пятками. – Меня зовут Михайло Москаль. Я жил под Луцком. Но меня можете называть Михаилом, так вам будет привычнее.

Пока я представлялся, старшина с бойцом положили в повозку сидоры, боец остался готовить упряжь, а старшина направился на луг за Красавцем.

– Меня зовут Зинаида Михайловна. Олег вам уже, наверное, сказал, что я учительница?

– Истинно так, – подтвердил я.

– Он объяснил мне, что вы ранены и ехать к Киеву вам одному трудно, так что мы образуем симбиоз. Мы вам помогаем, вы нас перевозите. Так? – сразу расставила все по своим местам учительница.

– Именно. Мне трудно делать практически все, особенно следить за своими питомцами, и даже одеваться.

– Хорошо, нас это тоже устраивает, тем более глупо отказываться от попутного транспорта.

– Можно на ты, вы лучше познакомьте меня с остальными попутчиками.

– Хорошо. Это Ольга, моя старшая дочь. Это Семен, старший сын. Игорь и Егор, младшие. Кирилл, приемный. Эти маленькие, что играют со щенком, Мария и Нина.

– Ну что ж, приятно познакомиться, – кивнул я детишкам, после чего стал командовать: – Семен, помоги старшине с уздечкой и смотри внимательно, что и как делается. Вечером ты все это будешь повторять, только в обратной последовательности. Не волнуйся, я помогу... словами. Оля, там в повозке с краю две пустые канистры. Бери их и иди по той тропинке к речке. Тут метров пятнадцать. Наполни их водой, но не переноси. Тяжелые. Семен принесет. Остальным посетить кустики, через пятнадцать минут отправляемся, ехать будем без остановки несколько часов, до самого вечера. Все поели?

– Да, нас Олег приказал покормить, – ответила немного удивленная учительница. Было видно, что ее поразили мои командные замашки. Видимо, учительница была неким столпом в школе и привыкла, что ее все и везде слушаются. Конфликтовать я не буду, но об меня она зубы-то пообломает.

– Хорошо... Семен, как только закончишь запрягать, сбегает на луг, там ведро с водой осталось. Принесешь и зацепишь на задую повозки, увидишь там специальный крюк.

– Хорошо, – кивнул тот, на мгновение отвлекшись от застегивания сбруи. Старшина молодец, заставил его заниматься этим лично, чтобы опыта набирался. Ничего, пока дойдем до Киева, он у меня станет отличным лошадиником.

Пока старшина учил парнишку, я морально помогал бойцу, стоя у него над душой, сворачивать лагерь. То есть аккуратно свернуть брезент и смотать веревку, уложить их на дно повозки, разворошив сено. Накидать несколько охапок свежего сена, чтобы попутчикам было комфортно и они не отбивали зады о железки, что покоились на дне. Через десять минут все было закончено. Старшина проверил, как все застегнуто, не будет ли где натирать Красавцу, и удовлетворенно кивнул.

– Норма, – хмыкнул он.

– Грузитесь, – махнул я пассажирам на повозку, а сам направился к старшине. – Прощайте, парни. Даст бог, свидимся.

– Надеюсь. В сидорах сухари и консервы, там сам разберешься.

– Спасибо, старшина.

Осторожно, чтобы не потревожить рану, приобнял старшину, так же попрощался с красноармейцем. Его я плохо знал, только то, что зовут его Егор и он ординарец старшего лейтенанта.

– Все загрузились? – обернувшись, спросил я.

– Да, – хором ответили пассажиры.

– Тогда поехали. Торопиться надо, до вечера хотя бы километров тридцать проехать. По дороге и тряске смотреть будем.

Зинаида Михайловна сидела на скамейке справа, уступив мне место возницы. Заняв его, я взял правой рукой поводья и хлестнул по крупу Красавца, заставляя его сделать первый шаг.

Все-таки придется Семена сажать возницей. Резкие движения поводьями для меня все-таки были болезненны.

– Сема, – позвал я парнишку, управляя повозкой, которая катилась в сторону шоссе к мосту. Старшина и Егор неспешно шли сзади.

– Что? – пододвинулся он ближе.

– Похоже, трудно мне управлять, рана стреляет от каждого движения. Так что сейчас выйдем на дорогу и поменяемся местами. Я тебе объясню, как тут рулить. Хорошо?

– Я только рад, ни разу не управлял конем.

– Науправляешься еще... за мелкими следами, чтобы не вывалились.

– Ольга смотрит.

– Ладушки.

Выкатившись на шоссе, я натянул поводья, останавливая Красавца, и дал возможность учительнице попрощаться с Кривицким.

Это много времени не заняло, я поменялся местами с Семей, с удобством устроившись в кузове за спиной возницы и приготовив на всякий случай автомат, хотя в моем состоянии пистолет предпочтительней. Но они и так при мне были. Табельный наган и «Вис». Семен сперва неуверенно управлял Красавцем, тот, чувствуя неопытного возницу, начал позволять себе некоторые вольности. Например, нагло останавливаться и щипать травку на пропыленной обочине, не обращая внимания на попытки Семена его сдвинуть. Но чем дальше, тем лучше паренек чувствовал коня и тем увереннее управлял.

Все-таки помимо плюсов в том, что со мной двигаются пассажиры, были и минусы. Мелкие каждые полчаса просились в туалет или пить. Ну, с водой-то у нас все в порядке, а вот в туалет в чистом поле не всегда остановишься. Хотя они особо и не стеснялись. Как бы то ни было, этот день можно назвать удачным. Мы к вечеру проехали километров двадцать пять и за час до наступления темноты свернули с пустой полевой дороги и встали лагерем в тени дуба. Полчаса назад мы проехали деревушку, но она и так была забита беженцами и военными. Под открытым небом ночевать предпочтительнее.

Дуб колыхал шикарной кроной в ста метрах от дороги, и в отсутствии альтернативы место для лагеря было выбрано мной под деревом. Степь кругом с золотистой пшеницей. Хорошо, хоть этот дуб попался. Водоема не нашлось, так что для приготовления ужина пришлось использовать воду одной из канистр, а из второй поить Красавца. Ну, для этого я их и возил.

Зинаида Михайловна оказалась на удивление хорошей кухаркой и сварила очень вкусную и сытную похлебку. Часового я не ставил – Шмель неплохо выполнял эти функции, однако пистолет держал при себе.

– Миша, Миша, – затормошил меня утром Сема, вызвав вспышку боли в плече, поэтому проснулся я моментально.

– Что? – спросил я, морщась и нежно поглаживая плечо.

– Красавца вору уведут, – шепнул он.

– Что-о-о?! – моментально проснулся я и довольно быстро вскочил на ноги.

Только начало рассветать, но даже в этой утренней полутьме было видно, как двое мужиков спокойно и неторопливо уведут нашего коня на дорогу. Нас они не боялись совершенно.

Один из них вел коня в поводу, который мы вчера только ослабили, но не снимали, а второй шел чуть позади, поглядывая на нас, пытаясь определить реакцию. Видимо, на нем и стояла задача не дать нам отбить коня обратно. Хотя он нас не опасался совершенно, видимо, успел рассмотреть людской состав.

Подскочив к повозке, я разворошил сено, убрал автомат в сторону и достал выданный мне в отделе карабин. До снайперской винтовки слишком далеко лезть и долго.

Положив ствол карабина на борт повозки, я тщательно прицелился, возблагодарив себя, что правша и ранение у меня в левое плечо. От наших воплей проснулись остальные, несколько испуганно наблюдая за мной. Гавкнул и умолк прощелкавший воров Шмель.

Грохнул выстрел, и я заорал от боли в плече, в рычании пытаюсь погасить боль, приказав стоявшему рядом Семену:

– Пер-резар-ряди!

И без бинокля было видно, что тот мужик, который вел Красавца в поводу, получив пулю в спину, взмахнул руками и рухнул в траву. Конь дернул головой, но остался на месте – видимо, вор намотал поводья на кулак.

Второй вздрогнул от выстрела, обернулся, запнулся и упал на спину. Развернувшись, он, пробежав пару метров на карачках, вскочил на ноги и побежал, но к этому времени Семен, не сплеховав, передернул затвор, выбив стреляную гильзу, и я снова приник к прикладу, целясь в убегающего вора. Грохнул второй выстрел, но в этот раз я только зашипел, пытаюсь унять боль. Кинув карабин в кузов, я достал из кобуры «наган» и, пошатываясь, побрел к телам воров. Требовалось провести контроль и забрать коня. Мимо меня пронесся Семен, не слушая криков матери, требующей вернуться.

Когда я подошел, Семен уже размотал поводья с руки вора и повел Красавца в лагерь, а я, подойдя к каждому из бандитов, сделал выстрелы в головы. Один был точно труп, а вот второй еще живой. Теперь с гарантией.

Развернувшись, так же неся «наган» в опущенной руке, я пошел обратно. Этот путь мне дался тяжелее. На лбу выступил пот, и походка напоминала пьяного, но я отмахнулся от Ольги, попытавшаяся мне помочь, и сказал:

– Завтрак начинайте готовить, через час отправляемся.

– Как это понимать, молодой человек?! – встретила меня в лагере Зинаида Михайловна, кудача над испуганными детьми.

– Что именно? – хмуро спросил я. Особо препираться у меня не было настроения, слишком устал.

– Вы убили сейчас двух человек.

– Человечков я не убивал, это были воры, а их я отстреливаю. Эти, кстати, не первые были.

– Но так нельзя!.. И откуда у вас оружие?!

– Выдали на службе. Табельное, – рассеянно ответил я и, посмотрев, как Семен возится с Красавцем, привязывая поводья к колышку, крикнул: – Сеня, налей ему воды, вижу, что пить хочет!

– Молодой человек, вы проигнорировали мои слова, что нельзя просто так убивать людей.

– Послушайте, Зинаида Михайловна, – вздохнул я. Меня уже все это начало выводить из себя, поэтому я был хмур и зол. – Я могу делать все, что захочу, и только начальство мне может запретить что-либо делать, а его тут нет. К вашему сведению, за последние три месяца я лично отправил на тот свет больше пятидесяти человек, участвуя в облавах против банд националистов и оуновцев, вырезая их. Приказа брать их живыми у меня не было. Так что не вам мне говорить, что тут хорошо, а что плохо. Лучше займитесь завтраком, нам скоро

выезжать, и закроем эту тему, хорошо? Я слишком устал, и, кажется, рана начала кровить... Кстати, Оль, Шмелья не корми, не заслужил, воров подпустил.

– Шмель хороший! – воскликнул подходивший с полупустой канистрой Семен. – Это он меня разбудил, начал лизать руку.

Припомнив, что когда вскакивал, тоже вроде как чувствовал, что одна рука влажная, я сразу присел и повинился, погладив щенка:

– Извини, Шмель, дурака, не понял, что ты настоящий сторожевой пес... Оль, двойную порцию ему положи, ладно? Он молодой, постоянно есть хочет. Заслужил.

– Хорошо, – кивнула та, суетясь с костром. Она только что закончила его раздувать и ставила котелок с водой. Его нам вполне хватало, чтобы поесть, иногда и оставалось.

– А я даже не проснулся, хотя он меня пытался разбудить, а когда не смог, тебя начал будить, – пояснил я Семену, еще чувствуя вину.

– Ночью постоянно машины ездили, не слышал? – удивился тот.

– Да меня вчера на дороге растрясло, спал как убитый.

В это время вдали загрохотало. Замерев на миг, я прислушался, после чего продолжил заниматься своими делами, облокотившись правым плечом о колесо повозки. Когда у моста проезжающие танки сломали доску настила, старшина обрезал ее, обстрогал, и у меня появился столик. Я клал доску на колени и спокойно на ней писал, чем в данный момент и занялся.

– Немцы? – испуганно спросил Зинаида Михайловна.

– Скорее всего, да, – кивнул я, придирчиво изучая, как заточен карандаш. Оказалось, недостаточно, поэтому я передал его подошедшему Семе, чтобы тот его подточил. Семен уже налил воды в ведро для Красавца, так что был пока свободен.

– Близко? – продолжала допытываться Зинаида Михайловна.

– Это бомбежка, далеко... У вас вода закипела, вы не отвлекайтесь, – заметил я.

Когда мы заканчивали завтракать, до этого сидевшая задумчиво Зинаида Михайловна не выдержала и осторожно спросила:

– Михаил, извини, конечно, что я спрашиваю, но я должна знать. Олег говорил, что ты... юноша надежный, но все-таки можно посмотреть какие-нибудь документы?

– Почему нет? – ответил я и, поймав в тарелке кусок тушенки, отправил его в рот. У меня было три тарелки. Из одной питался я как раненый. Мне ее поставили на доску, используемую для письма. Остальные находились в шкафчиках, Зинаида Михайловна решила их не использовать, чтобы в семье была солидарность. Так что семья... Ивановых ела прямо из котелка. Ложек не хватало, поэтому передавали друг другу.

Когда я закончил завтракать, отдал Ольге грязную тарелку – помоем, когда встретим какой-нибудь водоем – и скомандовал отъезд через десять минут, отправив детвору в «кустики». Последних не было, поэтому они бегали в пшеницу, устроив там догонялки. Про то, что в ста метрах лежат два трупа, уже все как-то подзабыли. Война уже начала оставлять свой след в душах и умах людей.

Заметив, что ко мне подковыляла Зинаида Михайловна, я вздохнул и достал документы. Та внимательно ознакомилась и даже с некоторым уважением вернула. Стало ясно, теперь у нее вопросов о моих полномочиях больше не возникнет. Да и заметно рада она была, что я не простой паренек, а какой-никакой представитель власти, да еще вооруженный.

Пока мы завтракали, по дороге проехало пяток машин. В основном грузовых. Вот и в этот раз, завывая моторами, появились три старых полуторки с крытыми кузовами, двигавшиеся в сторону фронта, только в этот раз они не проехали мимо, а остановились. Из передней машины выскочил невысокий живчик в форме командира, но без фуражки, и стал осматривать трупы воров, блестя лысиной.

– Сенька! – крикнул я. – Беги к военным и приведи врача. Мне перевязку сделать надо.

– Кто это? – спросила учительница, тоже разглядывая грузовики.

– Похоже, машины какого-то госпиталя или медсанбата. Тот живчик если не врач, то военфельдшер. У меня рана все-таки кровит, не показалось. Посмотреть надо и перевязать.

Живчик, осмотрев тела, озадаченно почесал затылок, посмотрел в нашу сторону и, заметив Сеньку, сделал несколько шагов навстречу. Несколько минут длился разговор. Сенька пару раз махнул в сторону лагеря, вызывая этим интерес живчика, наконец тот кивнул и пошел к машине. Как оказалось, чтобы забрать сумку с инструментами и прихватить медсестру.

Через десять минут военврач начал осторожно разматывать повязку на моем плече и, видимо, чтобы отвлечь от возможной боли, пытался завязать беседу:

– Молодой человек, вы мне не объясните, почему у дороги лежат два тела, у которых огнестрельные ранения, судя по следам пороха, произведенные в упор? Как я понял, вы их добивали.

– Привычка, доктор, – хрипло ответил я. Я сидел на доньшке перевернутого ведра Красавца, пока доктор осторожно, по сантиметру разматывал бинт.

– Странная привычка.

– Обычная. Не люблю воров и убийц.

– Почему убийцы? Как я понял объяснения вашего молодого спутника, они пытались украсть у вас лошадей.

– Коня... Вы видите только поверхностную информацию. Посмотрите на это с другой стороны. Я ранен, идти много и далеко не могу, со мной дети и женщина с поврежденной ногой. Фактически эти воры бросали нас под гусеницы военной машины немцев. А так у нас уйти шанс есть. Причем неплохой.

– Я надеюсь, вы, молодой человек, понимаете, что как военный я должен изъять у вас оружие?

– С чего это? – удивился я, подняв голову. – Не вы мне его выдавали, не вам его и забирать. Это табельное оружие.

– Да? Надеюсь, у вас есть бумаги, подтверждающие это?

– Ес-сть, – произнес я с шипением. Живчик отдирает последние бинты от раны. – Почему вы по-живому рвете, можно же намочить?!

Мое возмущение не произвело на врача никакого впечатления, он продолжал делать свое дело. Чтобы отвлечься, я стал внимательно разглядывать машины, что продолжали стоять на дороге, и куривших водителей. Над ними даже облачко поднималось табачного дыма. В это время появилась еще одна машина, тоже старая раздолбанная полуторка, набитая бойцами. Дальнейшее я пропустил. Врач дернул, и я, закрыв глаза, зашипел от боли. Когда открыл их, полуторка уже стояла у колонны, тела убитых воров осматривали двое бойцов с самозарядками за спинами, а с водителями разговаривал невысокий командир в пилотке и с рукой в косынке. Остальные бойцы, разбившись на три группы, вроде как отдыхали от езды, а на самом деле контролировали окрестности. Особенно небо. Я это наметанным взглядом сразу заметил.

– Быть не может, – ошарашенно пробормотал я. – Леший?! Сенька!

– Чего? – отозвался на мой крик паренек. Видимо, он сидел рядом, я просто не видел его и не слышал. Малышня играла со Шмелем, шумно было.

– Беги к тому командиру с перевязанной рукой и веди его сюда. Скажешь, Михайло позвал, он поймет... Хотя не надо, сам идет.

– А вот и рана... хм, почему-то она мне знакомая. Я сам так штопаю... – отодвинувшись в сторону, врач спросил, внимательно меня разглядывая, не обратив внимания, что медсестра подает ему намоченный спиртом тампон. – Молодой человек, вы меня не просветите, где вы получили это ранение и кто вас оперировал?

– Снайпер снял у моста. А кто оперировал, я не знаю, без сознания был, врач какой-то.

– Вот это совпадение! – хлопнул в ладоши врач. – Так мы с Нюшей это и были! А я смотрю, лицо знакомое! Тогда колонна техники шла навстречу, вот мы с ранеными в кузове

и пережидали, когда откроется проезд через реку, а тут к нам старшина подбежал из охраны. Полчаса я вам накладывал эти швы, помню-помню. Там еще щенок был... да, этот и был.

– У меня кровь сочится.

– Шов отошел, – осмотрев рану, ответил врач и, взяв тампон, стал отмывать плечо от крови. – Что же вы так неосторожно?

– Другого выбора не было. Или они нас убьют, уведя коня, или я их... Привет, лейтенант, – поздоровался я с Лешим, имевшим петлицы старшего лейтенанта и саперские эмблемы, и кивнул его спутнику, заму, сержанту Юрьеву. – Привет, Игорь.

– Здорово, – осторожно пожал мне руку Леший, стараясь не помешать медикам. Игорь прислонился к задку повозки и, осмотрев табор, только кивнул в ответ, но довольно приветливо. – Как узнал твоего коня, сразу понял, чья это работа на дороге.

– Воры, – коротко и в который раз пояснил я.

– Да я уже понял.

– Давай чуть позже поговорим, пусть меня медики долечат, а то им ехать надо. У вас время есть?

– Пока да. Думали встать на час, передохнуть. Всю ночь ехали.

– Развороши сено в повозке, там в левом углу лежит планшет, кожаный... немецкий... трофейный. В нем пронумерованные блокноты, почитай. Начни с первого. Мне нужно ваше экспертное заключение... Игорь, присоединяйся, там и твоя тематика есть. Второй блокнот с двадцать третьей страницы.

Леший с Игорем удивились, но мою просьбу выполнили. Лейтенант знал, что я не брехун, да и советы им давал очень неплохие. Планшет они нашли и, устроившись в тени повозки, углубились в чтение, причем так, что позабыли про все на свете. С их стороны теперь только и слышались удивленные возгласы и шелест листов. Прибегал один из бойцов и, получив от Лешего сообщение, что они задержатся тут на час, ушел обратно.

Лейтенант был осназовцем, и многое из описаний касалось как раз его, поэтому был понятен такой живой интерес. А вот Игорь, кроме того, что был заместителем взводного, так еще штатным снайпером. У него на плече висела СВТ со снайперским прицелом.

В том блокноте, про который я ему сказал, было описание действий снайперов как в одиночку, так и в составе групп в разных погодных и боевых условиях. То есть уже наработанная практика и опыт.

Врач, что-то бормоча, минуту ковырялся в ране пинцетом или еще какой-то блестящей загогулиной, после чего, наложив на груди и на спине тампоны, чтобы кровь не текла, стал бинтовать.

– Вот что, молодой человек, ближайшие два месяца вы недееспособны. Потом можно начинать разрабатывать руку легкими, я повторяю, легкими тренировками. Через четыре месяца вы уже будете полноценным и здоровым человеком.

– Справку? – коротко пробормотал я, вытирая правой рукой пот на лбу.

– Простите, что?

– Справку надо о ранении, причем неплохо бы указать, что ранение боевое. Мне это в будущем пригодится.

– А-а-а, сейчас напишу. Ньюша, подай чистый банк. Я вроде тебе в сумку их положил.

Через минуту у меня на руках была справка, только выписанная на настоящие фамилию и имя. Михайло Москаль исчезнет на въезде в столицу Союза, и снова появится Евгений Иванов.

Когда медики направились к машинам, я крикнул:

– Подождите! – разворошив сено целой рукой, я открыл один из шкафчиков, достал тяжелую кобуру желтого цвета и, подумав, карманное зеркальце. Подойдя к медикам, я протянул им подарки, сказав от чистого сердца: – Спасибо за лечение. Не люблю быть неблагодарным.

– Ну что вы, это наша работа, – проворковала Нюша и с горящими глазами забрала зеркальце.

Врач более сдержанно поблагодарил, но кобуру с трофейным «парабеллумом» схватил так же охотно и несколько восторженно открыл ее, разглядывая черную рукоятку пистолета.

– Это лучше, чем ваш наган в кобуре. Хоть перезарядиться можно быстро. Там два запасных магазина, – пояснил я.

Медики еще раз поблагодарили меня и быстрым шагом направились к машинам, а я вернулся к повозке и поймал обиженный взгляд Ольги. Вздыхнув, снова залез в шкафчик и вытащил похожее зеркальце.

– Держи, подарок, – протянул его ей. – Почему-то немцы любят их таскать в нагрудных карманах... Больше у меня нет.

– Спасибо, – счастливо улыбнулась та и побежала к матери. Учительница собрала детей у дуба и пережидала, пока меня перевяжут и я не отдам приказ о посадке и отправке.

– Ну как? – спросил я, подковыляв к осназовцам с ведром в руке. Перевернув его, сел на доньшко и внимательно посмотрел на изрядно задумчивых командиров.

Семка неторопливо запрягал Красавца и нам не мешал.

– Откуда у тебя это? – спросил Леший и потряс одним из блокнотов. Похоже, первым, он еще даже его не дочитал. Игорь рассматривал рисунок нескольких снайперских костюмов и читал инструкцию по их пошиву.

– Отсюда, – постукал я пальцем по виску.

– Я могу это забрать? – с некоторой надеждой спросил Леший.

– Нет, это только для служебного пользования. Ты должен понимать, что если это попадет не в те руки, к тем же немцам, то будет очень плохо. К тому же я не все тут дописал. Однако я попросил изучить эти материалы не для этого. Экспертную оценку напишете? Я обоих прошу.

– Спрашиваешь! Я все сделаю, чтобы протолкнуть эти материалы наверх.

– Согласен с командиром, – коротко кивнул снайпер.

– Rogozovu отдашь?

– Не-е, нарком, только он может быстро все это внедрить, а помочь попрошу Rogozova.

– Он сейчас в Киеве, поможет, – кивнул Леший и, посмотрев на меня, спросил: – У тебя лист бумаги есть?.. Делись давай... Куркуль.

Через час мы расстались с осназовцами, одетыми в форму саперов, и двинулись дальше. Снова под колесами повозки стелились пыльные полевые дороги Украины.

За два дня мы умудрились проехать порядка ста пятидесяти километров, и звуки боев до нас уже не доносились, только работа авиации. Встречались уничтоженные с воздуха колонны, одиночные машины и сотни погибших беженцев. Это мы определяли по запаху тления. Судя по следам на дороге, ветераны и свидетели не врал, немецкие летчики атаковали гражданских и расстреливали их. Города мы объезжали, видя черные дымы горящих складов или других пожаров.

Пропустив по левому боку Новоград-Волынский, при приближении к Житомиру мы решили встать лагерем. К сожалению, даже полевые дороги были запружены не только беженцами, но и войсками. Пришлось в одном месте, после пересечения по мосту очередной безымянной речки, искать место для лагеря. Наступал вечер первого июля тысяча девятьсот сорок первого года. Вторник, десятый день войны.

– Вон, видишь, деревья на холме растут? – указал я правой рукой на означенный холм. – Сворачивай и прямо по полю давай туда, лагерем встанем. Судя по деревьям, там должен быть водоем.

– Ага.

По дороге шли сотни людей. Группками, в одиночку, на машинах, с велосипедами, с тачками и редко на телегах с запряженными в них конями. Один раз мы видели, что трое крепких

мужиков толкали телегу со скарбом. Или они потеряли коня по дороге, или загнали, или у них его угнали. Однако у нас за эти два дня, на удивление, было все хорошо. Еще дней пять, и мы будем в Киеве.

Сема свернул в поле, и мы, подминая траву, покатили к деревьям под безразличными взглядами других беженцев.

С Лешим мы расстались нормально, он со своими бойцами двигался в Житомир по приказу начальства. Какому – не сообщил, может, и про Житомир была утка, кто знает? Руку ему сломали в рукопашной с оуновцами, так что он, как и я, в ближайшее время не способен командовать может, но вот стрелять и работать в близком контакте нет. Он не один был ранен во взводе, вот их и отвели. Потери в подразделении были приличные.

Поболтав с полчаса, мы расстались и разъехались по дорогам войны.

Подъем на холм был крутоват, поэтому Сема спрыгнул со скамейки и, взяв Красавца за уздечку, повел его наверх. Дороги на холм вблизи не наблюдалась. Хотя для деревушки самое место, по моим прикидкам, тут уместилось бы домов двадцать с приусадебными участками.

– Озеро! – громко и радостно воскликнул Сема, когда мы оказались на холме и двигались между деревьями. Ширины протащить тут повозку вполне хватало. Только и был слышен хруст невысокого кустарника под колесами.

– Это хорошо, – удовлетворенно кивнул я. – Постираемся и помоемся... Правь туда вон, там хорошее место для лагеря, ровное... Хм, а это не озеро, больше всего похоже на рукотворный пруд.

Вон вроде спуск с каменными ступеньками виден в кустарнике и камышах.

– Купаться можно, и ладно, – тронув слипшийся от пота локон на лбу, проворчала Ольга.

Пассажиры были на меня обижены, что когда мы по мосту пересекали речку, я не дал им искупаться, а заставил наполнить канистры, напоить коня, пока шла встречная колонна, и вернуться на телегу. Так что, судя по их виду, тут они меня не станут слушать и накупаются всласть. Да я и не против – вечер, можно отдыхать и заниматься своими личными делами. Может, будет время для рыбалки? Мелочь тут должна быть, вон, круги на воде видно. Снасти без удилиц у меня есть, припас, но пока ни разу не использовал.

Сема подвел Красавца на выбранное мною место и, развернув повозку, стал распрягать коня. Сейчас он его обходит, и на этом все, его работа закончена. Подготовка – это работа женщин, паренек и так устал за день. Когда он распряг коня в первый день, то упал на траву и сразу уснул. А сейчас ничего, еще держится. Начал-таки привыкать.

Посмотрев, как женщины с малышкой весело, с прибаутками обустривают лагерь, я потрепал мокрого Шмеля, который залез в пруд, чтобы напиться и охладиться, и сказал учительнице:

– Зинаида Михайловна, дождь будет ночью, возьмите брезент и растяните полог. Часть будет спать под ним. Часть под повозкой. Сема отдохнет и чуть позже поможет.

– Помогу, – кивнул тот, ведя коня к пруду. Он собирался и сам искупаться, и коня помыть. В этом месте был удобный спуск к воде, не заросший камышом. Мне не показалось, там были замшелые каменные ступеньки.

– Странный холм, – пробормотал я себе под нос, оглядываясь. – Раз пруд рукотворный, то тут может быть что-то интересное.

– Мы сегодня гороховый суп приготовим, – сказал мне Зинаида Михайловна.

– Замечательная новость, – довольно кивнул я. – Вы тут пока занимайтесь своими делами, а я пройду, огляжусь, кажется, там за деревьями какие-то строения. Посмотрю, с чем ночевать рядом будем. Есть у меня подозрение, что это разоренное дворянское поместье.

– Вполне может быть, – согласно кивнула учительница и начала чистить купленную мной вчера в селе прошлогоднюю картошку. Я ведро сторговал с двумя свежими караваем и шма-том соленого сала.

Достав из повозки чехол с биноклем, я повесил его на шею, через правое плечо, чтобы он висел у меня на боку. И проверив, удобно ли доставать пистолет и револьвер, направился к развалинам. Трое мелких, вместо того чтобы оставаться в лагере, увязались со мной. Младший, Егорка, уцепился за штанину и так и шел. Шмель тоже захотел с нами. Посчитав, что ничего плохого не случится, есть кому за лагерем присмотреть в мое отсутствие, взял и его тоже с собой.

Я не ошибся, за деревьями действительно находились развалины дворянской усадьбы. Пока малышня с интересом ползала внутри, криками пытаясь вызвать эхо – им помогал лай Шмеля, я обошел кирпичные строения усадьбы и задумчиво пробормотал:

– Из артиллерии их расстреливали, что ли? Хотя эта стена наружу вывалилась, значит, подрывали. Появляется тот же вопрос: на фиг?

Мы с полчаса пробыли у строений, они оказались совершенно пусты, и направились обратно по заросшим травой тропинкам.

– Что там? – поинтересовалась Зинаида Михайловна.

Похлебка уже почти была готова, у костра распространялся одурманивающий запах горохового супа, поэтому я невольно сглотнул слюну – а что, утром только нормально поели, а днем размоченные ржаные сухари пожевали – и ответил:

– Усадьба дворянская, как и предполагали. Судя по виду, ее долго и методично уничтожали подрывами. Обломков вокруг полно. Похоже, там было одно двухэтажное кирпичное здание и три одноэтажных. Если были деревянные, то они не сохранились.

– Наверное, клад искали, – пожала плечами учительница.

– Я тоже так подумал, – согласился я и, посмотрев в сторону просвета между деревьями, через который мы выехали к пруду, сказал: – Пойду посмотрю, что там на дороге происходит.

– Через десять минут ужин будет готов.

– Успею.

Пройдя мимо Семы, что натянул веревку между деревьями и вешал на нее брезент – подстилкой на землю пойдет сено из повозки – направился к выезду, велел ему на ходу:

– Возьми косу, травы накоси, ее много требуется, чтобы ночь для нас сухой прошла. Похоже, лить всю ночь будет.

– Сейчас сделаю, – кивнул тот.

Что скорый дождик может намочить оружие и бое припасы в повозке, я не боялся, у меня был еще один кусок брезента, только маленький. Как раз чтобы закрывать кузов от воды. Натянем его позже.

Выйдя на опушку – впереди только трава, где по пояс, а где по колено – я стал рассматривать устало бредущих людей, хотя их стало меньше, заметно меньше. Многие понимали, что скоро будет ночь, и сворачивали к деревьям, селам или к таким местам, как наш лагерь, но это в основном группки. Одиночки предпочитали населенные пункты. Во избежание. Уже были найдены тела убитых, ограбленных и изнасилованных одиночек, преимущественно женщин. Слухи среди беженцев моментально разносятся. Вспомнить хотя бы те панические слухи про немецких парашютистов.

До дороги было метров шестьсот, далековато, но вблизи мне рассматривать беженцев было неохота, посмотрелся за эти дни я на них до не могу, поэтому скорее лениво скользил по ним взглядом. Вдруг мое внимание привлекли две детские девичьи фигурки, что брели по дороге, держась за руки, и, несмотря на то что шли они за телегой с семьей, метрах в трех, было видно, что они не вместе.

Судорожно рванув клапан чехла с биноклем, я вырвал оптику и присмотрелся к этим странно знакомым фигуркам.

– Сема-а-а!!! – вырвался у меня вопль.

– Что? – через несколько секунд возник он рядом со мной. Судя по тому, что к его одежде прилипли высохшие травинки, он носил сено из повозки, делая лежанки.

По виду, мой вопль испугал его, я так еще ни разу не кричал, поэтому он крутил головой, ища опасность.

– Видишь тех двух девочек лет десяти на вид?.. Вон, за телегой идут? Вот, бинокль возьми.

– Да я и так их вижу. У одной светлое платье, у другой темное, не вижу отсюда, какое. Зеленое вроде. Они?

– Да. Значит, так, бежишь к ним и ведешь сюда.

– А они пойдут?

– М-да... Логично... Скажешь, брат Женя зовет, тогда не пойдут, побегут.

– А кто этот Женя?

– Беги!.. Только осторожно. Ноги не поломай, тут то ли суслики, то ли кролики норы нарыли на холме, сам чуть не свалился.

– Хорошо! – спускаясь по пологому склону, крикнул в ответ Семен.

Я стоял и наблюдал, как удаляющаяся фигурка парнишки, выделявшаяся светлым пятном рубашки на зеленом фоне поля, добралась до дороги и припустила по ней, догоняя сестер. Да, я увидел на дороге Алю и Олю, своих сводных сестренек.

Вот Семен остановил их, они немного поговорили, было видно, что мой посланник махнул несколько раз в сторону лагеря, после чего повел их за собой. Шли те довольно быстро, но в бинокль я рассмотрел, что лица у них были хоть и грязные, но недоверчивые. Видно, сестренки успели хлебнуть лиха. Также выяснилось, что шли они босиком, обуви не было, что для них, горожанок, было сродни пыткам.

Ольга первая распознала меня и побежала изо всех сил. Чуть помедлив, следом рванула Аля.

– Женька! – раздался Ольгин крик.

Младшая сестренка, не останавливаясь, с ходу обняла меня, обхватила руками и заплакала, горько и с некоторым облегчением. Через несколько секунд к ней присоединилась Аля.

Глядя их по очереди по головам, я старался не морщиться – рана кольнула болью, когда в меня, можно сказать, врезалась Ольга.

Семен еще был на подходе, шел он улыбаясь, видел всю сцену от начала до конца. Повернув голову, я рассмотрел, что за этой сценой наблюдают все остальные, даже Шмель тут был. Встав у ног Зинаиды Михайловны, он задумчиво втягивал воздух, явно пытаясь вспомнить, откуда ему знаком запах новых человечков. Но он тогда еще совсем маленький был, вряд ли их вспомнит.

– Вы что тут делаете? – спросил я. – Вы же в Свердловске должны быть.

Однако ответить сестренки не успели, Зинаида Михайловна как-то сразу все взяла в свои руки. Она велела своей дочке отвести тезку и Алю к пруду и отмыть их, постирав вещи, то есть единственное, что было у сестер – платья, и велела поторопиться – ужин стынет.

– Вы когда ели? – хмуро спросил я, разглядывая худые фигурки девочек.

Те как-то синхронно сглотнули, и Аля ответила:

– Вчера.

– Много вам нельзя, полную миску накладывать не будем, но с завтрашнего дня питание будет нормальным. Судя по всему, вы долго голодали. Идите мойтесь, потом расскажете, как вы оказались на этой дороге и где тетя Нина.

Ольга всхлипнула при воспоминании о матери, а Аля только молча кивнула.

– Мы быстро, – сказала старшая Ольга и, подхватив девчат под руки, повела за собой. – Пойдемте, у нас как раз мыло осталось, сами помоемся, и платья постираем. У меня есть вам замена.

Проводив взглядом скрывших за кустами девчат, Зинаида Михайловна спросила:

– Почему они называют тебя Евгением?

– У меня много имен, – рассеянно ответил я. – Что там с ужином? Уже брюхо бурчит, требуя еды.

Ночью, лежа на боку, чтобы не тревожить рану, я чувствовал, как спереди ко мне прижимается Ольга, сзади Аля, а ноги придавил Шмель, и, слушая шум дождя, как капли барабанят по натянутому брезенту, размышлял о судьбе сестренки с момента нашего расставания на автовокзале Луцка. Они мне все рассказали. Все.

Тетя Нина, скажем так, мою просьбу уехать в июне из Луцка не то чтобы проигнорировала, а скорее... М-да, да кого я обманываю, именно что проигнорировала, особенно когда знакомый командир в звании майора убедил ее, что войны не будет и все будет хорошо.

Однако она все-таки выехала из города с дочками за несколько дней до войны. Но не по моей просьбе, а потому что наступил отпуск, и на руках у нее была открытая путевка в санаторий Крыма. В Ровно тетя Нина задержалась у своей одноклассницы, с которой училась на врача. Они гуляли по городу. Посещали местные достопримечательности, но внезапно рано утром проснулись от разрывов. Город бомбили. Так началась для них война.

Ольга рассказала, что тетя Нина, спешно собираясь, несколько раз поминала меня. Через час они были на вокзале, рядом горели склады, и на них заходила новая группа самолетов. Все было в дыму, и было трудно дышать. Им было очень, очень страшно.

Как тетя Нина уговорила начальника поданного состава посадить их, девочки не знали, однако это не помогло, поезд далеко не ушел. Буквально через час, когда они завтракали в битком набитом купе, раздался грохот, и поезд сошел с рельсов. Про тот ужас, что творился в поезде и рядом с ним, рассказала Аля. Ольга просто не могла: вспоминая тот день, она как будто онемела, крепко прижимаясь ко мне. Аля рассказала, что люди давили друг друга, пытаясь выбраться из вагонов, ставших ловушкой, как в стенах и потолке появлялись большие дыры, рев моторов снаружи. Когда они выбрались, тетя Нина велела им бежать к лесу, до которого по полю было метров триста, минута бега, и ждать ее там, а сама склонилась над раненым. Хоть и стоматолог, но она была военным врачом.

Тут Аля запнулась, она говорила и не могла остановиться. Слушали ее только Зинаида Михайловна, обе Ольги и Сема, остальных уложили спать под общий ивановский навес, нам осталась лежанка под повозкой.

Она глухо рассказала, как услышала рев заходящего для атаки самолета и, обернувшись, собственными глазами увидела, как с десятком человек и их мать исчезла в огне разрывов, в брызгах. Когда они вернулись, то не нашли ее, только... Да, то самое, что осталось.

Потом долгие дни они шли по дорогам с остальными пассажирами этого поезда, к ним примешивались другие беженцы, пока девочки вдруг не обнаружили, что остались одни, вокруг чужие люди. Так они и шли, побираясь и прося покормить в деревнях – некоторые не отказывали, – пока я их не увидел на дороге. У меня даже сердце защемило при мысли, что если бы я не вышел и не увидел их, то мы бы больше никогда не встретились. Случайность, бывает и такое. Но это счастливая случайность.

Моральная опустошенность, легкая степень дистрофии, сбитые в кровь ноги и сильная усталость – вот такими я их и встретил. Надеюсь, детская психика восстановится быстро.

Ничего, теперь они со мной, уж будьте уверены, я не тетя Нина, о них позаботиться сумею. Там в будущем видно будет, но скорее всего, по прибытии в Москву я скатаюсь с ними в Свердловск и отдам на попечение родной тетки. Нужно только связаться с ней письмом или телеграммой. Но это все на будущее, главное, они со мной, остальное решим.

Утром мы позавтракали – женщины сварили густую похлебку на гречке – и, собравшись, двинулись дальше. Особо мы не торопились. Немцы остались далеко позади, авиацию видим редко. Только ту, что летает под самыми облаками на Киев и другие города.

Сестренки большую часть времени проводили со мной, они вообще практически от меня не отходили, постепенно свыкаясь с мыслью, что теперь они не одни. Мне, конечно, было приятно, никто так обо мне не заботился, но хозяйственность взяла свое, и когда готовили завтрак, обоих я отправил на попечение Зинаиды Михайловны, чтобы учила их готовить, а то разогревать готовое и делать бутерброды – это совсем не то, что готовка на костре.

Обе девочки серьезно отнеслись к этому поручению и со всем вниманием учились готовить. После Киева мы двинем к Москве, это еще несколько недель пути, пусть учатся, впереди их ждет богатая практика. Надеюсь, они отойдут от того, что с ними было до нашей встречи.

Спустившись с холма, мы вернулись на дорогу, где снова появились беженцы, и покатали в сторону Киева, оставляя Житомир по правому боку.

Двигались мы все так же неспешно. Пользуясь тем, что немцы остались далеко позади и особой спешки не требуется, свободное время я пустил на дописание блокнотов с методиками обучения. Мы ехали к столице моей родной Украины. Самолеты тоже редко появлялись, в основном те, что гудели на предельной высоте, направляясь бомбить города и железнодорожные узлы. Только один раз мы видели большую группу наших истребителей, что шли строем в сторону фронта. Машин сорок точно было. Я так думаю, это полк перебрасывали своим ходом на усиление фронтовой авиации.

Как бы то ни было, но за этот день мы преодолели порядка сорока километров. Все уже втянулись в эту монотонную езду. Даже Красавец без проблем тянул лямку. Мы всего трижды останавливались на получасовой отдых, чтобы оправиться, поесть бутербродов да напоить животных. Ольга и Аля, кстати говоря, были очень удивлены, что семейство Ивановых было со мной фактически на птичьих правах и все принадлежало мне, но вели себя так же.

– Ой, тот дядька, – тихо ойкнула Ольга, рассматривая стоявшие на железнодорожном переезде телеги и других беженцев, когда мы встали в очередь, терпеливо ожидая, когда пройдет эшелон.

Мы уже подумывали, где вставать на ночевку, как раз за переездом симпатичные такие скирды соломы, вода есть, можно встать лагерем. Но переезд был закрыт, шлагбаум опущен. Ничего, подождем, переедем на ту сторону и встанем лагерем, тем более, кажется, одна копна уже была занята беженцами.

– Ты о чем? – спросил я.

– Да ничего, – быстро сказала Аля, стрельнув в меня глазами.

Прищурившись, я стал изучающе рассматривать телегу, что стояла перед нами, особенно мужичка на козлах, дородную бабу и сопливого паренька моих лет.

– Эти вас обзывали? – хмуро спросил я.

Теперь уже все смотрели на эту семью, потому как сестренки рассказали, что когда их окликнул Сема, то шли за телегой, что перевозила семью, тех, что находились перед нами. Сестренки не ели со вчерашнего дня, до этого их хорошо покормила одна женщина, которая специально готовила побольше, зная, что к ней могут заглянуть беженцы, но эти твари, что сидели в телеге, вызывали у меня просто животную ненависть. Как можно спокойно есть и, насмешливо поглядывая на идущих следом голодных детей, еще и обзывать их? Баба-то эта хотела им дать по кусочку хлеба, но вздрогнула от окрика мужа, который приказал всякую нищую шваль не кормить. Мол, много их тут бродит, всех кормить кормилка отвалится. Тут их Сема окликнул, и сестры оказались на моем попечении.

– А на вид такая приличная семья, – покачала головой сидевшая на скамейке Зинаида Михайловна. Нога у нее уже перестала так болеть, но она все еще пользовалась костылем и при движении сидела впе реди.

– Навозом конским в них кинуть... Свежим, – негромко предложил Сема и натянул поводья, когда Красавец сделал шаг вперед.

– Хорошее предложение, – одобрил я и попросил: – Хлыст подай.

– Ты чего? – почувствовала Аля недоброе и вцепилась мне в рубаху.

– Опустит, ты делаешь мне больно. Отпусти, я сказал! – последнее было выдано приказным тоном, и Аля отпустила. Спустившись на пыльную дорогу, я лениво осмотрелся и направился к телеге, что стояла перед нами, держа в свободной руке хлыст, конец которого волочился по земле.

– Сидеть и не двигаться, – ткнул я пальцем в сторону наших, продолжая держать в этой руке рукоятку хлыста.

Те мой характер уже узнали, поэтому никаких слов возражения не последовало, только Оля что-то хотела сказать, но Аля зажала ей рот рукой.

– Добрый вечер, – подошел я к вознице, внимательно разглядывая его.

– Кому как, – лениво цыкнул тот зубом.

– В этом вы правы. Позвольте задать вам вопрос. Я похож на шваль?

Говорил я спокойно, тихим ненапряжным и неконфликтным голосом. Возница только раз глянул на меня. Определил безобидного паренька с повязкой на плече и рукой на перевязи и, не посчитав опасным, продолжил что-то рассматривать впереди – видимо, заметил дым паровоза. Теперь же, после моего вопроса, он удивленно поднял брови и спросил:

– Чего?

– Ты назвал моих сестер швалью, значит, отождествляешь их со мной. Так я, по-твоему, шваль?.. Мразь?

– Ты чего? – тупо спросил он.

Тут я ударил. Кулаком с зажатой в нем рукояткой хлыста. Мощно ударил, с разворота, вложив в удар весь свой вес. Жаль, я не в полной форме, но и так хорошо ему влетело, сбил-таки я его с козел.

Тот, взвизгнув, упал между телегой и конем, ногой запутавшись в постромках. Взмахнув рукой, расправляя хлыст, я замахнулся и нанес первый удар. Все ожидающие большими глазами наблюдали, как я стегал по визжащему мужчине, который пытался спрятаться, ползая на карачках то под телегой, то под конем. На пятом ударе он что-то достал из-за пояса, но от шестого выронил. Ударом ноги отбив лежавший в пыли наган в сторону, я продолжал экзекуцию, шипя от боли и мысленно сожалея, что на конце хлыста нет свинцовых вставок и я не умею подобным средством наказания пользоваться.

– Что тут происходит? – под конец подбежал к нам спешивший от будки обходчика железнодорожный служащий в соответствующей форме.

– Суд, – коротко ответил я, раздумывая, хватит или еще пару раз ударить этого всхлипывающего в пыли мужичка. К моему удивлению, ни баба, ни паренек особо не вмешивались, словами попытались было вякнуть, но наткнувшись на мой злой взгляд, умолкли. Только два степенных мужика пытались меня остановить, закатав рукава – хоть двое нашлось с нормальными яйцами. Пришлось задрать рубаху и показать рукоятку «Виса». В рубахи мужиков сзади тут же вцепились руки их жен и моментально утащили обратно в толпу. Те особо не упирались.

– Я председатель Михайловского колхоза. Этот преступник напал на меня и избил, – невнятно, но на удивление здраво вдруг сказал продолжавший лежать в пыли возница.

– Ты еще забыл сказать, падаль, что я тебя разоружил.

Подняв наган, я покрутил барабан, проверяя, заряжен ли он был. Убедившись, что да, сунул в карман штанов.

– Так все-таки что тут произошло? – продолжил настаивать железнодорожник.

Несмотря на то что воинский эшелон прошел в сторону Ровно, все, кто был свидетелем наказания, не спешили двигаться дальше и ждали развития событий. С сожалением посмотрев

на испачканный кровью хлыст, я замахнулся и кинул его в кусты – все равно им не пользуемся – после чего пояснил свидетелям:

– Когда двигаешься среди таких же беженцев и обездоленных, не надо кичиться своим положением и травить голодных детей, обедая у них на глазах, а потом называть моих сестер «всякой швалью». Я, надеюсь, доходчиво все объяснил? Получил он за то, на что нарывался.

– Это все равно не по закону, – нахмурился железнодорожник.

– Да, – согласно кивнул я. – Я подумывал просто пристрелить его или всадить в живот пару пуль, чтобы он помучился. Но потом понял, что я не он, на подобное не пойду, вот хлыстом и поработал... С нежностью.

– Что тут происходит? – громко спросил сержант НКВД, в сопровождении трех бойцов протискиваясь через окружающих нас зрителей.

– Я все скажу! – неожиданно вскочил возница и, подскочив к брезгливо отодвинувшемуся от него сержанту, тут же затараторил: – Это преступник, он разоружил меня и забрал оружие! Я председатель Михайловского колхоза Слуцкий...

– Документы есть? – перебив его, спросил сержант.

Пока тот предъявлял документы, пытаюсь достать их разбитыми пальцами, на которые я «случайно наступил» во время экзекуции, осмотрелся, заметив на дороге полуторку, с пятью бойцами НКВД рядом, на которой, видимо, и прибыли эти представители власти. Один из подошедших бойцов попросил у меня документы, потребовал также вернуть оружие, причем достаточно вежливо. Оружие я вернул, в ответ потребовал предъявить документы бойца. Тот кочевряжиться не стал и предъявил. Проверка показала их подлинность, следы скрепки и метки присутствовали.

Когда боец заканчивал с интересом читать мои документы, подошли сержант с сопровождающим его председателем, на лице которого помимо грязи и расплывающихся синяков светилось злорадство.

– Что тут, Смелов?

– Да вот, товарищ сержант, наш оказался. Из луцкого отдела, – ответил тот.

Я с усмешкой наблюдал, как злорадство сползает с лица председателя чего-то там и сменяется страхом.

– Понятно, – изучив документы, протянул сержант. – Ну и что вы не поделили?

Мой рассказ он выслушал внимательно, пару раз кивнул и громко сообщил заметно рассосавшимся зрителям:

– Ничего интересного тут не происходит, граждане, попрошу проследовать по своим делам, – после чего, повернувшись, спросил: – В Киев?

– Да, там бывший начальник отдела работает, на повышение пошел. Он, я да пара ребят, что майор увел с собой – вот и все, кто уцелел из отдела.

– А остальные?

– Немцы внезапно ворвались в город, подогнали к отделу огнемётный танк, и всех ребят, что отбивались... – я расстроено махнул рукой. – Некоторые живыми факелами выпрыгивали из окон, их прямо на земле добивали солдаты. Я чуть-чуть не успел, вел взятого живым немецкого диверсанта в нашей форме. У меня на глазах все было. Пришлось уничтожить его и уходить дворами.

– М-да-а, – протянул сержант. – Не слышал об этом... А рука?

– Это потом, на мосту в районе Ровно, снайпер из группы немецких парашютистов снял.

– Ясно.

Осмотревшись и убедившись, что кроме наших двух телег, «ЗИСа» и местного железнодорожника никого рядом нет, сержант нанес великолепный молниеносный удар, буквально утопив кулак в животе председателя. Тот упал на колени, и его начало шумно рвать. Бойцы,

брезгливо на него поглядывая, начали обыск телеги председателя, велев пассажирам покинуть ее.

– Человек всегда должен оставаться человеком, – пояснил сержант этому непонятному председателю, после чего, скомандовав бойцам занимать места в машине, протянул руку мне и сказал: – Надеюсь, еще свидимся... кстати, как твоего бывшего начальника фамилия?

– Рогозов, – улыбнулся я.

– Товарищ сержант! – негромко окликнул его один из бойцов, что-то доставая из телеги. Я не рассмотрел, что именно, сержант загоразживал.

Тот, видимо, рассмотрев, что именно ему показывал боец, развернулся с перекошенным от ярости лицом и, подскочив к председателю, буквально футбольным ударом утопил носок сапога в многотрадном животе ублюдка. Тот всхлипнул еще раз и замер в одной позе, свернувшись калачиком. Но он был еще жив, я видел, как он судорожно пытается вздохнуть.

– Грузите эту падаль, – махнул рукой сержант.

Один из бойцов допрашивал дородную бабу и, видимо, сына возницы, два бойца подхватили два мешка и понесли их к машине, потом вернувшись за председателем.

– Что там у него было? – негромко спросил я.

– На десяток расстрелов точно есть, – расстроено ответил сержант и, еще раз протянув руку, сказал: – Удачи.

Парни попрыгали в машину, и та, завывая изношенным мотором, покатила по дороге в сторону Житомира, а я коротко кивнул тоскливо мнущемуся рядом железнодорожнику и, вернувшись к своим, велел, забираясь в повозку:

– Трогай.

До Киева было порядка ста пятидесяти километров от того памятного железнодорожного переезда. Проехали мы их вполне благополучно, и без особых происшествий за четыре дня достигли окраин города. Когда он стал виден, Сема опустил поводья и счастливо вздохнул:

– Доехали.

– Ты правь давай. Вон туда, там встанем, – указал я рукой, встав на колени.

– А что, в город заезжать сегодня не будем? – спросила заслуженная учительница.

– Время вечернее, к тому же военное. Вы что-нибудь про комендантский час слышали?

– Ах, ну да... Да, тогда лучше переночевать тут, в поле, а завтра въедем в город. А ведь отсюда, от окраины, до дома, где живет моя сестра, всего десять минут идти. А дальше родители. Местная я.

– Я понимаю, что хочется побыстрее увидеть своих близких, но почти десять дней ехали, еще ночь можно потерпеть, – ответил я и спросил Семана: – Пост видишь?

– Да, на дороге с мешками и будкой.

– Это стационарный пропускной пункт. Давай к нему, рядом встанем.

– Похоже, там рядом натоптано, кто-то уже лагерь разбивал, – кивнул Сема.

– Да, похоже, – рассеянно ответил я. – Видишь у речки место удобное? Вот туда давай. Заодно искупаемся, мне тоже помыться хочется. Хотя бы ниже пояса, да и верх протереть влажным полотенцем можно.

Встали мы лагерем нормально. Когда ужин был почти готов, к нам наведася представитель с блокпоста в звании сержанта. Узнав, что мы беженцы с западных районов, покивал, внимательно слушая, проверил документы, у меня особенно – я все еще двигался под прикрытием Михайло, – после чего ушел, отказавшись от предложения отужинать с нами.

Утром мы благополучно въехали в город, нас попытались было досмотреть, хоть и мельком, но появившийся из блиндажа знакомый сержант велел пропустить. В принципе, против досмотра я не возражал. Кроме табельного оружия, ничего предосудительного со мной не было, все лишнее я прикопал в одной из посадок в выворотне, завалив прошлогодней листвою и замаскировав. Все равно долго не пролежат, быстро вернуться.

– Сюда, налево надо, куда ты правишь? – командовала Зинаида Михайловна.

– Мама, там машина с углем разгружалась, не проехали бы мы там. Сейчас тут повернем, а там по переулку и к бабушке с дедушкой проедем, – объяснял Сема. Он этот район знал хорошо, каждое лето тут проводил, поэтому правил уверенно.

Действительно, проехав по улице, где стояли частные дома, мы свернули в узкий тенистый переулок и, кланяясь низко висящим ветвям вишен, яблонь и груш, выехали на параллельную улицу, где остановились у довольно прилично выглядевшего дома.

– Ничего слышать не хочу, погостите у нас, – заявила нам Зинаида Михайловна, когда Семен натянул поводья.

Отрицательно покачав головой, я ответил:

– Извините, мы не можем. В городе максимум на пару дней пробудем, после чего поедем в Москву. Задерживаться мы тут не можем.

– Ну, хоть эти два дня погостите... – тут она умолкла и, ловко соскочив со скамейки, шустро похромала к появившейся старушке, что вышла из-за ворот на улицу, подслеповато поглядывая на нас.

Как я ни объяснял, что нам требуется спешить, однако Ивановы втащили-таки нас угоровами в дом и усадили за шустро накрытый стол, пока Семен и его дед распрягали Красавца.

Одним словом, освободиться мы смогли только через два часа, мне даже ремень на брюках пришлось расстегнуть, чтобы было посвободнее. Да и сестренки осоловели от еды.

– Зинаида Михайловна, – подошел я к беседующим на кухне трем женщинам: учительнице, ее матери и недавно прибежавшей сестре, – у вас до которого часу работает рынок? Купить кое-что нужно.

– А что именно? – поинтересовалась ее мама, Клавдия Ивановна.

– Одежду для сестер. Некоторые предметы для путешествий, в частности одеяла, ну и другую мелочь. Поистрепались они, да и платья у них единственные.

– А зачем покупать, если у нас все это есть? – всплеснула руками Клавдия Ивановна. – Зина, открывай сундуки, поделимся одежкой-то.

– Да лучше мы сами, – попытался было я возражать, но на меня сердито шикнули, сказав, откуда, мол, у сиротинушек деньги, и увели сестер в зал примерять старые запасы. Если что, можно и перешить, швейная машинка имелась у безотказных соседей.

Махнув на них рукой, я тяжелой походкой вышел во двор, где грелись и негромко беседовали Сема и его дед, хозяин дома Евсей Агапович.

– Не помешаю? – присел я рядом.

– Нет, мы так, про дорогу говорили, – ответил дед. – Сам-то что собирался? Вроде сходить куда хотел? Так ты скажи, я тут все знаю.

– Да меня Сема проводит, – замахал я правой рукой. – Сем, сейчас я вещи из повозки заберу, и проводишь меня.

– Хорошо.

Сходив в туалет – молока много напился, – я повесил на правое плечо новенький армейский сидор, в котором до того хранились сухари, и мы вышли со двора на улицу. Женщин в доме сейчас лучше не трогать, они там несколько часов будут перебирать ткани и спорить, что подойдет. Причем еще и получая от этого удовольствие. Вот я и решил воспользоваться минуткой и направиться в здание республиканского управления НКВД. Где это здание находится, Сема знал, поэтому повел по улице уверенно.

Красавец уже был обихожен, да и Шмель спал под крыльцом кверху пузом, даже его закормили, так что шагал я легко. Сделаю дела, соберусь и поеду в Москву, до нее порядка тысячи километров, недели за две с половиной, а то и три доберемся. Как раз ко дню рождения, а это значит, можно получить паспорт и попробовать купить дом на себя. Денег у меня хватало. Трофеи были приличные.

– Вон оно, – указал мне Сема.

До этого района мы доехали на трамвае с двумя пересадками, далековато оказалось управление от того района, где жили Ивановы. Но как бы то ни было, мы были на месте.

– Хорошо, – кивнул я, пристально изучая нужное мне строение. – Вот, держи пять рублей, подожди меня в кафе.

– Я лучше в тенечке посижу. Как раз мороженого поем, вон его продают.

– Хорошо, жди, – кивнул я и, поправив лямки сидора на правом плече, энергично зашагал к зданию управления.

В здании было прохладно. Пройдя через тамбур в фойе, где за столом сидел дежурный, я протянул ему свои документы, сообщив, что хотел бы встретиться с майором госбезопасности Рогозовым. Тут меня ждала первая неприятная новость.

– Его нет. Вместе со своими людьми убыл в длительную командировку, – сообщил дежурный в звании лейтенанта.

– Что делать? – растерялся я. – У меня при себе особо важные документы из луцкого отдела, которые должны быть направлены лично наркому или его прямому заму.

– За отправку секретной почты ответственен старший лейтенант Ложин. Сейчас я его вызову, а также капитана Ермолина, он сегодня дежурный по управлению. Я так понимаю, вы были участником боя у здания отдела?

– Да, можно и так сказать. У меня документы погибшего сотрудника. Сержанта Филиппова, секретаря начальника отдела капитана Немцова. Когда немцы жгли отдел из огнемета, он успел выпрыгнуть из окна и сбить пламя. Но добежать до меня не смог, немцы смертельно ранили.

– Понятно, – вздохнул дежурный и, сняв трубку телефона, стал обзванивать нужные кабинеты. Через минуту он протянул мне небольшой листок с номером кабинета, сообщив: – Там вас также будет ждать старший лейтенант Ложин.

– Ясно.

Я было отошел, но снова вернулся к столу дежурного.

– Что-то еще? – он поднял голову от журнала учета.

– Да. У вас тут санчасть действует? Мне бы перевязаться.

– Хорошо, я позвоню и предупрежу о вашем приходе.

– Спасибо.

Поднявшись на второй этаж, я постучался в нужный кабинет и прошел в него после разрешения. В кабинете находился командир госбезопасности в звании капитана. Не успел я пройти к столу и занять один из стульев, как зашел еще один – видимо, Ложин, так как в петлицах у него были шпалы майора.

– Я ничего не пропустил? – спросил он, усаживаясь напротив меня.

– Нет, как раз вовремя успел, – успокоил его капитан, после чего обратился ко мне: – Представьтесь и сообщите цель вашего прихода.

– Михайло Москаль, внештатный сотрудник Луцкого отдела НКВД по Волынской области. Основная специализация – диверсионная и противодиверсионная деятельность, помогал подразделениям нашего осназа в уничтожении банд и диверсионных групп противника перед войной и после ее начала.

– Мне сообщили, молодой человек, что вы вынесли из отдела секретные документы. Мне требуется завизировать их, – сообщил Ложин.

– Это не совсем так. Я вынес блокноты, в которых записаны методики подготовки диверсионных, противодиверсионных, партизанских и противопартизанских отрядов. Сейчас эти службы находятся в зачаточном состоянии, и идет судорожное их формирование. А у меня на пяти блокнотах расписаны основы. То есть наши подразделения на Волыни уже удачно их использовали, применяли и работали. Вот экспертная справка командира взвода осназа лей-

тенанта Лешего, он изучил записи и дал положительную оценку. Также тут отметился его зам, снайпер по специальности.

– Про снайперов тоже есть? – заинтересовался Ложин, просматривая блокноты, что я выкладывал на стол из сидора, и читая восторженные записи лейтенанта и сержанта.

– Да, там полная выкладка. Как вы понимаете, без решения начальства ход этим документам не дадут, а они очень нужны тем ребятам, что должны скоро отправляться за линию фронта. Пять дней подготовки, и то в плюс, они хоть будут знать, что делать, как себя вести... Вот тут аналитическая справка капитана госбезопасности Немцова о будущем ходе войны. Часть записей пострадала, мне пришлось переписывать их своей рукой, как вы видите.

– Согласен, документы очень интересны, – кивнул Ложин. – Я их забираю. Наши эксперты их проверят, сделают выводы. После чего документы будут отправлены в Москву. Это все, что я смогу сделать. Разве что только поторопить их с проверкой. Так что максимум дня через три спецпочтой эти материалы будут в Москве.

Ложин быстро написал на двух бланках акты о передаче ему этих документов, один оставил мне, предварительно велел расписаться в обоих в трех местах, другой забрал вместе с вымученными из моей памяти материалами.

После того как он поспешно ушел, за меня взялся капитан. С ним мы просидели почти пару часов, даже секретаря вызывали, которая, стуча по клавишам пишущей машинки, записывала за мной свидетельские показания об уничтожении нацистами луцкого отдела. Оказалось, об этом уже знали от армейцев и особых отделов частей, но я первый явившийся очевидец.

Также я отдал все те документы, что были мной захвачены: уничтоженных мотоциклистов, двух немцев... Только не было документов ефрейтора, которого я отдал мотострелкам – пришлось передать вместе с ним, но от них я бумагу за него получил. Потом два фальшивых удостоверения диверсанта и удостоверение секретаря Немцова. Все это было описано и опечатано в конверте вместе с показаниями. Их должны были передать дальше, дежурный по управлению просто снял с меня свидетельские показания.

– Вот и все, – сообщил капитан, убирая пакет в сейф. – У тебя какие планы?

– Посещу санчасть тут у вас, перевязку надо сделать. Потом на квартиру, и через пару дней в Москву поеду.

– Почему тут не хочешь задержаться?

– Потому что я читал аналитическую справку Немцова и полностью с ним согласен. Немцы возьмут Киев ближе к сентябрю. Где-то в то время.

– Что же вы все за паникеры такие? – вздохнул капитан и, закулив, подошел к форточке, выпуская дым наружу. – У нас там УРы, обломают немцы о них зубы.

– Вы, может, товарищ капитан, что-то не знаете, но я проезжал эти УРы. Пустые они, даже пушек нет. Если вы надеетесь, что болота немцев задержат, так я вас разочарую: высохли они, и пройдут немцы по ним аки посуху, обойдя УРы. Не-е, я в Москву, там надежнее. Подлечусь и буду немцев крошить, благо опыта набрался.

– Ну смотри. Только о захвате Киева никому, не так поймут и побить могут.

– Да не дурак, понял уже. Вам бы тоже не сказал, но вижу, что вы адекватный человек и поймете разницу между констатацией факта и паникой. Так что советую поберечься.

– Да иди уже. Врачу позвонить, предупредить? – предложил он.

– Дежурный уже предупредил.

– Санчасть у нас на первом этаже, по коридору налево, в конце.

– Хорошо, спасибо. Да, кстати, а как обстановка на фронтах?

– Держим, контратакуем, – спокойно ответил капитан.

Оставив капитана задумчиво курить у окна, я вышел в коридор и, поправив косынку, направился к лестнице. Может, и зря я так вот пропыленный с дороги пришел сюда, но пере-

одеваться мне было недосуг. Только и успел, что умыться и слегка отряхнуться. Мне требовалось сделать свое дело, и можно со спокойной душой отправляться в Москву.

В санчасти, пока хмурый врач довольно ловко разматывал мне повязку, я размышлял, обдумывая свое решение выдать историю первого года войны за аналитическую справку погибшего на рабочем месте Немцова. Зря я это сделал или нет? Поможет ли это?

– Ой! – воскликнул я, когда врач рывком оторвал повязку. Почти сразу у меня вырвалось: – Вы что, намочить ее не можете?! Это же не трудно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.